

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
Высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина»

На правах рукописи

Хмелинин Алексей Алексеевич

**НЕОЛИБЕРАЛИЗМ КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННЫХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ**

Специальность 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор политических наук, профессор Русакова Ольга Фредовна

Екатеринбург

2016

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Неoliberalизм как идейно-политический феномен	24
1.1. Понятие, идейные основы и формы neoliberalизма	24
1.2. Неoliberalная глобализация и политика: критический анализ	52
1.3. Неoliberalный дискурс как фактор ценностных трансформаций	68
Глава 2. Неoliberalные политические трансформации и технологии	84
2.1. Неoliberalные трансформации государства и демократии	84
2.2. Особенности российского neoliberalизма	104
2.3. Современные политические технологии в арсенале neoliberalизма	125
Заключение	147
Библиография	153

Введение

Актуальность темы диссертационного исследования. Современный неолиберализм – сложносоставное явление политической реальности. Это и концептуально многоплановая политическая доктрина, отражающая систему теоретических положений, которые берутся за основу при обосновании стратегического курса государства и международных объединений, и широко распространенная политическая практика, отражающая интересы транснациональных монополий и гегемонистских групп влияния.

Одной из исследовательских задач современной политической науки является комплексный анализ неолиберализма как особой политической доктрины, стратегии, реформаторской практики, а также – как своеобразного политического дискурса и определенной системы взглядов, которые оказывают большое преобразовательное воздействие на развитие современных политических институтов и процессов.

Изучение неолиберализма как влиятельного политического феномена современности представляется теоретически важным для понимания содержания и механизмов реализации глобальных и иных трендов в политической жизни общества, особенностей государственных преобразований и управленческих практик. Среди данных трендов – усиление господства транснациональных корпораций и финансового капитала, обострение конкурентной борьбы за сферы мирового влияния, ослабление государственного суверенитета, углубление процессов социального и цифрового неравенства, расширение зон социально-политической и экономической турбулентности.

Стратегия неолиберальных реформ декларативно направлена на реализацию в мировом и региональном масштабах экономической и политической свободы, при правильном распоряжении которой государство, якобы, в состоянии обеспечить себе устойчивое развитие, экономический рост, создать благоприятную институциональную среду для формирования правового демократического порядка, в котором нормативно действующие рыночные субъекты обеспечивают общегосударственную эффективность. Однако практика показывает, что реформы, проводимые по рекомендациям таких глобальных проводников неолиберальной доктрины как МВФ, МБ и ЦБЕ, в итоге оборачиваются углублением кризисных явлений внутри государств, усилением внутренних конфликтов.

С самого своего начала развитие постсоветского российского политического процесса осуществлялось в условиях проведения радикальных неолиберальных реформ, которые получили свое практическое воплощение в стратегии под названием «шоковая терапия», в программах «монетизация льгот», приватизации через ваучеризацию, в коммерциализации здравоохранения, образовательной, культурной и научной сфер жизни, в рекламе утилитарно-потребительского образа жизни. Уже в середине 90-х годов обнаружилось негативные последствия данных реформ, которые стали предметом пристального внимания со стороны авторитетных исследователей¹.

В последние годы в общественных и научных кругах заметно усилились критические настроения в отношении политической доктрины и практики неолиберализма, что не могло не навести на мысль о том, что эпоха доминирования неолиберализма в мировом идейном и политическом пространстве близка к своему завершению. Однако, как показывает опыт последних лет, связанный с распро-

¹Ахиезер А. Российский либерализм перед лицом кризиса // *Общественные науки и современность*. 1993. №1. С. 12-21; Гаджиев К.С. Размышления о свободе // *Вопросы философии*. 1993. № 2. С. 33-48; Капустин Б.Г., Клямкин И.М. Либеральные ценности в сознании россиян // *Политические исследования*. 1994. № 1. С. 68-92; Батчиков К., Кара-Мурза С. 8-я Международная конференция "Глобализация и развитие" в Гаване (Куба) [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.kara-murza.ru/referat/Neoliberal/neoliberalReform.html>; Рубцов А.В. Наказание свободой (смысл и перспективы либеральных традиций в современной России) // *Политические исследования*. 1995. № 6. С. 10-18, и др.

странением гегемонистских методов влияния и контроля над мировыми процессами, с практикой двойных стандартов, неолиберализм, отнюдь, не собирается сдавать своих позиций. Напротив, неолиберализм сегодня включает в свой политико-технологический арсенал все новые эффективные методы и технологии расширения сфер своего влияния. В целях защиты интересов транснациональных корпораций и установления контроля за политическими процессами неолиберальные акторы берут на вооружение новейшие информационно-коммуникативные технологии, инструменты «мягкого» влияния (soft power), стратегию так называемой «умной власти», методы организации «цветных революций», технологии современных информационных, сетевых и гибридных войн.

В этой связи всестороннее изучение неолиберализма как многопланового и развивающегося политического феномена, оказывающего глубокое трансформационное воздействие на разнообразные сферы общественной жизни, представляет значительный интерес для современной политической науки и практики управления политическими процессами.

Степень научной разработанности проблемы. В современной литературе не сложилось однозначного понимания термина «неолиберализм». Существует точка зрения, согласно которой неолиберализм трактуется как некая интеграция идейных элементов классического европейского либерализма XVIII-XIX вв. с рядом постулатов социал-демократии, в частности, с идеей социального государства, получившей отражение в политико-правовых воззрениях российской либеральной интеллигенции начала XX века². В исследованиях по истории политической экономики под неолиберализмом понимается совокупность экономических школ, которые противостояли кейнсианству и экономическим проектам социалистов и коммунистов в целом ряде западных государств.³ В некоторых работах под нео-

² Попова А. В. Русская неолиберальная политико-правовая доктрина как интегральный тип правопонимания в конце XIX – начале XX вв. // Политика и Общество. 2014. № 2. С. 167-175.

³ Блюмин И. А. Критика буржуазной политической экономики / Кризис современной буржуазной политической экономики. Том 3. 1962. Общая характеристика неолиберализма [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://economuch.com/politicheskoy-ekonomiki-istoriya/obschaya-harakteristika-neoliberalizma-13639.html>

либерализмом понимается исключительно политика радикально-рыночных реформ, проводимых сторонниками Вашингтонского консенсуса⁴.

В большинстве же работ неолиберализм рассматривается в качестве ведущего драйвера процесса глобальной маркетизации, коммерциализации и монетизации общественных отношений, продвигающего во всех сферах жизни социума интересы транснациональных корпораций и центров мирового политико-экономического влияния (МВФ, ВТО, Международный Банк, G7 и др.).

Неолиберальный поворот или неолиберальная глобализация как масштабный политический проект трансформации общественных отношений и общественного сознания в направлении их служения интересам транснациональных корпораций является одним из центральных сюжетов большого числа научных исследований. Разработка данной проблематики представлена в трудах таких ученых как: У. Бек⁵, Ф. Джеймисон⁶, М.В. Ильин⁷, В.К. Карнаух⁸, Ю.Н. Мосейкин⁹, В. Наварро¹⁰,

⁴ Кальюни Э.О. Экономическая стабильность и кризис неолиберализма в Латинской Америке: переосмысление реформ или поиск новой парадигмы развития? // Латинская Америка. 2007. № 5. С.18-27; Ананьин О., Хайкулов Р., Шестаков Д. Вашингтонский консенсус: пейзаж после битвы //Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 12. С.15-27 и др.

⁵ Бек У. Трансформация политики и государства в эпоху глобализации [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.politizdat.ru/article/91/>

⁶ Jameson F. Notes on globalization as a philosophical issue. // London: Globalization. Critical Concept in Sociology. Vol. I. 2003. P. 309-328.

⁷ Ильин М. В. Государство-нация и исторические трансформации мирового устройства - В кн.: Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке: Учебник / Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А.Байкова. – 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2014. С.58-72.

⁸ Карнаух В. К. Глобализация: критика неолиберального подхода // Глобализация в социально-философском измерении. Сборник материалов конференции. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С.47-51.

⁹ Мосейкин Ю. Н. Неолиберальный глобальный проект // Журнал экономической теории. 2009. № 2. С.200-205; Мосейкин Ю. Н. Международный транснациональный капитал в Латинской Америке. М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2010. 220 с. и др.

¹⁰ Neoliberalism, Globalization and Inequalities. Consequences for Health and Quality of Life / Edited by Vicente Navarro // Policy, Politics, Health and Medicine Series. Vincent Navarro, Series Editor. New York: Baywood Publishing Company, 2007. 518 p.

М. Стоядинович¹¹, С.А. Тангян¹², С.А. Третьякова¹³, А.И. Уткин¹⁴, Н. Хомский¹⁵ и др.

Вопросы реализации глобального неолиберального проекта в странах Запада и Латинской Америки получили освещение в исследованиях таких зарубежных авторов как Д.Дж. Айкенберри¹⁶, Д. Арриги¹⁷, А.Д. Бардер¹⁸, Г. Дюменил и Д. Леви¹⁹, М. Прасад²⁰, Д. Раундз²¹, М. Фуркад-Гуринчас²², Э.О. Кальюни²³ и др.

Значительный вклад в изучение особенностей реализации и последствий неолиберальных реформ в странах Латинской Америки внесли отечественные латиноамериканисты: Д.В. Белов²⁴, А.В. Бобровников²⁵, В.М. Давыдов²⁶, И.К. Шереметьев²⁷ и др.

¹¹ Стоядинович М. Неолиберализм и неоимпериалистический концепт глобализации. Перевод – Ранко Гойкович, Павел Тихомиров. Русская народная линия – информационно-аналитическая служба. 20.04.2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://ruskline.ru/analitika/2012/04/20neoliberalism_i_neoimperilisticheskij_koncept_globalizacii/

¹² Тангян С. А. Неолиберальная глобализация. М.: Современная экономика и право, 2004. 240 с.

¹³ Третьякова С. А. Альтерглобализм и неолиберальная глобализация в современном политическом процессе // Проблемы современной экономики. 2010. № 4. С. 414-415.

¹⁴ Уткин А. И. Глобализация: процесс и осмысление. М.: Логос, 2001. 254 с.

¹⁵ Хомски Н. Неолиберализм и глобальный порядок [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/490>

¹⁶ Ikenberry G. J. The Liberal Leviathan: The Origins, Crisis, and the Transformations of American World Order. Princeton: Princeton University Press, 2011. 392 p.

¹⁷ Arrighi G. The Long twentieth Century: Money, Power and the Origins of Our Times. New York: Verso, 2010. 432 p.

¹⁸ Barder A. D. American Hegemony Comes Home: The Chilean Laboratory and the Neoliberalization of the United States [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://alt.sagepub.com/content/early/2013/04/18/0304375413486331>

¹⁹ Dumenil G., Levy D. Neoliberal Income Trends: Wealth, Class and Ownship in the USA // New Left Review. 2004. №30. P.105-133.

²⁰ Prasad M. The Politics of Free Markets: The Rise of Neoliberal Economic Politics in Britain, France, Germany and United States. Chicago: University of Chicago Press, 2006. 280 p.

²¹ Раундз Д. Неолиберализм в странах Латинской Америки. Критика с позиций Карла Полаanyi. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://personnel.uapa.ru/courses/%CB%E0%F2%C0%EC%E5%F0%E8%EA%E0.htm>

²² Furcade-Gourinchas M., Babb S. The Rebirth of the Liberal Greed: Paths to Neoliberalism in Four Countries // American Journal of Sociology. 2002. №108. P.533-579.

²³ Кальюни Э.О. Экономическая стабильность и кризис неолиберализма в Латинской Америке: Переосмысление реформ или поиск новой парадигмы развития? // Латинская Америка. 2007. №5. С.18-27.

²⁴ Белов Д.В. Изменения экономических функций государства: опыт латиноамериканских стран // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 6. С. 121-129.

В последнее время широкое распространение получили исследования, в которых неолиберализм рассматривается как философский, политический, экономический и социокультурный дискурс, транслирующий особую систему ценностей и формирующий такой тип субъектности, который подвержен разного рода манипуляциям со стороны неолиберальных СМИ, политических и массово-развлекательных технологий (П. Бурдьё²⁸, П. Дардо и К. Лаваль²⁹, А.А. Жиру³⁰, М. Хильгерс³¹ и др.).

Неолиберальные идейные установки и политические практики далеко неоднозначно оцениваются и анализируются в научных кругах. На наш взгляд, можно выделить три группы теоретических работ, различающихся по своим оценочным акцентам в анализе неолиберализма: 1) работы апологетического характера; 2) работы с преимущественно «взвешенной» оценкой; 3) работы с критической доминантой.

К первой группе можно отнести труды признанных «певцов» неолиберализма — лидеров Фрайбургской школы (В. Ойкен, В. Репке, А. Рюстов, Л. Эрхард), Чикагской или «монетарной школы» (Л. Мизес, М. Фридман, А. Шварц), Лондонской школы (Л. Роббинс, Ф. Хайек), аналитиков Нью-Йоркского Фонда Сороса (Д. Липтон, Д. Сакс), Парижской школы (М. Алле, Ж. Рюэфф).

В России принципы и стратегии неолиберализма получили свое теоретическое обоснование в работах инициаторов и идейных проводников радикальных либе-

²⁵ Бобровников А.В. Латинская Америка: новые вызовы и пути модернизации // Латинская Америка. 2005. №10.

²⁶ Давыдов В.М. Неолиберальная перестройка и ее последствия в Латинской Америке. М.: Наука, 2009. 581 с.

²⁷ Шереметьев И.К., Николаева Л.Б. Латинская Америка в поисках адекватной модели развития // Латинская Америка. 2013. №8. С.4-17.

²⁸ Bourdieu P. What is neoliberalism? A programme for destroying collective structures which may impede the pure market logic [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://mondediplo.com/1998/12/08bourdieu>

²⁹ Дардо П., Лаваль К. Неолиберализм и капиталистическая субъективация // Логос. Философско-литературный журнал. 2011. №1(80). С.103-117.

³⁰ Жиру А.А. Зомби-политика и культура в эпоху казино-капитализма X.: Гуманитарный Центр, 2015. 284 с.

³¹ Hilgers, M. The three anthropological approaches to neoliberalism. // International Social Science Journal. 2011. №61(202). P.351-364.

ральных реформ 1990-х гг. – П.О. Авена и А.Р. Коха³², Е.Т. Гайдара³³, А.А. Нечаева³⁴, Я.М. Уринсона³⁵, Н.П. Шмелева³⁶, Е.Г. Ясина³⁷.

«Взвешенный» подход к осмыслению феномена неолиберализма наиболее типичен для работ идейно-исторического, философско-политического и системно-обобщающего характера. К данному типу исследований, прежде всего, необходимо отнести лекционный курс М. Фуко, прочитанный им в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году. В центре внимания выдающегося философа – вопросы становления неолиберализма как философско-политической доктрины и как определяющего фактора развития современного западного мира³⁸. В том же ключе работают сегодня такие исследователи как К. Крауч³⁹, Дж. Кэмпбелл и О. Педерсен⁴⁰, П. Манент⁴¹, Дж. Пек⁴², А. Тикелл⁴³, П. Тренор⁴⁴, Ю. Хабермас⁴⁵ и др.

К данной группе можно также отнести авторов, в исследованиях которых неолиберализм рассматривается в контексте истории политической мысли и политической философии (Т.А. Алексеева, Э.Я. Баталов, Д. Боуз, Г.А. Быковская, Г.С. Гаджиев, А.Н. Загородников, Б.Г. Капустин, А.В. Каримов, У. Кимлика, Р. Ку-

³² Авен П., Кох А. Революция Гайдара: история реформ 90-х из первых рук. М.: Альпина Паблишер, 2013. 471 с.

³³ Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки современной России. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. 250 с.

³⁴ Нечаев А.А. Кризис в России. Кто виноват и что делать? М.: Астрель, 2009. 317 с.

³⁵ Уринсон Я. Экономические реформы в России – 20 лет спустя. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://ecpol.ru/index.php/2012-04-05-13-39-38/2012-04-05-13-39-53/381-ekonomicheskie-reformy-v-rossii-20-let-spustya>

³⁶ Шмелев Н.П. Россия и мировой кризис: назревшие перемены // Современная Европа. 2009. № 3. С. 5-15.

³⁷ Ясин Е.Г. Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ. М.: ГУ ВШЭ, 2002. 437 с.

³⁸ Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010. 448 с.

³⁹ Крауч К. Странная не-смерть неолиберализма. М.: Дело, 2012. 272 с.

⁴⁰ Campbell, J.L., Pedersen, O.K. The Rise of Neoliberalism and Institutional Analysis. Princeton: Princeton University Press, 2001. 280 p.

⁴¹ Manent P. An Intellectual History of Liberalism. Princeton: Princeton University Press, 1996. 142 p.

⁴² Peck J. Constructions of Neoliberal Reason. Oxford: Oxford University Press, 2010. 324 p.

⁴³ Peck J., Tickell A. Neoliberalizing Space // Antipode. 2002. №34/2. P. 380-404.

⁴⁴ Тренор П. Неолиберализм: происхождение, теория, определение [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://web.inter.nl.net/users/Paul.Treanor/neoliberalism.html>

⁴⁵ Хабермас Ю. Расколотый Запад. М.: Весь Мир, 2008. 192 с.

бедду, В.П. Макаренко, К.Б. Макферсон, А.А. Раквиашвилли, О.Ф. Русакова, А.И. Соловьев, В.Л. Сморгун, Р.А. Черенков, А.В. Щипков и др.), а также в контексте теории международных отношений и мировой политики (А.Д. Богатуров, Ф. Закариа, Н.А. Косолапов, М.М. Лебедева, А.В. Торкунов, М.А. Хрусталева, А.П. Цыганков, П.А. Цыганков и др.).

«Взвешенный» анализ дискурсивных практик неолиберализма содержится в работах Д.В. Ефременко⁴⁶, О.Ф. Русаковой,⁴⁷ В.В. Шабельника⁴⁸.

Доминантно-критический подход при анализе неолиберализма характерен для научного творчества таких авторов как О.Т. Богомолов⁴⁹, А. де Бенуа⁵⁰, Л. Болтанский и Э.Кьяпелло⁵¹, В. Браун⁵², Дж. Грей⁵³, П. Дардо и К. Лаваль⁵⁴, А.Г. Дугин⁵⁵, С. Жижек⁵⁶, А. Жиру⁵⁷, А.С. Панарин⁵⁸, И. Початек⁵⁹, Дж. Стиглиц⁶⁰, Д. Харви⁶¹ и др.

⁴⁶ Ефременко Д. В. Вашингтонский консенсус против консенсуса Рио. О конкуренции политических дискурсов глобализации и устойчивого развития // Свободная мысль. 2007. №2 (1573). С. 80-92.

⁴⁷ Русакова О.Ф. Современная политическая философия: предмет, концепты, дискурс. Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2012. С. 238-245.

⁴⁸ Шабельник В. В. Неолиберализм и неоконсерватизм в российском и зарубежном политическом дискурсе : дис. ... канд. полит.наук: 23.00.02 / Шабельник Виктор Владимирович. – Санкт-Петербург, 2006. - 184 с.

⁴⁹ Богомолов О.Т. Экономическая глобализация: критический анализ [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=2003/4/02>

⁵⁰ Бенуа А. Против либерализма к четвертой политической теории. СПб.: Амфора, 2009. 480 с.

⁵¹ Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 976 с.

⁵² Brown W. Undoing the Demos: Neoliberalism's Stealth Revolution. New York: Zone Books, 2015. 292 p. ; Brown W. Neoliberalism poisons everything: How free market mania threatens education and democracy [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.salon.com/2015/06/15/democracy_cannot_survive_why_the_neoliberal_revolution_has_freedom_on_the_ropes

⁵³ Gray J. False Dawn: The Delusions of Global Capitalism. London: Granta Press, 1998. 272 p.

⁵⁴ Дардо П., Лаваль К. Неолиберализм и капиталистическая субъективация // Логос. 2011. №1 (80). С. 103-117.

⁵⁵ Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века. СПб.: Амфора, 2009. 343 с.

⁵⁶ Жижек С. Накануне Господина: сотрясая рамки. М.: Европа. 2014. 280 с.

⁵⁷ Giroux H. On Resisting the Neoliberal Revolution [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://billmoyers.com/2014/02/21/henry-giroux-on-resisting-the-neoliberal-revolution/>; Giroux H. Zombie Politics in the Age of Casino Capitalism. New York: Peter Lang, 2011. 168 p.; Giroux H. The Terror of Neoliberalism: Authoritarianism and the Eclipse of Democracy. Boulder CO: Paradigm Publishers. 2004. 192 p.; Giroux H. Against the Terror of Neoliberalism: Politics Beyond the Age of Greed. Boulder CO: Paradigm Publishers. 2008. 240 p.; и др.

Жесткая критика неолиберализма с позиции такого альтернативного политического течения как антиглобализм (альтерглобализм) дается в теоретических исследованиях С. Амина,⁶² А.В. Бузгалина⁶³, А.А. Ждановской⁶⁴, Б.Ю. Кагарлицкого⁶⁵, А. Каллиникоса⁶⁶, Н. Кляйн⁶⁷, М. Хардта и А. Негри⁶⁸, К. Хеджеса⁶⁹, Н.Хомского⁷⁰ и др.

Всесторонний критический анализ политики и реформаторской практики российского неолиберализма содержится в докладах Е.М. Примакова⁷¹, в работах М. Г. Делягина⁷², С. Г. Кара-Мурзы⁷³ и др.

⁵⁸ Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Эксмо, 2004. 640 с.

⁵⁹ Початек И. Ложное лицо неолиберализма [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://rodnayaladoga.ru/index.php/mirovozzrenie/875-lozhnoe-litso-neoliberalizma>

⁶⁰ Стиглиц Д. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Национальный общественно-научный фонд, 2003. 304 с.

⁶¹ Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М.: Поколение, 2007. 288 с.

⁶² Амин С. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира. М.: Европа, 2007. 168 с.

⁶³ Бузгалин А.В. Альтерглобализм: в поисках позитивной альтернативы новой империи // Век глобализации. 2008. №1. С.120-127.

⁶⁴ Ждановская А.А. Куда ведут Россию МВФ, Всемирный Банк и ВТО? Кн. 1. Механизмы создания зависимости, М.: Ленанд, 2015. 256 с.; Ждановская А.А. Куда ведут Россию МВФ, Всемирный Банк и ВТО? Кн. 2. Россия в неолиберальной петле. М.: Ленанд, 2015. 264 с.

⁶⁵ Кагарлицкий Б.Ю. Неолиберализм и революция. М.: Полиграф, 2013. 256 с.

⁶⁶ Каллиникос А. Антикапиталистический манифест. М.: Праксис, 2005. 192 с.

⁶⁷ Кляйн Н. Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф. М.: Хорошая книга, 2011. 656 с.

⁶⁸ Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. 440 с.

⁶⁹ Hedges C. The End of Literacy and the Triumph of Spectacle [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.ladoga-park.ru/a100303192320.html>

⁷⁰ Хомский Н. Прибыль на людях. Неолиберализм и мировой порядок. М.: Праксис, 2002. 256 с.

⁷¹ Примаков Е. Выступление президента "Меркурий-клуба" [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.nakanune.ru/articles/18521>; Примаков Е. Почему неолиберализм непригоден для России [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.business-gazeta.ru/article/71965/>

⁷² Делягин М.Г. Реванш России. Наше будущее зависит от нас. М.: ЭКСМО, 2008. 448 с.; Делягин М.Г. Возвращение либерального фундаментализма [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.ipnpou.ru/article.php?idarticle=009472>; Делягин М.Г. Почему элиты предадут свои народы: особенности либерального сознания // Свободная мысль. 2015. № 5. С. 27-44.

⁷³ Кара-Мурза С. Неолиберальная реформа в России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://bookz.ru/authors/sergei-kara-murza/neoliber_052/1-neoliber_052.html

Вместе с тем, несмотря на существующее многообразие аналитических и критических исследований, касающихся изучения политической доктрины и практики неолиберализма, ряд вопросов еще нуждается в дополнительном теоретическом освещении. К таковым, на наш взгляд, относятся: комплексный сопоставительный анализ существующих в научной литературе трактовок понятия «неолиберализм»; системное изучение критических подходов к анализу неолиберальной идеологии и практики; выявление особенностей российской модели неолиберализма; исследование проблемы социальной справедливости в контексте политики неолиберализма; рассмотрение неолиберализма в качестве фактора, оказывающего существенное воздействие на трансформацию современного государства и демократии; анализ значения и роли неолиберального дискурса в формировании новой субъектности; изучение вопроса об использовании неолиберальными силами новых технологий политического влияния.

Основная научная проблема заключается в формировании целостного представления о неолиберализме как сложносоставном феномене, ставшем в конце XX-начале XXI вв. доминирующим идейно-политическим течением, выступающим теоретическим и стратегическим фундаментом широкомасштабных реформ, приводящих к глубоким трансформациям политической системы общества.

Объект исследования – неолиберализм как идейно-политический феномен и реформаторская практика.

Предмет исследования – трансформационное воздействие идейно-стратегических установок неолиберализма на политические процессы и институты в эпоху глобализации.

Цель исследования заключается в разработке концепции неолиберализма, позволяющей теоретически осмыслить данный феномен в качестве влиятельного идейно-политического и стратегического фактора, оказывающего глубокое трансформационное воздействие на политическую жизнь современного общества.

Достижение указанной цели содержательно предполагает постановку и решение следующего комплекса исследовательских задач:

— выявить и сопоставить существующие в литературе основные трактовки понятия «неолиберализм», дать авторское определение неолиберализма как сложного феномена и раскрыть его сущностные черты;

— содержательно раскрыть особенности исторически сложившихся разнообразных форм неолиберализма;

— обозначить основные вехи институционализации неолиберализма и превращения его в доминирующее идейно-политическое течение;

— дать качественные характеристики существующим в современной литературе критическим подходам к неолиберальной глобализации;

— раскрыть сущность трансформационной функции неолиберализма, в целом, и неолиберального дискурса, в частности;

— выявить особенности неолиберального дискурса как фактора ценностных трансформаций;

— провести критическую оценку неолиберальной концепции государства и демократии;

— раскрыть особенности российской модели неолиберализма, систематизировать оценки последствий российских неолиберальных реформ, а также предложений по преодолению их негативных последствий;

— осуществить критический анализ ряда конкретных политических технологий, находящихся в арсенале неолиберализма и направленных на упрочение глобального доминирования транснациональных корпораций.

Теоретико-методологические основы исследования. Фундаментальной основой исследования стал системный подход, который позволил рассмотреть неолиберализм как многоплановый, но при этом целостный феномен, функционирующий в социально-политической системе общества в следующих ипостасях: в качестве политической теории, политической идеологии, определенной системы ценностей, современной модели глобализации, модели государства и демократии, реформаторской политической стратегии и совокупности политических технологий.

Для изучения существующих в литературе трактовок понятия «неолиберализм» была использована методология категориального и концептуального анализа понятийного аппарата современной политической теории и политической философии, получившая глубокое научное освещение в работах Т.А. Алексеевой, Л.Е. Бляхера, И.А. Василенко, Г.С. Гаджиева, М.В. Ильина, Б.Г. Капустина, В.П. Макаренко, О.Ю. Малиновой, А.С. Панарина, О.Ф. Русаковой, А.И. Соловьева и др.

При рассмотрении различных позиций в понимании неолиберализма в качестве современного направления общественной мысли применялись исторический, идейно-генетический, типологический и интерпретационно-сопоставительный подходы. Теоретико-методологической базой для обоснования отличий неолиберализма от классического либерализма, для его категориальной отстройки от таких близких по смыслу понятий как «новый либерализм», «радикальный либерализм», «социальный либерализм» и «неоконсерватизм» стали работы следующих авторов, рассматривающих разнообразные формы либеральной политической мысли и практики: Т.А. Алексеева⁷⁴, Р. Арон⁷⁵, И.Г. Блюмин⁷⁶, С.И. Глушкова⁷⁷, Н.В. Дергунова⁷⁸, О.Б. Игнаткин⁷⁹, У. Кимлика⁸⁰, В.В. Леонтович⁸¹, К.Б. Макфер-

⁷⁴ Алексеева Т.А. Неолиберальное государство в контексте глобализации // Сравнительная политология. 2011. №2. С.44-56.

⁷⁵ Арон Р. Эссе о свободах. М.: Праксиси, 2005. 208 с.

⁷⁶ Блюмин И.Г. Критика буржуазной политической экономии. Том 3. Кризис современной буржуазной политической экономии. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. 380 с.

⁷⁷ Глушкова С.И. Проблема правового идеала в русском либерализме. Екатеринбург: Издательство Гуманитарного университета, 2001. 66 с.

⁷⁸ Дергунова Н.В. Доктрина западноевропейского классического либерализма: история формирования и развития (проблемно-политологический анализ) : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.01 / Дергунова Нина Владимировна. – М., 2001. – 350 с.

⁷⁹ Игнаткин О. Б. Проблема либерального равенства в концепции Рональда Дворкина [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.dissercat.com/content/ Problema-liberalnogo-ravenstva-v-kontseptsii-ronalda-dvorkina#ixzz40ik0S4rm>

⁸⁰ Кимлика У. Современная политическая философия: введение. М.: Издательский дом Государственного университета Высшей школы экономики, 2010. 592 с.

⁸¹ Леонтович В.В. История либерализма в России (1762-1914). М.: Русский путь, 1995. 550 с.

сон⁸², Н.А. Масалова⁸³, А.Н. Медушевский⁸⁴, Л.И. Новикова и И.Н. Сиземская⁸⁵, О.Ф. Русакова⁸⁶, В.В. Шелохаев⁸⁷ и др.

Метод теоретического моделирования и идейной реконструкции использовался в процессе выделения базовых черт неолиберальной политической доктрины, модели неолиберального государства, российской модели неолиберализма.

Метод дискурс-анализа был положен в основу исследования особенностей неолиберального дискурса, а также дискурса альтернативных неолиберализму проектов политического устройства общества. В качестве теоретико-методологической базы изучения альтернативных неолиберализму политических дискурсов послужили работы Ж. Бодрийяра⁸⁸, Т. ван Дейка⁸⁹, С. Жижека⁹⁰, О.Ф. Русаковой⁹¹, О.В. Соколовой⁹² и др.

Значительное методологическое влияние на понимание нами специфики неолиберального дискурса сыграли работы М. Фуко, в которых дискурс рассматрива-

⁸² Макферсон К.Б. Жизнь и времена либеральной демократии. М.: Издательский дом Государственного университета Высшей школы экономики, 2011. 176 с.

⁸³ Масалова Н.А. Концепция гражданской солидарности в идеологии кадетского либерализма : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.01 / Масалова Наталья Алексеевна. – Екатеринбург, 2005. – 129 с.

⁸⁴ Медушевский А.Н. Либерализм как проблема западной современной историографии // Вопросы истории. 1992. № 8-9. С. 167-178.

⁸⁵ Сиземская И., Новикова Л. Новый либерализм в России // Общественные науки и современность. 1993. № 5. С.132-140.

⁸⁶ Русакова О.Ф. Радикализм в России и современном мире: вопросы типологии. Екатеринбург: Издательство УрГ-СХА, 2001. 352 с.

⁸⁷ Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М.: Российская политическая энциклопедия, 1996. 280 с.; Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907-1914 гг. М.: Наука, 1991. 231 с.

⁸⁸ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.

⁸⁹ Тён А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.

⁹⁰ Жижек С. Накануне Господина: сотрясая рамки. М.: Европа, 2014. 280 с.

⁹¹ Русакова О.Ф. Дискурс левого поворота // Дискурс-Пи. 2007. №7. С.9-11; Русакова О.Ф., Русаков В.М. PR-дискурс: теоретико-методологический анализ. Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2011. 336 с.; Русакова О.Ф., Русаков В.М. Агональный дискурс политики памяти // Дискурс-Пи. 2015. № 1. С. 10-20. и др.

⁹² Соколова О.В. Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR. М.: Гнозис, 2014. 304 с.

ется как технология властвования и контроля⁹³, а также работы, посвященные фукианскому анализу дискурса либерального управления обществом⁹⁴.

Важным теоретико-методологическим основанием для анализа современных трансформаций государства, демократии, социальной сферы и системы ценностей стали для нас работы следующих авторов: А.М. Аблажей, И.А. Василенко, А. Вебер, Б.Ю. Кагарлицкий, В.С. Мартьянов, Л.В. Сморгунов, Л.Г. Фишман и др. При раскрытии сущности трансформационной функции неолиберализма мы методологически опирались на работу С.П. Золотарева, посвященную исследованию российского либерализма, рассматриваемого в качестве фактора трансформации российской государственности, в которой было проанализировано понятие «трансформационная функция» и выделено два основных значения термина «трансформация» применительно к изучению русского либерализма⁹⁵. В процессе изучения трансформационной роли неолиберализма в ходе формирования новой субъектности мы руководствовались целым рядом положений, сформулированных в работах Т.А. Алексеевой, В. Браун, П. Дардо, А. Жиру, К. Лавалья, Д. Харви, Н. Хомского и др.

Методологической базой при изучении особенностей российского неолиберализма, его политической практики стали для нас положения и выводы, содержащиеся в выступлениях академика Е.М. Примакова на заседаниях клуба «Меркурий»⁹⁶.

При рассмотрении новых политических технологий, применяемых агентами неолиберального влияния, был применен технологический подход в политике (М.Г. Анохин, Л.И. Гордеев, О.Е. Гришин и др.). Автором были взяты на воору-

⁹³ Фуко, М. Дискурсы и истина // Логос. 2008. №2 (65). С.159-262.

⁹⁴ Донзело Ж., Годон К. Управление либеральными обществами – эффект Фуко в англоязычном мире // Логос. 2008. № 2 (65). С. 3-20.

⁹⁵ Золотарев С.П. Идеология либерализма как фактор трансформаций российской государственности: теория и практика : автореф. дис. ... д-ра филос. Наук : 09.00.11 / Золотарев Сергей Петрович. – Краснодар, 2012. – 42 с.

⁹⁶ Примаков Е. Почему неолиберализм непригоден для России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.nakanune.ru/articles/18521>

жение также исследовательские подходы и теории З. Баумана⁹⁷, Ю.П. Давыдова⁹⁸, М. Кастельса⁹⁹, Н.А. Комлевой¹⁰⁰, А.В. Манойло¹⁰¹, Н.А. Нарочницкой¹⁰², Дж. Ная¹⁰³, В.С. Овчинского и И.Ю. Сундиева¹⁰⁴, Е.Г. Пономаревой¹⁰⁵, О.Ф. Русаковой¹⁰⁶ и др.

Научная новизна диссертации определяется постановкой проблемы, направленной на раскрытие сущностных черт неолиберализма как влиятельного идейно-политического течения, лежащего в основе стратегий широкомасштабных реформ, оказывающих трансформационное воздействие на все сферы политической жизни общества. Основные элементы новизны заключаются в следующем:

- проведен категориальный анализ понятия «неолиберализм», в рамках которого выявлены, рассмотрены и критически оценены основные трактовки данного понятия;

- предложено авторское определение неолиберализма как сложносоставного политического феномена современной эпохи, осуществляющего функцию трансформационного воздействия на современные политические институты и процессы

⁹⁷ Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.

⁹⁸ Давыдов Ю.П. «Жесткая» и «мягкая» сила в международных отношениях // США и Канада: экономика, политика, культура. 2007. №1. С.3-24.

⁹⁹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: Издательский дом Государственного университета Высшей школы экономики, 2000. 608 с.

¹⁰⁰ Комлева Н.А. Арабская весна как технологический элемент структуры мирового господства // Пространство и время. 2013. № 1. С. 18-23.

¹⁰¹ Манойло А.В. Проблемы демонтажа политических режимов в современном мире [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://nic-pnb.ru/articles/problemy-demontazha-politicheskix-rezhimov-v-sovremennom-mire/>

¹⁰² Нарочницкая Н.А. Американские «аналитические институты» – глаза, уши и совесть Америки. СПб.: Алетейя, 2008. С. 11-22.

¹⁰³ Най С.Дж. Будущее власти. М.: АСТ, 2014. 444 с.

¹⁰⁴ Овчинский В.С., Сундиев И.Ю. Организационное оружие: функциональный генезис и система технологий XXI века (доклад Изборскому клубу) [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/1466/>

¹⁰⁵ Пономарева Е.Г. Секреты «цветных революций»: современные технологии смены политических режимов [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://omiliya.org/article/sekrety-tsvetnykh-revoljutsii-sovremennye-tehnologii-smeny-politicheskikh-rezhimov-elena-ponomareva>

¹⁰⁶ Русакова О.Ф. Soft power: теория, ресурсы, дискурс. Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2015. 376 с.

глобализации, выделены его сущностные черты; зафиксированы основные вехи институционализации неолиберализма и превращения его в доминирующее течение общественной мысли;

- выявлены и систематизированы современные зарубежные и отечественные направления критического подхода к теории и практике неолиберальной глобализации;

- проведено уточнение понятия «трансформационная функция» в отношении идеологии и практики неолиберализма;

- проведен анализ неолиберального дискурса, рассматриваемого в качестве фактора формирования новой социально-политической субъектности;

- проанализированы понятия «неолиберальное государство» и «неолиберальная демократия», раскрыты современные теоретические подходы к трансформациям государства и демократии в условиях господства неолиберального политического курса;

- введено в оборот понятие «неолиберальный управляющий класс», раскрыты его базовые черты;

- выдвинута гипотеза о «гибридном» характере российской модели неолиберализма, который обусловлен адаптивной политической гибкостью данной модели и содержательно представляет собой противоречивый набор идейно-политических и стратегических установок;

- выдвинута гипотеза о формировании в официальном политическом дискурсе России тенденции отхода от неолиберальной парадигмы в сторону новых приоритетных ценностей, в числе которых – национально-государственный суверенитет, социальная справедливость, патриотизм.

- проведен анализ современных технологий, применяемых неолиберальными силами в процессе организации и проведения цветных революций, дана их комплексная классификация; в отдельный комплекс выделены технологии неолиберальной политики памяти.

Положения, выносимые на защиту:

1. В современной литературе можно выделить следующие основные трактовки понятия «неолиберализм»: 1) трактовка неолиберализма как нового этапа развития либеральной мысли, ознаменованного стремлением соединить идеи классического либерализма с элементами социалистической теории, в частности, с идеями государственного управления экономикой, правового социализма и социальной солидарности; 2) отождествление понятия «неолиберализм» с учением кейнсианства, выступающим за социальное государство и сочетание рыночной экономики с государственным регулированием; 3) под понятием «неолиберализм» подразумеваются теории развития свободной конкуренции, рыночно ориентированной государственной политики, коммерциализации социальной сферы, альтернативные как социалистической идеологии, так и кейнсианству; 4) под неолиберализмом понимается глобальная экономическая доктрина, известная под названием «Вашингтонский консенсус»; 5) неолиберализм рассматривается в качестве глобального проекта, направленного на установление нового мирового порядка при доминировании крупных транснациональных корпораций (МВФ, ВБ, ВТО и др.).

Первые две трактовки неолиберализма, на наш взгляд, неправомерно отождествляют неолиберализм с такими идейными течениями как социал-либерализм и кейнсианство, поскольку данный феномен по ряду идейных параметров альтернативен указанным направлениям либеральной мысли. Остальные же трактовки, по сути, верно характеризуют неолиберализм как доминирующий проект современной глобализации.

2. В качестве наиболее общего определения неолиберализма предлагается следующее: Неолиберализм – это доминирующее в эпоху глобализации идейно-политическое течение, стратегически направленное на преобразование общественных отношений на основе всестороннего утверждения маркетинговой парадигмы, реализации доктрины Вашингтонского консенсуса в интересах транснациональных корпораций.

При всем многообразии идейно-теоретических форм и реформаторских моделей неолиберализма его сущностными чертами, отличными от других видов ли-

берализма, являются: (1) смещение акцента в понимании рыночной экономики с принципа свободного обмена на принцип свободной конкуренции, при этом конкуренция понимается не как свободная игра рыночных сил, а как искусство управления; (2) наилучшей моделью государства считается государство-менеджер, организующее путем администрирования условия для развития свободной конкуренции, а также проводящее социальную политику методами коммерциализации и монетизации всех сфер общественной жизни; (3) для обществ переходного типа, вступающих на путь рыночной экономики, в качестве стратегии реформ рекомендуется модель «шоковой терапии»; (4) основным проектом развития национального государства является проект его десуверинизации, космополитизации и интеграции в транснациональную политическую кооперацию; (5) демократия рассматривается сквозь призму политического маркетинга, демократические ценности трактуются как политический товар, который требуется эффективно и выгодно продать избирателю.

3. Неолиберализму удалось сформировать в последние десятилетия XX-го века в странах Запада общественный консенсус между элитой и широкими социальными слоями, прежде всего, благодаря успешному продвижению ценностей общества потребления. Доминирование неолиберального дискурса в 1980-е гг. в США и в Западной Европе было также связано с политическим наступлением неоконсервативных сил в системе государственной власти на институты гражданской солидарности, что было обозначено такими понятиями как «тэтчеризм» и «рейганомика». В этой связи политическую идеологию и стратегию неоконсерватизма, получившую реализацию в политических курсах М. Тэтчер и Р. Рейгана предлагается рассматривать в качестве одной из исторических форм неолиберализма.

4. Под трансформационной функцией неолиберализма в широком значении понимается способность его институционализированных и персонифицированных акторов, а также его дискурса и ценностных установок оказывать преобразовательное воздействие на социально-политическую жизнь общества в целях глобального доминирования. В узком значении трансформационная функция неоли-

берализма выражается в реализации программ рыночных реформ, предписываемых Вашингтонским консенсусом, и другими международными проектами.

5. Превращение неолиберализма в доминирующее и глобальное идейно-политическое течение в конце XX-го – начале XXI вв. произошло в значительной степени, благодаря деятельности «фабрик мысли», бизнес-школ, университетских исследовательских центров и СМИ, продвигающих воззрения и принципы неолиберализма в международном масштабе. Наиболее жесткой формой неолиберализма, направленной на реализацию принципов рыночного фундаментализма в странах Латинской Америки и в новых постсоциалистических государствах, является Вашингтонский консенсус.

6. Неолиберализм как проект глобализации в последние годы постепенно утрачивает свою доминирующую позицию, что получает свое отражение в многочисленных разработках альтернативных моделей постлиберального глобального развития, которые претендуют на статус стратегии новой справедливой глобализации.

7. Смысловым ядром неолиберального дискурса выступает маркетинговая парадигма, которая лежит в основе его оценочной и трансформационной функции. Нелиберальный дискурс в качестве фактора ценностных трансформаций производит эффект переформатирования ментальности посредством внедрения в общественное сознание рыночной логики инвестирования в человеческий капитал, понимаемый как сумма компетенций, обеспечивающих личности ее рыночную конкурентоспособность. Неолиберальный дискурс порождает количественный фетишизм, лежащий в основе формирования субъекта «бухгалтерского» типа, что находит свое отражение в доминировании рейтинговых показателей при оценке эффективности любой, в том числе интеллектуальной, деятельности.

8. В основе неолиберальной концепции государства лежит идея утраты значения понятия «государственный суверенитет» в условиях глобализации. Данная идея базируется на положении о доминирующей в глобальном мире тенденции поглощения национальных государств транснациональными объединениями.

9. Главной особенностью российского неолиберализма является его гибридный характер, обусловленный естественным стремлением неолиберальной власти укрепить собственную легитимность путем интеграции разнообразных ценностных ориентаций, отвечающих интересам и настроениям разных общественно-политических групп.

10. В последние годы в официальном политическом дискурсе России наметилась тенденция постепенного отхода от неолиберальной парадигмы, на смену которой могут прийти новые ценностные ориентации, такие как защита государственного суверенитета страны, реализация принципа социальной справедливости, продвижение национальных интересов России на мировой арене. Данный идейно-политический дрейф продиктован также усилением критики неолиберального курса со стороны авторитетных российских ученых и политических деятелей. Таким образом, будучи фактором трансформаций российского политического процесса, российский неолиберализм претерпевает собственную трансформацию.

Степень достоверности результатов проведенного исследования. Обоснованность и достоверность результатов, полученных диссертантом, базируется на использовании общенаучных методов познания (анализ, синтез, индукция, дедукция), а также на методах системного, исторического, идейно-генетического, типологического и интерпретационно - сопоставительного подходов. Автором проанализированы работы ведущих отечественных и зарубежных ученых по исследуемой проблеме.

Теоретическая значимость исследования. Теоретические положения диссертации расширяют понятийный аппарат и методологическую базу исследований, направленных на изучение современных течений политической мысли и практики, оказывающих значительное воздействие на состояние политических институтов и процессов. В работе дается системный анализ научных интерпретаций, критических оценок и стратегических установок неолиберализма как политического проекта глобализации и важного фактора современных политических трансформаций. Осуществляется анализ неолиберального дискурса, на основе которого, по

версии автора, происходит формирование новой социально-политической субъектности. Рассматриваются такие категории как «неолиберальное государство» и «неолиберальная демократия». Вводится в научный оборот понятие «гибридная модель российского неолиберализма». Анализируются противоречия в стратегических установках и социальной политике российского неолиберализма. Выявляется новый технологический инструментарий в политической практике неолиберализма.

Практическая значимость настоящего исследования заключается в возможности использования его материалов при разработке вузовских программ учебных курсов по политологическим дисциплинам, а также в преподавании специализированных курсов, посвященных изучению неолиберального проекта глобализации, неолиберальной идеологии и политической практики, российской модели неолиберализма. Положения и выводы, содержащиеся в диссертации, могут быть полезны для политических аналитиков, политических философов и идеологов, специалистов в области современных политических и информационных технологий.

Апробация исследования. Диссертация обсуждена на заседании кафедры политических наук Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н.Ельцина и рекомендована к защите. Основные положения и результаты исследования отражены в 9 публикациях, в том числе в 4 статьях в рецензируемых научных изданиях, определенных ВАК. Концептуальные идеи исследования обсуждались на VII Российском философском конгрессе «Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений» (г. Уфа, 6-10 октября 2015 г.), на Международной конференции «Soft power: теория, ресурсы, дискурс» (Екатеринбург, октябрь 2014 г.), на VI Российском философском конгрессе (Нижний Новгород, июнь 2012 г.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, шести параграфов, заключения, библиографического списка.

Глава 1. Неолиберализм как идейно-политический феномен

1.1. Понятие, идейные основы и формы неолиберализма

Современные представления о неолиберализме как идейно-политическом феномене отличаются концептуально-теоретическим разнообразием и довольно широким спектром трактовок. Для ряда исследователей неолиберализм является современной фазой эволюции классического либерализма XVII-XIX вв., связанной с тем, что в конце XX-начале XXI вв. возникли самые разнообразные идейные течения, идеологической базой которых стали всевозможные модификации либеральной мысли – от социал-либерализма и кейнсианства до неоконсерватизма (С.П. Золотарев¹⁰⁷, А.В. Попова¹⁰⁸, В.В. Шабельник¹⁰⁹ и др.).

На наш взгляд, можно выделить пять основных подходов к трактовке понятия «неолиберализм».

Первый подход: трактовка неолиберализма как нового этапа развития либеральной мысли, ознаменованного стремлением соединить идеи классического либерализма с элементами социалистической идеологии, в частности, с идеями социального государства, правового социализма и социальной солидарности. Данный подход, к примеру, послужил основанием для обозначения идей таких представителей русской либеральной мысли начала XX века как С.И. Гессен, Б.А. Кистяковский, П.И. Новгородцев, М.И. Туган-Барановский и др. посредством по-

¹⁰⁷ Золотарев С.П. Идеология либерализма как фактор трансформаций российской государственности: теория и практика : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / Золотарев Сергей Петрович. – Краснодар, 2012. – 42 с.

¹⁰⁸ Попова А.В. Теоретико-правовое исследование неолиберальной политико-правовой доктрины в России (конец XIX - начало XX вв.) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Попова Анна Владиславовна – М., 2014. - 48 с.

¹⁰⁹ Шабельник В.В. Неолиберализм и неоконсерватизм в российском и зарубежном политическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Шабельник Виктор Владимирович. – СПб., 2006. - 184 с.

нения «русский неолиберализм»¹¹⁰. Так в докторской диссертации А.В.Поповой отмечается, что заслуга российских неолибералов конца XIX – начала XX вв., состояла в попытке соединить либерализм и социал-демократизм. В работе делается вывод о том, что российские неолибералы создали теоретическую модель открытого гражданского общества и социального правового государства¹¹¹. Иначе говоря, неолиберализм трактуется как позитивный шаг в сторону развития социального государства и гражданского общества.

Второй подход, который методологически сходен с первым по своей интенции зачисления в разряд неолиберализма разных попыток соединить либеральные ценности с идеями социально ориентированного государства и государственного регулирования рынка, связан с отождествлением понятия «неолиберализм» с кейнсианством – учением крупного экономиста первой половины XX века Дж.М. Кейнса, выступавшего за эффективное сочетание конкуренции с государственным регулированием¹¹².

Третий подход подразумевает под понятием «неолиберализм» идейные установки, принципиально альтернативные, с одной стороны, социалистическим теориям централизованного государственного управления обществом, а, с другой, – кейнсианским идеям государственного регулирования рыночных отношений¹¹³. Под понятием «неолиберализм» представители данного подхода подразумевают теории свободной конкуренции, эффективного рыночного предпринимательства, рыночно ориентированной государственной политики, продвижение принципов маркетинга в различные сферы общественной жизни. По словам Д. Харви, «неолиберализм представляет собой в первую очередь политэкономическую теорию, выводы которой стали широко применяться на практике. Согласно этой теории,

¹¹⁰ Попова А.В. Неолиберальная модель государственного общественного устройства России на рубеже XIX-XX веков. М.: Юрлитинформ, 2012. 232 с.

¹¹¹ Попова А.В. Теоретико-правовое исследование неолиберальной политико-правовой доктрины в России (конец XIX - начало XX вв.) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Попова Анна Владиславовна – М., 2014. – 48 с.

¹¹² См.: Неолиберализм // Погорельый Е.Д., Филиппов К.В., Фесенко В.Ю. Политологический словарь-справочник. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 318 с.

¹¹³ Беляков А., Матвейчев О. Большая актуальная политическая энциклопедия. М.: Эксмо, 2009. 412 с.

индивид может достигнуть благополучия, применяя свои предпринимательские способности в условиях свободного рынка, хотя и в определенных институциональных границах – сильного права собственности, свободного рынка и свободной торговли. Роль государства при этом сводится к созданию и сохранению этих институциональных структур»¹¹⁴. Под неолиберализмом также понимается философия и стратегия тотальной маркетизации и коммерциализации общественных отношений. По меткому выражению Пола Тренора, неолиберализм – это философия, которая рассматривает мир как метафору рынка¹¹⁵. В числе наиболее видных политических философов и идеологов неолиберализма обычно называют Фридриха фон Хайека¹¹⁶ и Милтона Фридмана¹¹⁷.

Четвертый подход связан с рассмотрением неолиберализма в качестве глобальной экономической доктрины и стратегии Вашингтонского Консенсуса¹¹⁸, направленной на радикальное реформирование экономик развивающихся стран в сторону приватизации, маркетизации и монетизации экономических отношений, что связано с установлением экономического господства транснациональных корпораций.

Пятый подход: под неолиберализмом понимается современная фаза развития капитализма, связанная с глобальными трансформациями всех без исключения общественных отношений и всех форм общественного сознания, направленных на

¹¹⁴ Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М.: Поколение, 2007. С. 10.

¹¹⁵ Тренор П. Неолиберализм: происхождение, теория, определение [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://web.inter.nl.net/users/Paul.Treanor/neoliberalism.html>

¹¹⁶ Боно Д. Фридрих фон Хайек, крестный отец ультралиберализма [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.voltairenet.org/article133511.html>

¹¹⁷ Каримов А.В. Неолиберализм Милтона Фридмана как учение о свободе // Социально-экономические явления и процессы. 2013. Выпуск 3 (049). С.184-189.

¹¹⁸ Williamson J. The Washington Consensus Revisited. Washington D.C.: 1997. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://inef.uni-due.de/PolitikOn/Williamson.pdf>; Давыдов В. М., Бобровников А. В., Теперман В. А. Феномен финансовой глобализации. М.: ИЛА РАН, 2000. 204 с.

установление нового мирового порядка и формирование нового типа личности¹¹⁹. В этой связи в ряде работ используются такие термины как «глобальный неолиберализм»¹²⁰, «неолиберальная глобализация» и «неолиберальный глобальный проект»¹²¹, «эпоха неолиберализма»¹²², «неолиберальная революция»¹²³, «неолиберальная петля»¹²⁴, «неолиберальное иго»¹²⁵ и др.

С нашей точки зрения, первый и второй подходы к интерпретации понятия «неолиберализм», вряд ли, приемлемы с методологической точки зрения, поскольку рассматриваемый феномен по ряду идейных и стратегических параметров (идеал государства, отношение к государственной социальной политике и др.) альтернативен как политико-правовым воззрениям российских либералов начала XX века, так и кейнсианству 30-х гг. XX столетия. Для обозначения форм либерализма, представленных в первом и во втором подходе, с нашей точки зрения, больше бы подошел термин «новый либерализм». Именно это название используется рядом авторов для характеристики воззрений, в основе которых лежит идея объединения либеральной теории с концепцией социального государства¹²⁶.

¹¹⁹ Бетто Ф. Неолиберализм: новая фаза капитализма [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://scepis.net/library/id_2298.html; Хомски Н. Неолиберализм и глобальный порядок [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/490>

¹²⁰ Hursh, D.W., Henderson, J.A. Contesting global neoliberalism and creating alternative futures. // *Studies in the Cultural Politics of Education*. 2011. № 32(2), P. 171-185.

¹²¹ Мосейкин Ю.Н. Неолиберальный глобальный проект // *Журнал экономической теории*. 2009, № 2. С. 200-206.

¹²² Thorsen D.E., Lie A. What is Neoliberalism? [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://folk.uio.no/daget/neoliberalism.pdf>

¹²³ Giroux Н. On Resisting the Neoliberal Revolution [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://billmoyers.com/2014/02/21/henry-giroux-on-resisting-the-neoliberal-revolution/>;

¹²⁴ Ждановская А. А. Куда ведут Россию МВФ, Всемирный Банк и ВТО? Кн. 1. Механизмы создания зависимости, М.: Ленанд, 2015. 256 с.; Ждановская А.А. Куда ведут Россию МВФ, Всемирный Банк и ВТО? Кн. 2. Россия в неолиберальной петле. М.: Ленанд, 2015. 264 с.

¹²⁵ Иоффе И. Неолиберальное иго (рецензия на выход русского издания книги Дэвида Харви «Краткая история неолиберализма») [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://left.ru/2006/18/ioffe152.phtml>

¹²⁶ Сиземская И., Новикова, Л. Новый либерализм в России // *Общественные науки и современность*. 1993. № 5. С. 132-140.

Что касается остальных подходов, то в каждом из них раскрываются определенные базовые черты неолиберализма как наиболее влиятельного течения в области экономической теории и практики, а также – политической философии и политической идеологии эпохи глобализации. В связи с этим, мы считаем возможным объединить в одну целостную систему взгляды на неолиберализм, характерные для третьего, четвертого и пятого подходов, и предлагаем следующее краткое определение неолиберализма:

Неолиберализм – это доминирующее в эпоху глобализации идейно-политическое течение, стратегически направленное на преобразование общественных отношений на основе всестороннего утверждения маркетинговой парадигмы, реализации доктрины Вашингтонского консенсуса в интересах транснациональных корпораций.

Для понимания идейных основ неолиберализма и разнообразия его форм, на наш взгляд, необходимо обратиться к истории появления и разработки самого термина «неолиберализм», а также – к анализу деятельности научных школ, в рамках которых данный феномен получил свое теоретическое и практическое развитие.

Что касается самого термина «неолиберализм», то его первое появление в литературе связывается с именем французского идеолога и экономиста Чарльза Гайда (Charles Gide), который употребил данный термин в 1898 г. в статье, где автор вступил в полемику с «так называемым неолиберальным» итальянским экономистом Маффео Панталеони (Maffeo Pantaleoni)¹²⁷.

В современном смысле данный термин впервые был применен в 1925 году в книге швейцарского экономиста Ганса Хонеггера (Hans Honegger), которая называлась «Trends of Economic Ideas». Делая обзор современных трендов в развитии экономической мысли, Г. Хонеггер использовал выражение «теоретический неолиберализм», под которым подразумевал концепцию, продвигающую идею разви-

¹²⁷ Thorsen D.E., Lie A. What is Neoliberalism? [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://folk.uio.no/daget/neoliberalism.pdf>

тия конкуренции и предпринимательства как альтернативу этатистским идеям социализма и большевизма¹²⁸.

Впервые в качестве общественно признанного термина, выработанного с целью обозначения нового идейно-политического направления, понятие «неолиберализм» публично прозвучало на международной конференции либерально мыслящих интеллектуалов, проходившей в Париже 26-30 августа 1938 г.

Конференция была организована по инициативе французского философа науки, политолога и экономиста Луи Ружье, который пригласил для участия в ее работе видных либеральных ученых и общественных деятелей из Франции, США, Британии, Австрии, Германии, Бельгии, Польши, Испании. Всего в работе коллоквиума приняло участи 26 человек.

Центральным пунктом повестки дня конференции было обсуждение книги известного американского политического журналиста и писателя Уолтера Липпмана «An Inquiry into the Principles of the Good Society», опубликованной в США в 1937 г. и переведенной в 1938 г. на французский язык под названием «La Cité libre» («Свободный город»). Отсюда – закрепившееся за конференцией название – Коллоквиум Липпмана¹²⁹.

В книге Липпмана была дана резкая критика социализма, нацизма и фашизма как «коллективистских» идеологий. Автор высказывал также свое критическое отношение к Новому курсу и социальным реформам, проводимым в США.

Предметом дискуссий во время работы коллоквиума стали важные методологические вопросы, среди которых можно выделить следующие: эпистемологический статус либерализма (идеология или политика); основное значение понятие «свобода» (позитивные и негативные концепции); вера в способность достижения оптимального рыночного равновесия; взаимосвязь персональной свободы с частной собственностью и социальной справедливостью; принятие или отвержение

¹²⁸ Walpen B. Die offenen Feinde und ihre Gesellschaft. Eine hegemonietheoretische Studie zur Mont Pelerin Society. Hamburg: VSA-Verlag. 2004. P. 68.

¹²⁹ Audier S. Le Colloque Lippmann. Aux origines du néolibéralisme. Latresne: Éditions “Le bord de l’eau”, 2008. 355 p.

государственного интервенциализма; роль концентрации производства в развитии экономики и др.

Во время коллоквиума состоялась дискуссия относительно названия новой либеральной доктрины, альтернативной ряду принципов классического либерализма. Ж. Рюэфф предложил название «левый либерализм», которое, однако, было отвергнуто другими участниками. Л. Ружье высказался в пользу таких названий как «позитивный либерализм, «социальный либерализм» и «неолиберализм»¹³⁰. Определяя отличие неолиберализма от либерализма классического типа, Ружье отмечал: «Либеральный режим – не только результат естественного спонтанного порядка, как утверждали в XVIII в. многочисленные авторы «Кодексов природы»; это также результат законопорядка, предполагающего юридический интервенционизм государства»¹³¹.

На коллоквиуме было принято решение о создании постоянного международного исследовательского центра по реновации либерализма (CIERL). Головной офис Центра находился в Париже. Его филиалы были созданы в Женеве (президент Рёпке), в Лондоне (президент Хайек) и в Нью-Йорке (президент Липпман). Таким образом, коллоквиум положил начало формированию интернациональной сети неолиберальных научно-исследовательских центров и превращению неолиберализма в международное интеллектуально-политическое движение.

Сразу же после завершения работы парижской конференции понятие «неолиберализм» стало предметом теоретических рефлексий. Первым научным исследованием неолиберализма как особого направления общественной мысли и научного движения стала работа французского ученого Гаэтано Пиро (Gaetano Pirou) под названием «Нйо-libйralisme, нйо-corporatisme, нйо-socialisme» (Paris, Gallimard, 1939).

В ряде современных исследований возникновение неолиберализма связывается с именем австрийско-американского экономиста Л. Фон Мизеса (1881–1973), ак-

¹³⁰ Там же. С. 196.

¹³¹ Цит по: Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1879 учебном году /М.Фуко. СПб.: Наука, 2010. С. 208.

тивного критика идей и практики социализма¹³². Мизес считал социалистическую систему неработоспособной, поскольку, по его мнению, доминирование государственной собственности приводит к снижению производительности труда и, следовательно, к уменьшению общественного богатства¹³³.

Идеи Мизеса получили развитие в творчестве его ученика Ф. М. фон Хайека (1899– 1992). Хайек принимал участие в семинарах Людвиг фон Мизеса, на которых также присутствовали его последователи, которые позже будут способствовать распространению неолиберальных идей во Франции (Жак Рюефф, советник генерала де Голля), Италии (Луиджи Эйнауди), Германии (Вильгельм Рёпке, Людвиг Эрхард), и, в меньшей степени, в США (Мюррей, Ротбард).

Впервые в наиболее концентрированной форме главные положения своей неолиберальной теории Ф. фон Хайек изложил в работе «Дорога к рабству», которая позднее превратилась в манифест современных неолиберальных интеллектуалов и политиков. Центральным объектом критики в данной работе выступает социализм как идеология и как политическая практика, под которой подразумевается, прежде всего, советский строй эпохи сталинизма. Цель Хайека – убедить социалистов Европы и других стран, идеи которых в 1940-гг. были очень популярны среди интеллигенции, в том, что социализм противоречит принципу свободы. Те, кто считает, что социализм есть путь к свободе, жестоко заблуждаются, поскольку «обещанный нам Путь к Свободе есть в действительности Столбовая Дорога к Рабству»¹³⁴. Для доказательства данного тезиса Хайек использует методологический прием, который позднее получит широкое распространение среди критиков советского строя, а именно, – отождествление нацизма и фашизма с советским социализмом на основе подведение под него общего знаменателя в форме понятия «тоталитаризм». Более того, Хайек выступил сторонником точки зрения, согласно которой сталинизм не только не лучше, но даже хуже фашизма, поскольку он более беспощаден, жесток, аморален, несправедлив, недемократичен и не мо-

¹³² Беляков А., Матвейчев О. Большая актуальная политическая энциклопедия. М.: Эксмо, 2009. 412 с.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: Астрель, 2012. С. 67.

жет быть ничем оправдан. Он также убежден, что именно марксизм породил фашизм и национал-социализм, поскольку вся его политическая практика является отступлением от свободы во имя принудительной организации¹³⁵.

Согласно Хайеку, вокруг понятия «социализм» накопилось множество его превратных истолкований. Это понятие нередко используют для обозначения идеалов социальной справедливости, большего равенства и социальной защищенности, забывая при этом о другом его значении, о том, что социализм – это еще и особые методы управления обществом, связанные с отменой частной собственности, созданием плановой и централизованной экономики, что в корне противоречит либеральным принципам экономической свободы, свободы выбора и конкуренции. Единственным механизмом, который может гибко реагировать на рыночную конъюнктуру, по Хайеку, является конкурентная система цен. Только в условиях конкуренции системы цен возможно эффективное и прогрессивное развитие экономики. Плановое и централизованное руководство как метод решения экономических проблем, по выражению Хайека, является топорным, примитивным и весьма ограниченным по своим результатам¹³⁶.

В условиях конкурентного рынка главным инструментом, обеспечивающим человеку подлинную свободу, считает Хайек, выступают деньги. Не следует воспринимать деньги как зло, как символ ограничения наших потребностей из-за низких доходов. При таком подходе, убежден автор, причина путается со следствием. Сам же Хайек поет настоящий гимн деньгам как символу не рабства, а свободы: «Было бы правильнее видеть в деньгах величайший из когда-либо изобретенных человеком инструментов свободы. Именно деньги открывают теперь перед бедными гораздо большие возможности, чем несколько поколений назад были открыты перед богатыми»¹³⁷. Если же на смену денежного вознаграждения,

¹³⁵ Там же. С. 74.

¹³⁶ Там же. С. 95.

¹³⁷ Там же. С. 143.

как считают социалисты, придут «внеэкономические стимулы», то это, по Хайеку, будет означать полное лишение свободы выбора¹³⁸.

Вместе с тем, по мнению Хайека, свобода выбора не является гарантом стабильности доходов. Наличие данных гарантий, наоборот, подрывают свободу выбора. Если гарантировать стабильный доход малоимущим гражданам путем перераспределения доходов от богатых к бедным, на чем настаивают социалисты, то это приведет, с одной стороны, к ущемлению свобод тех, кто получает большие доходы, а, с другой стороны – к усилению власти аппарата чиновников¹³⁹.

После окончания Второй мировой войны важным интеллектуальным событием, придавшим заметный импульс процессу институционализации неолиберального движения в форме научных школ и фабрик мысли, стало создание объединения под названием «Общество Мон-Пелерин» (Mont Pelerin Society – MPS).

Первая учредительная конференция MPS состоялась в апреле 1947 г. в швейцарской деревушке Мон-Пелерин, вблизи города Монтрё. Ее инициатором был Фридрих фон Хайек, хорошо известный к тому времени как автор популярного трактата «Дорога к рабству».

Спустя девятнадцать лет после Коллоквиума Липпмана на конференции в Мон-Пелерин снова встретились многие бывшие его участники, которые 7 апреля 1947 г. приняли документ, представляющий собой *идейное кредо неолиберального движения*. Данный документ состоял из следующих 10 постулатов:

1. Индивидуальные свободы могут сохраняться только в обществе, в котором эффективный конкурентный рынок является главным агентом управления экономической активностью. Только децентрализация контроля над частной собственностью может предотвратить концентрацию власти, которая угрожает индивидуальной свободе.

2. Свобода потребительского выбора, свобода предпринимательства и свобода выбирать род деятельности и место работы существенны не только для сохранения свободы, но и для эффективности производства. Такая система свободы явля-

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же. С. 183.

ется эффективной, если влечет за собой максимизацию индивидуальных удовлетворенностей. Отступление от этих индивидуальных свобод приводит к производству плохих товаров и услуг. Мы не сможем обогащаться, если согласимся быть рабами.

3. Все рационально мыслящие люди верят в планирование будущего. Но это означает право каждого индивида планировать свою собственную жизнь. Индивид лишен этого права, когда он принуждается к ограничению своей инициативы, воли и свободы со стороны центрального управления по использованию экономических ресурсов.

4. Упадок компетентных рынков и движение к тоталитарному контролю над обществом не есть неизбежность. Они есть результат ошибочных верований и политики на них основанной.

5. Сохранение порядка эффективной конкурентности зависит от приемлемого законодательства и институциональной системы. Существующая система управления должна быть модифицирована, чтобы способствовать увеличению эффективности рыночной конкуренции.

6. Как только возможно активность государства должна быть ограничена нормами закона.

7. Перемены в общественном мнении, касающиеся оценки тоталитаризма, не ограничиваются провозглашением новой экономической доктрины. Они являются частью идейного движения, находящего свое выражение в теории морали, философии и интерпретации истории. Те, кто желает сопротивляться покушениям на индивидуальную свободу, должны обратить свое внимание на эти более широкие идеи точно так же как на теории экономического плана.

8. Формирование моральных принципов осуществляется как в коллективном, так и в индивидуальном плане.

9. Среди наиболее опасных интеллектуальных ошибок, ведущих к разрушению свободного общества, следует назвать исторический фатализм, который верит в открытие законов исторического развития, которым мы должны подчинять-

ся, а также исторический релятивизм, отрицающий абсолютные моральные стандарты и придерживающийся формулы «цель оправдывает средства».

10. Политическое давление является серьезной угрозой для свободы мысли и науки. Полная индивидуальная свобода настолько существенна для осуществления наших целей, что никакая социальная целесообразность не должна быть принята во вред ее¹⁴⁰.

В дальнейшие годы в полном соответствии со своим изначальным замыслом MPS зарекомендовало себя в качестве влиятельного международного интеллектуального сообщества, последовательно выступающего против распространения марксистских и кейнсианских идей государственного экономического планирования, централизации общественного управления, ограничения рыночных и иных свобод.

В 1950-1970 гг. Общество Мон-Пелерин выступило инициатором создания целой сети think- tanks («фабрик мысли») в разных странах, главной задачей которых стала пропаганда неолиберальных идей. По инициативе MPS были образованы такие неолиберальные центры, как Институт Экономического предпринимательства (Institute of Economic Affairs – IEA), Фонд Наследия (Heritage Found) и др. К настоящему времени уже насчитывается более 1000 членов MPS, многие из которых являются советниками высокопоставленных политиков и государственных чиновников, сотрудниками лидирующих в США «фабрик мысли», таких как Институт Брукинга, Американский Институт Экономических исследований (American Institute for Economic Research), Национальный Центр исследований в сфере государственной политики (National Center for Policy Analysis) и др. Среди видных членов MPS, занимавших в разные годы высокие политические посты и осуществлявших неолиберальные реформы, следует назвать Людвиг Эрхарда (Ludwig Erhard) – автора «немецкого чуда», президента Италии Луиджи Эйнаути

¹⁴⁰ Mirowski P., Plehwe D. The Road from Mont Pelerin. The Making of the Neoliberal Thought Collective. London: Harvard University Press, 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.thedivineconspiracy.org/Z5259S.pdf>

(Luigi Einaudi), государственного секретаря США Джорджа Шульца (George Shultz), министра финансов Чили Карлоса Касереса (Carlos Cseres), министра финансов Новой Зеландии Рут Ричардсон (Ruth Richardson), президента Чехии Вацлава Клауса (Vclav Klaus). Кроме того, интересен тот факт, что 22 из 76 советников президента США Рональда Рейгана были членами MPS¹⁴¹.

Начиная с 1950-х гг. неолиберализм как течение политической мысли и как интеллектуальное сообщество стал постепенно превращаться во влиятельную силу, осуществляющую интервенцию во властные структуры США и стран Западной Европы.

Параллельно с этим в научных кругах начинает активно разворачиваться процесс теоретического осмысления неолиберализма в качестве самостоятельного направления политико-экономической мысли и реформаторского социального проекта. В 1951 г. во Франции была защищена первая докторская диссертация, посвященная анализу неолиберализма, которая называлась «Le neo-libйralisme et la rйvision du libйralisme». Ее автор Жак Крос (Jacques Cros) увидел в неолиберализме особую политическую идеологию, которая бросила вызов кейнсианству и тоталитарному мышлению, и которая нашла свое теоретическое и программное выражение в творчестве В. Рёпке и Ф. фон Хайека¹⁴².

В 1950-е гг. неолиберализм становится предметом пристального внимания со стороны альтернативных ему идейно-политических направлений, и, прежде всего, - представителей марксистской, советской школы.

Важно отметить, что советские ученые уже в 50-е гг. XX-го века внесли большой вклад в концептуальное осмысление неолиберализма. Их анализ неолиберализма, проводился, как правило, в жанре марксистской критики буржуазной идеологии. Однако идеологические установки не помешали ряду отечественных

¹⁴¹ Offelen J. Inventories of the Liberaal Archief [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.liberaalarchief.be/MPS2005.pdf>

¹⁴² См.: Thorsen D. E., Lie A. Neoliberalism: conceptual history and definitions [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://folk.uio.no/daget/neoliberalism.pdf>.

исследователей осуществить теоретически глубокое исследование разнообразных национальных моделей неолиберализма.

Одним из первых отечественных исследователей, кто провел развернутый содержательный анализ базовых политико-экономических идей европейского неолиберализма, был советский историк мировой политико-экономической мысли И.Г.Блюмин¹⁴³.

Важнейшей родовой чертой неолиберализма, согласно И.Г. Блюмину, является сочетание восхваления свободной конкуренции с признанием необходимости государственного вмешательства в экономику. Неолибералы, отмечает автор, много распространяются об опасности, чреватой жестким регулированием экономики. Они формально выступают против регулируемого капитализма. Но, в то же время, выступают и против политики *laissez faire*, считая недопустимым отождествление режима свободной конкуренции с *laissez faire*. Они выступают за совмещение свободной конкуренции с принципами государственного регулирования¹⁴⁴. Неолибералы в отличие от представителей классического либерализма рассматривают государственное вмешательство в экономику не как неизбежное зло, а как необходимое условие для действия экономических законов.

Наибольшее внимание в своем исследовании Блюмин уделяет немецкой (Фрейбургской) школе неолиберализма, поскольку в 1950-гг. идеи именно этой школы стали особенно популярны среди западногерманских экономистов и политиков. «Теоретическим главой немецких неолибералов, – пишет Блюмин, – является покойный Вальтер Ойкен, профессор Фрейбургского университета. Поэтому это направление иногда называют фрейбургской школой. Главной теоретической трибуной немецких неолибералов являются издающиеся ежегодно (с 1948 г.) сборники под названием «Ордо». (В этих сборниках принимают участие и представители неолиберализма других стран). Иногда говорят о кружке «Ордо», как

¹⁴³ Блюмин И.А. Критика буржуазной политической экономии / Кризис современной буржуазной политической экономии. Том 3., 1962. Общая характеристика неолиберализма [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://economuch.com/politicheskoy-ekonomiki-istoriya/obschaya-harakteristika-neoliberalizma-13639.html>

¹⁴⁴ Там же.

синониме неолиберального направления. Виднейшие представители этого кружка, кроме Ойкена, – Ф. Бем, Ф. Лютц, А. Мюллер-Армак, Л. Микш, А. Рюстов, Шмелдорс. К этому кружку примыкает министр хозяйства Федеративной Республики Германии – Л. Эрхардт¹⁴⁵.

Главной целью неолиберальной пропаганды в Западной Германии, отмечает Блюмин, была дискредитация политического и экономического строя Германской Демократической Республики, а также других стран социалистического содружества. При этом неправомерно проводилось отождествление нацистского и социалистического режимов на том основании, что оба они носят тоталитарный характер¹⁴⁶.

К началу 1970-х гг. существенно возрос интерес как советских, так и зарубежных исследователей к неолиберализму, что было обусловлено, главным образом, политическим поражением движения «новых левых» (имеются в виду студенческие волнения во Франции и других странах в 1968 г.), идейную базу которого представлял «коктейль» из элементов марксизма, троцкизма, анархизма, антикапиталистических воззрений лидеров Франкфуртской школы (Г. Маркузе, Э.Фромм и др.) и философии постмодернизма. В интеллектуальных кругах Европы и США наметился альтернативный «левому» мировоззрению поворот вправо. Идеи неолиберализма впервые оказались широко востребованы экспертным сообществом.

Значительный вклад в теоретический анализ сущностных черт неолиберализма, его идейных компонентов и конкретных национальных форм внес выдающийся французский политический философ Мишель Фуко. В своих лекциях, прочитанных в 1978-1979 учебном году в Коллеж де Франс и опубликованных под названием «Рождение биополитики», Фуко подробно проанализировал базовые характеристики неолиберализма.

М.Фуко выделил общие и видовые черты немецкого, французского и американского неолиберализма. Общими чертами разных видов либерализма, по его

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Там же.

мнению, являются: 1) общий для всех неолибералов доктринальный противник, а именно, кейнсианство; 2) общие объекты отторжения – управляемая экономика, планирование, государственный интервенционизм; 3) общие научные авторитеты (Мизес, Хайек и др.)¹⁴⁷.

Кроме того, по мнению Фуко, общим и инвариантным моментом всех разновидностей неолиберализма, отличающим их от классического либерализма, является перенос акцента с принципа свободного обмена на принцип свободной конкуренции. Для неолибералов сущность рынка заключается не в обмене, а в конкуренции: «Конкуренция – это сущность. Конкуренция – это эйдос. Конкуренция – это принцип формализации. У конкуренции своя собственная логика, своя собственная структура. Следствия выводятся только при условии, что эта логика соблюдена. Это, так сказать, формальная игра между неравенствами, а не природная игра между индивидами и поступками»¹⁴⁸.

Согласно Фуко, неолибералы совершили полный переворот по отношению к классическим либеральным взглядам на взаимосвязь государства и свободного рынка. Если для классического либерала XVIII века идеальной моделью государства было государство - «ночной сторож», власть которого в сфере управления экономикой была сведена к минимуму, то для неолиберала наилучшей моделью стало государство-менеджер, создающее благоприятные условия (законодательство) для расширения зоны свободной конкуренции.

Фуко справедливо замечает, что за риторикой о свободах неолибералы маскируют свою приверженность к государственному администрированию, направленному на тотальное распространение в обществе отношений конкурентной рыночной игры. Неолиберализм, по сути своей, «есть не что иное, как прикрытие общего и административного вмешательства государства, вмешательства тем более

¹⁴⁷ Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1879 учебном году. СПб.: Наука, 2010. С. 104-105.

¹⁴⁸ Там же. С. 155.

тяжкого в силу своей коварности и маскировки под внешностью неолиберализма»¹⁴⁹.

При рассмотрении американской формы неолиберализма Фуко подчеркивает ее глубокую укорененность в американском способе бытия и образе мысли. Он выделяет такой специфический элемент американской неолиберальной доктрины как теория человеческого капитала¹⁵⁰.

Теория человеческого капитала является в определенной степени неким возвращением к классической либеральной концепции *homo њsopotіcіs* (человека экономического). Однако данная концепция подвергается в неолиберальной теории человеческого капитала серьезной трансформации. Если в классическом либерализме *homo њsopotіcіs* является партнером отношения обмена, который руководствуется представлениями об его полезности, то в неолиберальной версии человек экономический – это, прежде всего, антрепренер самому себе. Для неолиберала *homo њsopotіcіs* – «сам себе капитал, сам себе производитель, сам себе источник доходов». Он одновременно – и потребитель и производитель. «Человек потребления, поскольку он потребляет, есть производитель ... он производит свое собственное удовлетворение»¹⁵¹.

Формирование человеческого капитала для неолиберала является процессом накопления *компетенций*, которые наделяют индивида способностью быть конкурентоспособным на рынке труда. Для формирования компетенций необходимо заниматься образовательными инвестициями. Данная *инвестиционная концепция человеческого капитала* получила свою разработку в работах американского экономиста Теодора Шульца – профессора Чикагском университета, будущего лауреата Нобелевской премии по экономике¹⁵². Другой представитель американского неолиберализма Джейкоб Минсер рассматривал образование исключительно в

¹⁴⁹ Там же. С. 170.

¹⁵⁰ Там же. С. 277-278.

¹⁵¹ Там же. С. 285.

¹⁵² Там же. С. 296.

контексте концепции инвестиций в человеческий капитал, а сам человек трактовался как носитель рыночных компетенций¹⁵³.

При рассмотрении американских неолиберальных идей Фуко, возможно сознательно, опустил сюжет о монетаристском направлении, получившем теоретическое обоснование в работах Милтона Фридмана. Между тем, именно монетаристские идеи М.Фридмана сыграли решающую роль в превращении американской формы неолиберализма в теоретическую основу практической реализации радикальных неолиберальных реформ в 1970-1990-е гг. в разных странах мира, включая Россию.

Милтон Фридман – лидер Чикагской экономической школы – вполне заслуженно считается главным идеологом и пропагандистом монетаристской версии неолиберализма¹⁵⁴. Ему принадлежит свыше 250 научных трудов, среди которых: – «Очерки позитивной теории» (1953); «Количественная теория денег» (1956), «Теория функции потребления» (1957), «Программа монетарной стабилизации» (1959), «Капитализм и свобода» (в соавторстве с Р. Фридман, 1962), «Монетарная история США, 1867-1960» (в соавторстве с А. Шварцем, 1963), Роль монетарной политики» (1968), «Теоретические рамки монетарного анализа» (1970), «Теоретические основы анализа кредитно-денежной системы» (1970), «Деньги и экономическое развитие» (1973), «Теория цен» (1978), «Очерки позитивной экономики» (1975), «Свобода выбирать» (в соавторстве с Р. Фридман, 1980), «Личный взгляд» (1981).

В работах М. Фридмана были сформулированы довольно привлекательные идеи либеральных свобод, что сделало их очень популярными среди либерально настроенных интеллектуалов многих стран. Согласно Фридману, цель либерализма «состоит в том, чтобы сохранить максимальную степень свободы для каждого отдельного индивида, причем так, чтобы свобода одного не мешала при этом свободе другого». Это возможно в том случае, если власть рассредоточена, разделе-

¹⁵³ Mincer J. Investment in human capital and personal income distribution // Journal of Political Economy. 1958. Vol. 66. P. 281-302.

¹⁵⁴ Беляков А., Матвейчев О. Большая актуальная политическая энциклопедия. М.: Эксмо, 2009. 412 с.

на, не является концентрированной в руках государства. Главное – не допускать передачи государству любой функции, которая могла бы быть выполнена посредством рынка, «поскольку добровольное сотрудничество заменяется при этом принуждением и поскольку расширение роли государства угрожает свободе в других областях»¹⁵⁵.

Фридман выступает против приоритета интересов государства над интересами отдельных индивидов. В этой связи он вступил в полемику с президентом США Джоном Кеннеди, который выдвинул патриотическую формулу: «Не спрашивай, что Америка должна сделать для тебя. Спроси, что ты должен сделать для Америки». Фридман утверждает, что «такая точка зрения идет вразрез с убеждением свободного человека», поскольку он сам несет ответственность за свою судьбу. Выражение «что ты должен сделать для своей страны» подразумевает, что государство мыслится как господин или божество, а гражданин – как слуга или прислужник. Для свободного человека страна должна быть совокупностью составляющих ее индивидуумов, а не какой-то вышестоящей инстанцией. Свободный человек смотрит на государство как на средство, инструмент¹⁵⁶.

В своих работах Фридман подвергает критике социалистическое учение о государстве, хотя и признает, что оно имело определенный успех среди широких общественных слоев в странах Запада. Еще в 80-х гг. многие верили, что социализм – это жизнеспособная и даже наиболее перспективная система достижения материального процветания и человеческой свободы. Однако спустя десятилетие в это верят уже немногие. «Идеалистическая вера в социализм до сих пор жива, но сохраняется только в нескольких заповедниках высоколобых на Западе и в ряде самых отсталых стран мира. Десять лет назад многие были убеждены, что капитализм, опирающийся на свободные частные рынки, – это система глубоко порочная, неспособная обеспечить ни массового процветания, ни свободы людей. Сегодня здравый смысл считает, что только капитализм способен на это»¹⁵⁷. При

¹⁵⁵ Фридман М. Капитализм и свобода. М.: Новое издательство, 2006. С. 64.

¹⁵⁶ Там же. С. 25.

¹⁵⁷ Фридман М., Фридман Р. Свобода выбирать: наша позиция. М.: Новое издательство, 2007. С. 7.

этом Фридман не отрицает принцип равенства, однако уточняет, что речь должна идти о равенстве возможностей¹⁵⁸.

Свойственная социалистическому обществу идея тотального равенства, по мнению американского исследователя, не может обеспечить свободу человека. «Общество, которое ставит равенство (в смысле равенства результатов) выше свободы, в результате утратит и равенство, и свободу»¹⁵⁹.

В работах Фридмана дается справедливая критика государственного бюрократизма, который препятствует развитию свободного предпринимательства граждан. Однако при этом автор считает, что ради обеспечения свободы предпринимательства и конкуренции следует отказаться от государственной поддержки социальных проектов и образовательных программ. Люди, по его мнению, должны понять, что государство им ничего не должно.

Фридман выступает за тотальную приватизацию государственной собственности, без чего, по его мнению, сохраняется опасность возникновения жесткой централизации в государственном управлении обществом, которая в своих крайних проявлениях ведет к ликвидации частной собственности и к установлению тоталитарного режима¹⁶⁰.

Главным вкладом Фридмана в развитие идей и принципов неолиберализма является его *теория монетаризма*, которая, была положена в основу проектов неолиберальных реформ в разных регионах мира, начиная с 1970-х гг. Данная теория включает следующие постулаты: использование денежных инструментов в качестве главных регуляторов, стимуляторов и стабилизаторов свободного рынка; либерализация цен и внешней торговли; тотальная приватизация государственной собственности; использование в ходе реформ метода шоковой терапии.

Фридман хорошо известен экономистам и политологам не только как неолиберальный теоретик, но и как практик. В 1950 году он был консультантом комитета по реализации «плана Маршалла». В 1971-1974 гг. работал в качестве экономиче-

¹⁵⁸ Фридмен М., Хайек Ф. О свободе. М.: Три квадрата, 2003. С. 79.

¹⁵⁹ Там же. С. 106.

¹⁶⁰ Там же. С. 50.

ского советника президента США Р. Никсона. Фридман принимал участие в разработке программы Республиканской партии, был автором и ведущим популярной телепрограммы «Свобода выбора», в течение многих лет (1966-1984) вел «колонку экономиста» в журнале «Newsweek». Он является теоретическим вдохновителем «рейганомики» (политики правительства США Р. Рейгана в 1981 - 1988), программы экономических реформ в Чили. Для реализации данной программы Фридманом была подготовлена специальная группа советников, получившая название «чикагские мальчики».

«*Чикагские мальчики*» были группой из 30 чилийцев, которые изучали экономику в университете Чикаго в период с 1955-го по 1963-й год. Обучаясь в аспирантуре, они стали последователями М. Фридмана, оказавшись полностью индоктринированными в монетаристскую теорию свободного рынка. Многие выпускники Чикагской школы, вернувшись в Чили, стали профессорами отделения экономики Католического университета Сантьяго. К 1963 году 12 из 13 штатных сотрудников экономического факультета были выпускниками Чикагского университета, а один из них – возглавил этот факультет¹⁶¹. «Чикагские мальчики» ездили в Аргентину, Колумбию и другие страны, чтобы создать там новые филиалы Чикагского университета и распространить свои знания по всей Латинской Америке. По словам Наоми Кляйн, данная пропаганда идей монетаризма стала «откровенной формой интеллектуального империализма»¹⁶².

Однако после исторических событий, когда к власти в Чили в результате демократических выборов пришли левые силы во главе с Сальвадором Альенде, неолиберальный «чилийский проект» оказался под угрозой провала. Положение стал спасать президент США Ричард Никсон. Когда он узнал, что Альенде избран президентом, он отдал знаменитое распоряжение директору ЦРУ Ричарду Хелмсу «заставить их экономику вопить»¹⁶³. «Чикагским мальчикам» из ЦРУ поступило

¹⁶¹ Кляйн Н. Доктрина шока. М.: Добрая книга, 2009. С. 89.

¹⁶² Там же. С. 90.

¹⁶³ Там же. С. 92.

распоряжение: обеспечить «атмосферу переворота»¹⁶⁴. Во время переворота в 1973 г. успешно была применена технология «шоковой терапии» М.Фридмана, которую на тот момент уже изучили сотни латиноамериканских экономистов, прошедшие подготовку в Чикагском университете и его филиалах¹⁶⁵. Это была первая практическая победа неолиберализма, которую сторонники Фридмана гордо называли революцией¹⁶⁶.

Известно, что в 1982 году, несмотря на четкое следование рецептам Фридмана, экономика Чили пережила крах. Безработица достигла 30% в 10 раз превысив свой уровень по сравнению с эпохой президента Альенде. В итоге Пиночету пришлось вернуться к политическому курсу, который проводил Альенде, что привело к экономическому подъему. В этот период «чикагские мальчики» уже покинули правительственные кабинеты. Однако парадокс состоял в том, что именно за эпохой их провала, а не за периодом, который стал отказом от «шоковой терапии», закрепился термин «чилийское экономическое чудо». Данный миф до сих пор циркулирует среди сторонников монетарной политики.

В конце 1970-х гг. неолиберализм в своем монетарном облики превратился во влиятельную стратегическую доктрину, призванную регулировать общественную политику на государственном уровне в развитых капиталистических странах¹⁶⁷. В 1979 г. в Великобритании к власти пришло правительство консерваторов во главе с Маргарет Тэтчер, которое положило в основу своего курса неолиберальную концепцию монетаризма, приватизации, низких налогов на богатых, а также учение об ограниченном социальном государстве. В 1980 г. с избранием Рональда Рейгана президентом США монетарный проект получил в США еще более жесткую практическую реализацию, чем в Великобритании: произошла масштабная отмена государственного регулирования экономики, особенно в финансовом секторе.

¹⁶⁴ Там же. С. 100.

¹⁶⁵ Там же. С. 101-102.

¹⁶⁶ Там же. С. 108-109.

¹⁶⁷ Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М.: Поколение, 2007. С. 35.

В литературе экономические программы М.Тэтчер и Р. Рейгана получили наименования «тэтчеризм» и «рейганомика». Они традиционно считаются выражениями неоконсерватизма. Однако, это не совсем верно, поскольку *тэтчеризм и рейганомика своим идейно-политическим наполнением в значительной степени обязаны неолиберализму, причем не только американскому, но и собственно английскому*. Не секрет, к примеру, что Тэтчер находилась под влиянием неолиберальных аналитиков из Института экономических отношений (Institute of Economic Affairs), созданного в Лондоне при содействии Общества Мон-Пелерин¹⁶⁸.

Реформирование экономики в неолиберальном духе требовало от Тэтчер и Рейгана решительных мер по нейтрализации групп сопротивления в лице левых сил и рабочих профсоюзов. Как образно высказался один из российских аналитиков, «перчатка была брошена самому сильному из стана врага – рабочей аристократии». Рейган «вызвал на бой» профсоюз авиадиспетчеров – наиболее организованную и влиятельную профсоюзную структуру США, а Тэтчер вступила в смертельную схватку с забастовавшими шахтёрами. Неолибералы не собирались церемониться с противником и выложили все карты на стол. Ни о каком компромиссе речи идти не могло, эпоха «классового мира» канула в безвозвратное прошлое – всевластию профсоюзов должен быть положен конец. Тэтчер прямо заявила о своем намерении закрыть все нерентабельные шахты. Победа неолибералов была полной и безоговорочной¹⁶⁹.

Тэтчер и Рейган каждый в своих странах, по сути, совершили неолиберальную революцию, положив в основу политического и экономического курса установки монетаризма, связанные с расширенной приватизацией, сокращением финансирования социальных программ, финансовой поддержкой крупных монополий. В этой связи, на наш взгляд, можно утверждать, что *неоконсерватизм, представленный такими феноменами как «тэтчеризм» и «рейганомика», выступает одной из форм проявления идеологии и практики неолиберализма*.

¹⁶⁸ Там же. С. 36.

¹⁶⁹ Иоффе И. Неолиберальное иго (рецензия на выход русского издания книги Дэвида Харви «Краткая история неолиберализма») [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://left.ru/2006/18/ioffe152.phtml>

Следует также отметить, что *неолиберальная по своей сути революция Тэтчер во многом была подготовлена мировоззренческим консенсусом, сформировавшимся внутри англоговорящего среднего класса*¹⁷⁰. Тэтчер, как и М.Фридман искусно прибегала к риторике, в основе которой лежали идеи индивидуальной свободы, независимости от государственного диктата, составляющие ядро массового сознания западного среднего класса. Поэтому многим его представителям пришлось по вкусу положения неолиберализма.

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. неолиберализм становится доминирующим течением в элитарных кругах (интеллектуальных, экономических, политических) в странах Запада, усиливается наступление правых сил на идеологию и политические партии «левых». Поражение «левых» и успехи неолиберальной пропаганды привели к тому, что в массовом сознании произошел поворот в сторону принятия идей десоциализации и декоммунизации, разрушения системы централизованного управления и плановой экономики.

В политическом плане данный поворот обернулся стремлением официальных кругов и деловых элит к формированию нового согласованного курса, порывающего с концепцией компромисса между трудом и капиталом, с теорией социального государства. В этих целях, отмечает Б.Ю. Кагарлицкий, в швейцарском курортном городке Давос стал ежегодно собираться Всемирный экономический форум, на котором проводились консультации, итогом которых стала выработка глобального неолиберального проекта. Новая стратегия формировалась постепенно. Первоначально на форуме речь шла только о том, чтобы остановить рост «социальных издержек». Но по мере того как разворачивалось идеологическое и политическое наступление правых, неолиберальный проект делался все более радикальным¹⁷¹.

Идеологической базой Давосского проекта стали работы Хайека и Фридмана. Их авторитет еще больше укрепился в деловых кругах после того как им были вручены Нобелевские премии по экономике (в 1974 г. и в 1976 г. соответственно).

¹⁷⁰ Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М.: Поколение, 2007. С. 86-87.

¹⁷¹ Кагарлицкий Б.Ю. Неолиберализм и революция. СПб.: Полиграф, 2013. С. 36.

В 1980-е гг. неолиберальные идеи оказали активное влияние на интеллектуальные круги восточно-европейских стран, входящих в социалистический блок, а также на советскую интеллигенцию и политическую элиту, открытую западным интеллектуальным веяниям. Видный российский историк и специалист по проблемам глобализации А.И. Уткин отмечал: «...В атмосфере победы неолибералов-рыночников в рейганистско-тэтчеристском мире лучшие умы европейского Востока, в частности России, привычно поверили в «последнее слово», как до них верили в деятельность Просвещения, в Фурье, Прудона, Бланки, анархизм, марксизм, ницшеанство. Россия уже не противостояла Западу, а постаралась встать по одну сторону с ним»¹⁷².

Превращение неолиберализма в доминирующее в международном масштабе идейно-политическое направление получило свое логическое оформление в глобальной стратегической доктрине под названием «Вашингтонский консенсус».

Вашингтонский консенсус (ВК) был образован в 1989 г. Его основные принципы сформулировал английский экономист Джон Уильямс. Первоначально ВК должен был стать сводом правил экономической политики для стран Латинской Америки. Документ был призван обозначить необходимость отхода этих стран от централизованной системы управления и перехода к неолиберальной модели экономического развития. «Речь шла о принципах, которые, по мнению Уильямса, отражали общую позицию администрации США, главных международных финансовых организаций – МВФ и Всемирного банка, а также ведущих американских аналитических центров. Их штаб-квартиры находились в Вашингтоне – отсюда и термин «Вашингтонский консенсус»¹⁷³.

Программа, обозначенная как ВК, включала десять основных шагов в сфере экономики, которые необходимо осуществить любому правительству для построения передовой экономической системы. В частности, следовало осуществить либерализацию (дерегулирование экономик), приватизацию государственного сек-

¹⁷² Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. М.: Логос, 2001. С. 52.

¹⁷³ Ананьин О, Хаиткулов Р., Шестаков Д. Вашингтонский консенсус: пейзаж после битв // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 12. С. 15-27.

тора экономики, усиление фискальной дисциплины (поддержание минимального дефицита бюджета за счет сокращения социальных программ), защиту собственности и прав собственников, снижение ограничений для прямых иностранных инвестиций, свободную конвертацию национальной валюты, либерализацию внешней торговли (в основном за счет снижения ставок импортных пошлин), либерализацию финансовых рынков.

Широкий общественный резонанс Вашингтонскому консенсусу обеспечили определенные обстоятельства. Во-первых, сформулированные правила достаточно точно выразили умонастроения влиятельных чиновников в американской администрации, администрациях западноевропейских государств, а также – представителей многих международных организаций, для которых они уже фактически были инструментами политического влияния. Речь шла о том, что без принятия таких правил странам и их организациям трудно было бы рассчитывать на благосклонность Вашингтона, а значит, и на новые кредиты, реструктуризацию старых долгов и на иностранные инвестиции. Именно в этом качестве ВК обрел политическую значимость и основной смысл. Во-вторых, ВК претендовал на научную обоснованность и, как следствие, – на универсальность¹⁷⁴. В-третьих, в 1989 г. в странах Восточной Европы прошла серия «бархатных революций», а в интеллектуальном пространстве СССР стали преобладать идеи радикальных рыночных реформ, что не могло не усилить привлекательность стратегического проекта ВК.

В 1991 г., во многом благодаря идейному очарованию стратегией радикальных реформ в кругах перестроечной советской элиты, Советский Союз прекратил свое существование, и новое руководство России приступило к реализации неолиберального проекта реформ. В связи с последним обстоятельством выражение «Вашингтонский консенсус» для определенных политических кругов стало символом победы Соединенных Штатов в «холодной войне»¹⁷⁵. Таким образом, Вашингтон-

¹⁷⁴ Там же. С. 16.

¹⁷⁵ Русакова О. Ф., Хмелинин А. А. Идеологическая мобильность современного неолиберализма: методологический анализ // Дискурс Пи. 2013. №13. С.89-97.

ский консенсус, будучи инструментом экономических реформ, стал мощным катализатором глобальных политических изменений.

«Вашингтонский консенсус» органически вписался в современное неолиберальное представление о новом мировом порядке, став по сути неолиберальным проектом глобализации и желаемым образом унифицированного мира¹⁷⁶.

В начале XXI века термин «Вашингтонский консенсус» получает расширенное политическое толкование и служит для обозначения стратегии установления контроля со стороны США и их союзников за мировым рынком, для обозначения инструмента империалистической экспансии. Известный критик неолиберальной глобализации Ноам Хомский в своей работе «Неолиберализм и глобальный порядок» отмечал: «Неолиберальный Вашингтонский консенсус представляет собой основанную на определенных рыночных принципах политику, проводимую правительством США и в значительной степени подконтрольными ему международными финансовыми учреждениями в отношении более уязвимых обществ. Этот курс зачастую предстает в роли программы неотложной структурной корректировки. Его основные правила, в двух словах, таковы: либерализовать цены и финансы, дать рынку установить цены («выправить цены»), покончить с инфляцией («макроэкономическая стабильность»), осуществить приватизацию. Правительство должно «уйти с дороги» – а, значит, и население тоже, ведь правительство демократическое, хотя этот вывод явно и не афишируется. Решения тех, кто навязывает «консенсус», естественно, оказывают существенное влияние на мировой порядок»¹⁷⁷.

Проделанный в настоящем параграфе анализ процесса идейного становления и форм неолиберализма позволяет резюмировать следующее:

¹⁷⁶ Френсис Фукуяма, как известно, однажды решил, что современный процесс глобализации в конечном итоге приведет все страны к одному знаменателю – триумфу неолиберального проекта.

¹⁷⁷ Хомски Н. Неолиберализм и глобальный порядок. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/490>

1. Неoliberalизм возник как альтернатива, с одной стороны, социалистической теории и модели централизованного управления обществом, а с другой - кейнсианству с его идеей социального государства;

2. Неoliberalизм как идейно-политический феномен является полиморфным интеллектуальным и сетевым институциональным образованием; базовыми постулатами neoliberalизма являются: дерегуляции рынка, приоритет конкурентного рыночного начала, снятие государственных барьеров в развитии корпораций и торговли, приватизация государственной собственности, коммерциализация социального сектора, инвестирование в человеческий капитал как условие формирования системы компетенций рыночных акторов;

3. Теоретическое развитие neoliberalизма привело к формированию различных национальных школ, ведущими из которых стали: австрийская школа во главе с Ф. Хайеком и Л. Мизесом; немецкая школа ордолиберализма во главе с В. Эйкеном и американская чикагская школа монетаризма во главе с М. Фридманом;

4. Превращение neoliberalизма в доминирующее идейно-политическое течение в последней трети XX-го века произошло, благодаря деятельности в США и других странах Запада многочисленных фабрик мысли, бизнес-школ, университетских исследовательских центров и СМИ, продвигающих воззрения и принципы neoliberalизма в международном масштабе;

5. Реформаторские амбиции neoliberalизма во внешнеполитической деятельности впервые получили свою практическую реализацию во время осуществления экономических реформ группой «чикагских мальчиков» в Чили в 1970-е гг.;

6. Наиболее жесткой формой neoliberalальной реформаторской стратегии, направленной на реализацию принципов рыночного фундаментализма, является Вашингтонский консенсус. Вашингтонский консенсус в начале XXI века превратился в инструмент глобального доминирования США на мировой арене.

1.2. Неолиберальная глобализация и политика: критический анализ

Ведущую роль в реализации и поддержке современного процесса глобализации играют ТНК, которые, по сути, являются главными международными игроками, осуществляющими неолиберальный проект глобализации.

В роли основных акторов неолиберальной глобализации, согласно мир-системной теории И. Валлерстайна, выступают так называемые «страны ядра» или «страны золотого миллиарда» (США, Канада, развитые страны Западной Европы, Япония), а также контролируемые ими международные институционально-правовые и экономические центры – МВФ, ВТО, ВБ. Механизм, с помощью которого разворачивается процесс неолиберальной глобализации, таков: посредством прямых действий правительств ведущих государств или через деятельность МВФ, ВБ и ВТО национальным экономикам навязываются жесткие правила игры и условия «структурной адаптации»¹⁷⁸.

ТНК как активные проводники неолиберальной глобализации, обладая большим экономическим потенциалом и высокой мобильностью, подрывают эффективность государств, принадлежащих к «полупериферии» и «периферии» миросистемы, получая при этом перспективу создания центров власти, лояльных ТНК. По мере усиления власти ТНК национальные правительства все больше становятся обязанными следовать требованиям и принципам неолиберальной глобализации. Неолиберальная глобализация в ее нынешнем исполнении отождествляется со стратегией построения однополюсного мира, то есть, с созданием унифициро-

¹⁷⁸ Неолиберальная глобализация [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.socioguru.ru/sgurus-930-1.html>

ванной цивилизации, управляемой из единого центра, которым является «большая семерка» (G7).

С геополитической точки зрения, неолиберальная глобализация является отражением борьбы за экономический и политический передел мирового пространства в XXI век, то есть за глобальный контроль мировых держав над государствами рангом ниже.

С позиции марксистской теории неолиберальная модель глобализации рассматривается как новая фаза развития мирового империализма и как глобальная экономическая и политическая экспансия империалистических сил, главными носителями которой выступают транснациональные корпорации стран мир-системного «ядра» (США, Европа, Япония) при главенстве Соединенных Штатов. Известный политолог и критик неолиберализма Самир Амин об этом пишет так: «Новый империализм действительно имеет центр – Триаду, а центром центров, стремящимся к осуществлению своей гегемонии, являются Соединенные Штаты. Триада осуществляет свое коллективное господство над всеми перифериями планеты (три четверти человечества), используя институты, которые были созданы для этой цели и находятся под ее управлением ... Среди них основным является Всемирная торговая организация (ВТО), подлинная задача которой – не гарантия, как утверждается, «свободы рынков», а напротив – сверхзащита монополий (центра) и установление систем производства для периферий как функции от этой основной потребности. Международный валютный фонд (МВФ) ... выполняет функции коллективного колониального денежно-кредитного органа управления Триады. А всемирный банк является чем-то вроде Министерства пропаганды «Большой семерки» ... Достаточно жестким проявлением империалистической реальности является систематическое осуществление Соединенными Штатами военного контроля над планетой»¹⁷⁹.

С позиции критического дискурс-анализа левого толка неолиберальная глобализация представляется как процесс превращения неолиберального дискурса в

¹⁷⁹ Амин С. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира. М.: Европа, 2007. С. 35-36.

доминирующий дискурс интеллектуальных кругов не только стран Триады, но и стран мировой периферии. Разделяя данный подход, Самир Амин отмечает: «С целью придать империалистическим порядкам Триады и гегемонии Соединенных Штатов видимость легитимности система породила свой собственный идеологический дискурс, соответствующий новым агрессивным задачам»¹⁸⁰.

Дискурс неолиберальной глобализации содержит следующие концепты: безальтернативность неолиберальной модели мирового развития¹⁸¹; «новый мировой порядок», экспорт демократии в страны с тоталитарно-авторитарными режимами, концепт глобального управления, приоритет транснационального над национальным и др.

Адепты неолиберальной модели глобализации видят в ней единственно верный путь модернизации всех сфер общественной жизни, движения в направлении информационно-технического прогресса, обеспечения международной безопасности. Для неолибералов глобализация должна закономерно привести к разрушению национальных барьеров и созданию новой мировой структуры, которая погребет под собой национальные границы. По мнению сторонников неолиберальной глобализации, их стратегия ведет к сближению рас и народов¹⁸².

Существует обширная литература, в которой авторы весьма критически относятся к неолиберальной глобализации, принимая во внимание ее последствия. Однако данная критика, отнюдь, не однородна по своему идейному настрою и по своим аналитическим мишеням. С нашей точки зрения, *можно выделить следующие основные разновидности критического анализа неолиберальной глобализации, а также ее эффектов: 1) умеренно-критический подход; 2) радикально-критический подход.*

Умеренно-критический подход. Сторонники умеренно-критического подхода, хотя и признают, что неолиберальная глобализация приводит к серьезным

¹⁸⁰ Там же. С. 37.

¹⁸¹ Френсис Фукуяма, как известно, однажды решил, что современный процесс глобализации в конечном итоге приведет все страны к одному знаменателю – триумфу неолиберального проекта.

¹⁸² Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. М.: Логос, 2001. С. 54.

кризисным явлениям, все же, считают, что данная модель глобализации в общем и целом совпадает с общемировой объективной тенденцией развития. И поэтому в корректировке нуждается не столько сам неолиберальный курс на глобализацию, сколько его философско-политические основания и конкретная практика.

В целом же, умеренно-критический подход осуществляется в рамках либерального дискурса, направленного на исправление ошибок и дефектов неолиберальной политики в сторону отказа от практики государственного монополизма и безответственной социальной политики. Данная критика в качестве альтернативы неолиберализму предлагает различные улучшенные модели капитализма и либерализма. Прорабатываются также идеи новых пост-Вашингтонских консенсусов. Данный подход, в частности, разделяют российские исследователи из МГИМО, которые в недавно опубликованном учебнике под названием «Мегатренды: основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке» пишут: «В последние годы – особенно в связи с нынешним кризисом – стала очевидной *несостоятельность философии той модели глобализации*, в рамках которой она протекала и которая, как показал Дэвид Харви¹⁸³, была сформирована на базе принципов неолиберализма. Но глобализация – хотим мы того или нет – продолжается, ибо это объективный процесс, и потребность в ее новой философии, отвечающей вызовам времени, становится как никогда острой»¹⁸⁴.

Для создания новой философии глобализации предлагается взять на вооружение следующие стратегии развития современной миросистемы: «ориентализация» мирового развития, (постепенное, но неуклонное перемещение центра мирового развития с Запада, от США и Европы, на Восток, в направлении Китая, стран Юго-Восточной Азии, Индии, Бразилии, а также России); универсализация миграционных потоков, которые идут с Востока на Запад, что приводит к изменению расово-этнического состава населения стран Запада и к появлению неасси-

¹⁸³ Авторы дают ссылку на источник: Д. Харви. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М.: Поколение, 2007. 288 с.

¹⁸⁴ Шаклеина Т.А., Байков А.А. Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке: учебник. М.: Аспект Пресс, 2014. С. 26.

милированных культурных анклавов в урбанизированных центрах западного мира; инверсия фундаментальных ценностей: «свобода versus безопасность», которая «отчетливо проявляется в согласии граждан пойти на ограничение своей свободы во имя обеспечения собственной безопасности»¹⁸⁵ и др.

Говоря о трендах развития современной миросистемы, умеренные критики неолиберальной глобализации не принимают во внимание, что и смещение миграционных потоков с Востока на Запад и инверсия фундаментальных ценностей (обмен свободы на безопасность) и многие другие тренды возникают не сами по себе, а являются следствиями и результатами международной военной и политической экспансии, осуществляемой проводниками неолиберальной глобализации. Без вмешательства США и других стран так называемого «ядра» миросистемы во внутренние дела ряда государств Азии и Африки миграция с Востока на Запад не была бы столь интенсивной. Не состоялась бы и ценностная инверсия, приводящая к политическому ограничению пространства демократических свобод в обмен на безопасность. Данный процесс также был спровоцирован странами-лидерами неолиберальной глобализации, развернувшими масштабную информационно-пропагандистскую войну против своих противников, чьи действия были расценены как угроза безопасности.

К умеренным критикам мы также относим тех авторов, которые, критикуя неолиберальные институты глобализации, все же считают, что в настоящее время данные институты еще не исчерпали свой позитивный потенциал, что в настоящее время не существует равноценной им замены и реальной альтернативы. К примеру, украинские исследователи П.С.Ещенко и А.Г. Арсеенко в своей работе «Пекинский консенсус» vs «Вашингтонский консенсус» отмечают, что, несмотря на возрастающее признание вступления человечества в «постнеолиберальную» эпоху, действенных альтернатив неолиберализму в западной «экономике» сегодня нет¹⁸⁶.

¹⁸⁵ Там же. С. 30-34.

¹⁸⁶ Ещенко П.С., Арсеенко А.Г. «Пекинский консенсус» vs «Вашингтонский консенсус» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://russmir.info/eko/1357-pekinskij-konsensus-vs-vashingtonskij-konsensus.html>

Авторы считают, что в отсутствии у официальных кругов Запада собственных инструментов создания альтернативных неолиберализму институтов, они вынуждены пристально присматриваться к опыту 30-летних китайских рыночных реформ, которые привели к улучшению положения в экономике и жизни людей и до сих пор удерживают высокие темпы роста. Данный опыт получил название «Пекинский консенсус». Основными его элементами являются: 1) инновационное развитие экономики, создание специальных экономических зон; 2) минимизация роли правительства в решении экономических и социальных проблем; 3) сбалансированный качественный устойчивый рост в условиях поступательного движения реформ; 4) «либерализация» собственности; 5) открытость страны не только для иностранного капитала и ТНК, но и для внедрения новейших управленческих институтов и идей; 6) совершенствование духовной, социальной и политической сфер общества; 7) развитие большей самостоятельности и независимости индивидов»¹⁸⁷.

Сравнивая между собой два консенсуса, исследователи отмечают: несмотря на то, что «Пекинский консенсус» имеет ряд преимуществ перед «Вашингтонским консенсусом», оба они носят неолиберальный характер. Кстати, на это же обращают внимание и другие специалисты, в том числе из КНР¹⁸⁸.

Авторы статьи, тем не менее, не оставляют надежды, что в обозримом будущем может возникнуть достойная альтернатива философии и практике неолиберализма, что вместо обещанного Фукуямой «конца истории» наступит, выражаясь словами Валлерстайна, «конец знакомого мира»¹⁸⁹. В этой связи задача № 1 заключается в том, чтобы найти выход из тупика, в который завел человечество глобальный неолиберальный капитализм, сделавший удовлетворение «жажды наживы» своим высшим приоритетом¹⁹⁰.

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Авторы дают ссылку на: Ren H. The Neoliberal State and Risk Society: The Chinese State and the Middle Class // *Telos*. – 2010. – Summer – P. 105-128.

¹⁸⁹ Валлерстайн И. Конец знакомого мира: социология XXI века. М.: Логос, 2003. 368 с.

¹⁹⁰ Ещенко П.С. «Пекинский консенсус» vs «Вашингтонский консенсус» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://hvylya.net/analytics/economics/pekinskij-konsensus-vs-vashingtonskij-konsensus.html>

Умеренно-критический подход, касающийся неолиберальной глобализации, по нашему мнению, демонстрируют также авторы, которые выступают за создание международных институтов, способных стать действенными противовесами центральным неолиберальным институтам глобализации, однако, при этом полностью интегрированных в уже сложившуюся иерархическую структуру миротехнологической системы. Иначе говоря, альтернативность новых международных структур будет носить не радикальный, а корректирующий, дополняющий характер. В качестве таких институтов сегодня, к примеру, рассматриваются Евразийский экономический союз (ЕврАзЭС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

К умеренно-критической позиции можно также отнести ряд воззрений бывших активных идеологов неолиберализма, которые позже кардинально изменили свои взгляды: это Дж. Стиглиц, П. Кругман, Дж. Грей, Дж. Сорос, Л. Болтански, Э. Кьяпелло и др. С их позиции неолиберальная стратегия глобализации наносит непоправимый ущерб экономике стран «третьего» мира и мировой политике, поскольку подобное «несправедливое» распределение власти вызывает отторжение, отчуждение и, как следствие, конфликты между «пограничными» государствами. Так, бывший соратник М. Тэтчер, Дж. Грей в своей книге «Фальшивое очарование. Глобальный капитализм», поясняет, что вместо глобальной экономики, построенной на принципах свободного рынка, мир получил чрезвычайно зависимую и нестабильную систему, поскольку нельзя слепо копировать универсальную неолиберальную модель (уход государства из экономики и поощрение частной инициативы) без учета социально-культурной, экономической и политической ситуации в том или ином государстве. Каждая страна должна избрать свой специфический путь развития – таков вывод английского исследователя¹⁹¹.

Основную проблему, которую миру предстоит решать в XXI веке, Грэй видит в неизбежном противоречии между принципом социальной ответственности, с одной стороны, и глобальной конкуренцией - с другой. Получается, что те, кто в качестве приоритета выбирает экономический рост – неминуемо должны будут со-

¹⁹¹ Грей Дж. Фальшивое очарование. Глобальный капитализм. М.: Практикс, 2011. 231 с.

кращать государственное финансирование социальной сферы и урезать социальные гарантии гражданам. И, наоборот, забота о гражданах может привести государство в экономический «тупик».

В российской политической философии умеренно-критическая позиция в отношении неолиберализма представлена воззрениями, в которых в качестве возможной альтернативы предлагается либо коммунитаристская модель общественного устройства¹⁹², либо социально-рыночная модель капитализма в духе идеологии социального либерализма. Государственный патернализм предлагается заменить социальным партнерством, способствующим преодолению неприязни между богатыми и бедными»¹⁹³.

Радикально-критический подход. Представители радикально-критического подхода сознательно выходят за рамки либерального дискурса, предлагая разрабатывать постлиберальный дискурс, интегрирующий идеи ряда «левых» и альтерглобалистских течений. Свою основную задачу радикальные критики неолиберализма видят в создании учения, способного предложить убедительную альтернативную стратегию неолиберальной глобализации. В числе такого рода критиков следует, прежде всего, назвать А. Каллиникоса.

В своей широко известной в альтерглобалистских кругах работе «Антикапиталистический манифест» Каллиникос отмечает, что в настоящее время в мире складывается широкое антикорпоративное движение, в котором усиливаются антикапиталистические и социалистические тенденции, угрожающие неолиберализму¹⁹⁴. Автор считает, что протест против корпоративности на всех уровнях жизнедеятельности общества делает подобные движения одновременно устойчивыми и разнородными. Конструктивная критика подразумевает выдвижение альтернатив. По мнению Каллиникоса, формулирование альтернативы «глобальному капитализму» возможно только в терминах социализма: планирование, програм-

¹⁹² Фишман Л. Г. Либеральный консенсус: дрейф от неолиберализма к коммунитаризму? // Полис. Политические исследования. 2014. № 4. С. 152-165.

¹⁹³ Погорельский А. Социальный либерализм: перспективы в России. // Логос. 2004. № 6 (45). С. 50-59.

¹⁹⁴ Каллиникос А. Антикапиталистический манифест. М.: Праксис, 2005. С. 42.

мирование, классовая борьба, стратегия перехода и т.д. В стратегическом плане для преодоления неолиберализма требуется «разработать программу реформ, которые сами по себе были бы желательны и ставили бы под сомнение логику капитала»¹⁹⁵.

Среди наиболее известных последовательных критиков неолиберальной модели глобализации необходимо назвать Ноама Хомского, Наоми Кляйн, Самира Амина, Бориса Кагарлицкого.

Н. Хомский, используя множество фактов, настаивает на том, что идеология неолиберализма – не что иное, как идеология доминирования наиболее богатого меньшинства и эксплуатации других в интересах этого большинства. Согласно исследователю, мировая сеть транснациональных корпораций действует исключительно в интересах узкого круга властной элиты, признанным лидером которой выступают США. Посредством, к примеру, такого агента глобализации, как ВТО, всему миру навязываются американские ценности, которые в итоге приносят транснациональным корпорациям сверхприбыли¹⁹⁶.

Хомский – противник популярной в неолиберальных кругах идеи, согласно которой американская система ценностей является образцовой для всего мира, поскольку успешно сочетает в себе ценности демократии и свободного рынка. Он также критикует распространенную в США точку зрения, согласно которой Америка смогла одержать победу в «холодной войне» во многом, благодаря привлекательности своей системы ценностей. Данная позиция получила название «доктрина Клинтона»¹⁹⁷. У этой доктрины есть еще одно название – «доктрина глобального совершенствования мира». По мнению Хомского, ни Соединенные Штаты, ни какая-либо другая крупная держава вовсе не руководствуются доктриной глобального совершенствования, которая базируется на распространении ценностей демократии и свободного рынка. Все обстоит ровно наоборот: ТНК наносят демократии смертельный удар, а принцип свободы рынка оборачивается

¹⁹⁵ Там же. С. 220.

¹⁹⁶ Хомский Н. Прибыль на людях. М.: Практикс, 2002. С. 109-110.

¹⁹⁷ Там же. С. 136.

возрастанием их господства¹⁹⁸. Хомский указывает на определенную инверсию неолиберальной концепции свободной конкуренции, показывая, что декларируемые неолиберализмом рыночные свободы на деле принимают форму «социализма для богатых» в рамках системы глобального корпоративного меркантилизма. Так называемая свободная торговля на самом деле представляет собой систему сделок, заключаемых в пределах одних и тех же фирм, находящихся под централизованным руководством¹⁹⁹.

Радикально-критический анализ монетаристского (фридманского) неолиберализма содержится в фундаментальном исследовании Наоми Кляйн под названием «Доктрина шока. Становление капитализма катастроф». По словам Н. Кляйн, начиная с 1970-х гг. движение Чикагской школы Фридмана завоевало территории по всему миру. В США доктрина шока была применена после 11 сентября 2001 г. Именно тогда «настал момент, когда идеология, выкованная в американских университетах и нашедшая прибежище в организациях Вашингтона, смогла, наконец, вернуться к себе на родину»²⁰⁰.

Логическая формула осуществления доктрины шока такова: начальное бедствие – переворот, террористический акт, крушение рынка, война или стихийное бедствие – введение общества в состояние коллективного шока²⁰¹. На почве культивируемого шока ускоренными темпами может развиваться индустрия безопасности, приносящая сверхприбыль²⁰².

Кляйн на фактическом материале показывает, что неолиберальные реформы в разных странах сопровождаются не только огромными экономическими и человеческими потерями, ограблением населения, но также террором, ведущим к свертыванию демократии. Так это было в России (поджог Белого дома, войны в Чечне), в Боливии при чрезвычайном положении, в Китае на площади

¹⁹⁸ Там же. С. 137.

¹⁹⁹ Хомски Н. Неолиберализм и глобальный порядок [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/490>

²⁰⁰ Кляйн Н. Доктрина шока. М.: Добрая книга, 2009. С. 26-27.

²⁰¹ Там же. С. 33.

²⁰² Там же. С. 30.

Тяньаньмэнь, в Ираке²⁰³. Везде, где возникала угроза срыва неолиберальных реформ и появления бунтов против них, на помощь привлекались советники и эксперты, специалисты по подавлению сопротивления, включая технику изоциренных пыток.

Альтернативу неолиберальному курсу с его доктриной шоковой терапии Кляйн видит в программах развития, которые предлагают левые силы, пришедшие к власти в странах Латинской Америки и сформировавшие объединение «Боливарианская альтернатива для Латинской Америки» (ALBA)²⁰⁴. По своей сути ALBA – это ответ континента на неолиберальную шоковую терапию, на принципы торговли, отвечающие интересам ТНК.

Над разработкой идейной платформы программы полного преодоления разными странами и регионами идеологии неолиберализма и освобождения от американского диктата во внутренней и внешней политике плодотворно работает известный политолог, экономист, один из активных деятелей антиглобалистского движения - Самир Амин.

В своих работах Самир Амин указывает, что на нынешнем глобальном этапе развития миросистемы преобладают попытки центров империализма (США, Западная и Центральная Европа, Япония), обозначаемых понятием «Триада», поддержать свой исключительный контроль над миром посредством сочетания неолиберальной политики и экономической глобализации. Данная стратегия позволяет транснациональному капиталу Триады решать все международные вопросы в своих исключительных интересах. Неолиберализм - это диктат капитала стран Триады²⁰⁵.

Самир Амин призывает граждан всех стран мира, в том числе и России, «отключиться» от США и созданных ими глобальных правил экономики. Исследователь предлагает России активно следовать в своей международной политике

²⁰³ Там же. С. 313.

²⁰⁴ Там же. С. 600.

²⁰⁵ Самир Амин предложил путь развития для России [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://pglobal.ru/news/557/>

«проекту суверенизации». Данному проекту, по его словам, уже целиком и полностью следует Китай, на 50% его использует Индия, на 30% - Бразилия²⁰⁶.

Ситуация и трагические события на Украине в последние годы, считает С. Амин, являются еще одной иллюстрацией действительных целей Триады. Именно Триада организовала в Киеве то, что следовало бы назвать «Евро/нацистским путем». Для достижения своей цели (разделения исторически братских народов – русского и украинского), новая, подчиненная Триаде, украинская власть, использовала для своей поддержки местные нацистские элементы²⁰⁷.

Западные СМИ являются информационно - пропагандистским инструментом реализации интересов Триады. Их риторика, насыщенная фразами о свободе, демократии, «революции достоинства», на самом деле маскировала истинные цели Триады, направленные на расширение сферы своего влияния. Нигде стратегия Триады не приводила к расцвету демократии. Напротив, она приводила в движение самые антидемократические силы (в некоторых случаях «фашистские») – квазифашистов в бывшей Югославии (в Хорватии и Косово), в странах Балтии и в Венгрии. Восточная Европа была «интегрирована» в Европейский Союз не как равноправный партнер, а как полуколония крупных капиталистических держав²⁰⁸.

Амин считает, что современная политика России, направленная на то, чтобы противостоять проекту колонизации Украины и других странах бывшего Советского Союза, должна быть поддержана всеми странами, стремящимися к суверенитету и обретению независимости от неолиберального диктата²⁰⁹.

Амин предлагает руководству России собственные рецепты преодоления неолиберализма внутри самой страны. Для этого, считает исследователь, необходимо заручиться как можно более широкой поддержкой российского народа. Ориентированная на народ политика предполагает уход от всевластия маркетинговой па-

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ Амин, С. Российско-украинский кризис: Евразийский проект в конфликте с политикой европейской Триады [Электронный ресурс] / С. Амин. – Режим доступа: <http://socialistic.ru/publications/translations/samir-amin-rossijsko-ukrainskijj-krizis/>

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ Там же.

радикалы и связанного с ней избирательного маскарада, а также – от регрессивной социальной политики. Автор заявляет: «Я хотел бы предложить создание на ее месте совершенно нового государственного капитализма с социальной составляющей (я говорю социальной, не социалистической). Это система откроет дорогу к будущему прогрессу в направлении социализации управления экономикой и поэтому к подлинным новым достижениям на пути создания демократии, отвечающей на вызовы современной экономики»²¹⁰. Однако, если руководство страны продолжит действовать в строгих рамках неолиберальных рецептов, то в таком случае будут уничтожены все шансы России стать независимым игроком на международной арене, на успешное укрепление собственного суверенитета. Без радикального преодоления неолиберального курса развития все попытки России отстаивать свои национальные интересы будут пресекаться санкциями, которые в свою очередь усилят зависимость правящей экономической элиты от требований Триады²¹¹.

Последние события не только на Украине, но и в Греции стали стимулом для разворачивания новых радикально-критических размышлений по поводу неолиберальной глобализации. Ярким примером этому является книга американского журналиста *Патрика Смита* под названием «Time No Longer: Americans After the American Century» (Время вышло: Американцы после американского века), а также его статья «Neoliberalism is our Frankenstein: Greece and Ukraine are the hot spots of a new war for supremacy» (Неолиберализм – наш Франкенштейн: Греция и Украина как горячие точки в новой войне за мировое господство). В статье автор подчеркивает, что за всеми современными кризисами просматривается неолиберальная война против инакомыслия, война за полное подчинение стран американско-евросоюзному глобальному порядку²¹².

²¹⁰ Там же.

²¹¹ Там же.

²¹² Смит П. Неолиберализм – наш Франкенштейн: Греция и Украина как горячие точки в новой войне за мировое господство [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://inosmi.ru/world/20150216/226298221.html>

Примером того, как международные неолиберальные силы в лице МВФ и ЕС заставляют страны придерживаться разработанному для них сценарию, является Греция. Грецию вынудили совершить кабальную сделку с МВФ для погашения долга, невзирая на стремление греков договориться о более мягком решении, чтобы выйти из долголетнего экономического кризиса, восстановить демократический процесс и освободиться от необходимости «искать ужин в мусорных баках». Такая неолиберальная политика, по словам П. Смита, является нелепой, ведь греческий долг можно было реструктуризировать, сведя потери к минимуму. К тому же, сам греческий кризис был в значительной степени спровоцирован ЕС. Но этого лидеры ЕС не захотели признавать, поскольку у них самих есть хозяева - «полководцы» неолиберальной войны с инакомыслием, штаб-квартиры которой находятся в Брюсселе, Франкфурте и Берлине.

Почему Европа, спрашивает Смит, так упорно настаивает на приватизации многих греческих активов? Ведь существуют примеры успешных государственных компаний, которые столь же эффективны, как и частные корпорации, если не больше. Упорство Европы объясняется не просто тем, что приватизация прописана в неолиберальном катехизисе, а в первую очередь тем, что приватизация выгодна транснациональным корпорациям, ищущим в мутной воде дешевые и недооцененные активы. Они смогут эксплуатировать греческие активы после 30% урезания зарплат и вывозить из страны выручку.

Греция оказалась под прицелом неолиберальной войны еще и потому, что в стране есть мощные социал-демократические и иные «левые» силы, которые сопротивляются империалистической политике ТНК.

В отношении событий на Украине П. Смит отмечает, что здесь «мы стали свидетелями прихода неолиберализма на порог России со всеми его вышеупомянутыми атрибутами – силой, запугиванием и преумноженной коррупцией. Тот демократический процесс, который был когда-то у украинцев, почти полностью уничтожен. «Сейчас решающее значение имеет американская поддержка правительству Порошенко, и нет никаких признаков того, что Вашингтон намерен от-

казаться от того упорства, с которым он настаивает на необходимости переплавить Украину в неолиберальном тигле, каковы бы ни были издержки ...»²¹³.

Радикально-критическая позиция в отношении неолиберальной глобализации получает свое выражение не только на страницах научных и публицистических работ, но также в форме организационной деятельности по созданию экспертного сообщества, призванного выработать альтернативную неолиберализму стратегию глобализации. К примеру, данную цель ставят перед собой Институт глобализации и социальных движений (Россия), Транснациональный Институт (Амстердам), Центр развития гражданского общества (Южно-Африканская республика), Forum on the Global South, Krytyka Polityczna (Польша-Украина) и др.

По инициативе Института глобализации и социальных движений (ИГСО) в апреле 2013 г. в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова прошла конференция на тему: «Пост-глобализация. Конец неолиберализма и возрождение социального государства». На конференции было объявлено об официальном старте нового международного сообщества под названием «Post Globalization Initiative» (Постглобализационная Инициатива). В принятом на конференции Манифесте говорилось: «Post-globalization Initiative» – это шаг к долгосрочному сотрудничеству, направленному на изменение международного общественного мнения и доминирующих тенденций в экспертных сообществах, открытие новой стратегической точки зрения для более демократического, равноправного и социально ориентированного развития многополярного мира»²¹⁴.

Один из главных организаторов конференции Борис Кагарлицкий, директор Института глобализации и социальных движений (ИГСО) подчеркнул, что проблема не в том, что неолиберальный порядок неприятен, а в том, что неолиберальная политика, не смотря на все кризисы, продолжает работать. Необходима

²¹³ Там же.

²¹⁴ Международный проект – post globalization initiative разработает новые стратегии для преодоления экономического кризиса [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://1prime.ru/MACROECONOMICS/20130513/763322168-print.html>

дискуссия о том, каким образом можно резко прервать зависимость от неолиберальной мировой системы.

Большой интерес у участников конференции вызвало выступление индийско-канадского экономиста госпожи Р. Десай, которая отметила, что, несмотря на негативные последствия неолиберальной глобализации, неолиберальные ценности продолжают существовать и поддерживаться широкими массами. По ее словам, ни один кризис не может уничтожить старые идеологии, пока продолжают существовать люди, которым эти идеологии выгодны²¹⁵.

При рассмотрении критических подходов к изучению глобальной стратегии неолиберализма, мы постарались найти ответ на давно волновавший нас вопрос: почему, несмотря на вполне обоснованную и конструктивную международную критику неолиберализма, в России и в целом ряде других стран, неолиберальные реформы продолжают прокладывать себе путь, причем, с особенным упорством, это происходит в экономической и социальной сферах?

На наш взгляд, все дело в том, что именно в данных сферах неолиберализм осуществляет воспроизводство человеческого ресурса особого рода, а именно, Homo Economicus, ориентированного на парадигму маркетингового успеха и на систему ценностей, где главным мерилом выступают конкурентоспособность и сумма рыночных компетенций. Культивирование и расширенное воспроизводство такого рода человеческого капитала способно обеспечить дальнейшую жизнеспособность неолиберального глобального проекта и доминирование в общественном сознании неолиберального дискурса, превращая все альтернативные дискурсы в разряд маргинальных, подлежащих, если не уничтожению, то массовому презрению.

Общий вывод таков: неолиберализм будет и дальше доминировать в идейно-политической и экономической сферах общественной жизни, пока в составе правящих элит разных стран будут оставаться элементы, глубоко заинтересованные в сохранении мирового порядка, установленного Тριάдой.

²¹⁵ Неолиберальная идеология имеет географию, и пример тому - кризис экономики запада: канадский эксперт [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.iarex.ru/news/36208.html>

1.3. Неолиберальный дискурс как фактор ценностных трансформаций

При рассмотрении неолиберального дискурса в качестве фактора ценностных трансформаций мы отталкиваемся от концепций дискурса, как властного и коммуникативно-семиотического ресурса, представленных в творчестве Р. Барта, Ж. Бодрийяра, Т. Ван Дейка, М. Фуко и ряда других авторов и получивших свое теоретическое обобщение в работах О.Ф. Русаковой²¹⁶.

Как властный ресурс дискурс дисциплинирует мышление, формирует представления об иерархии предметов и социальных феноменов, производит разнообразные идентификации, включает дихотомическую систему «свой/чужой». Посредством дискурса как властного ресурса социальные институты и индивиды осуществляют свою саморепрезентацию и легитимацию, производят позиционирование в политическом, экономическом и социокультурном пространствах.

С позиции коммуникативно-семиотического подхода дискурсы рассматриваются как способы означивания феноменов реальности, благодаря которым формируются позиции и мнения, на основе которых осуществляется конкурентная борьба между различными точками зрения. Дискурсы, согласно семиотической парадигме, выступают носителями смыслов, ценностей, идей, образов, мнений, интерпретаций. Дискурсы формируют и структурируют знаково-символическое пространство. Дискурсы – агенты смыслопорождения, главным адресатом которых выступает общественное сознание. Дискурсы осуществляют обработку обще-

²¹⁶ Русакова О.Ф., Русаков В.М. PR-дискурс: теоретико-методологический анализ. Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2011. 336 с; Русакова О.Ф. Кратологическая модель дискурса соблазна // Известия Уральского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. 2011. № 4 (97). С. 135-144; Русакова О.Ф., Максимов Д.А. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса // Полис. 2006. № 4. С. 26-43 и др.

ственного сознания, внедряя в него определенные ценностные установки и нормативы²¹⁷.

Будучи активными агентами преобразования и форматирования общественного сознания, дискурсы осуществляют трансформационную функцию. *Под трансформационной функцией неолиберального дискурса нами понимается культивирование в массовом сознании рыночной ценностной ориентации, включающей в свою систему такие маркетинговые ценности как: конкурентоспособность, платежеспособность, консюмеризм, маркетинговая компетентность, свобода потребительского выбора.* Названные ценности преподносятся идеологами неолиберализма как благо не только для представителей бизнеса, но и для всех без исключения категорий граждан.

В условиях так называемого неолиберального консенсуса, о котором писал Д. Харви, было несложно провести масштабную ценностную трансформацию общественного мнения, сделав неолиберальный дискурс господствующим дискурсом в обществе массового потребления. Эта возможность была использована неолиберальными институтами для создания особой системы властвования, отличающейся гибкостью и адаптивностью к новым социально-политическим реалиям.

Стратегия неолиберализации требовала коммерциализации массовой культуры, которая выстраивалась на основе рыночных отношений, на технологиях шоу-бизнеса и шоу-политики, на индустриальных методах развлечений. В итоге коммерческий дух шоу-дискурса проник во все поры культурной жизни, овладев сознанием широких масс. В интеллектуальной среде неолиберализм также получил широкое распространение, поскольку оказался созвучен принципам свободы, индивидуализма, нарциссизма, мультикультурности, разделяемыми философией постмодернизма. «Неолиберализм, – отмечает Д. Харви, – оказался вполне совместимым с культурным импульсом, получившим название постмодернизм, кото-

²¹⁷ Русакова О.Ф., Русаков В.М. PR-дискурс: теоретико-методологический анализ. Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2011. С. 4-5.

рый долгое время развивался, но никак не оформлялся в полноправную культурную и интеллектуальную доминанту»²¹⁸.

В настоящее время в левых интеллектуальных кругах ведется активная работа в области изучения влияния неолиберального дискурса на систему ценностных ориентаций как отдельных индивидов, так и различных общественных институтов. Предметом критического анализа выступают, главным образом, рыночные ценностные ориентации, а также – доминирующий дискурс современных масс-медиа. Под особым прицелом критики – манипулятивные характеристики неолиберального медиадискурса.

Сегодня неолиберализм рассматривается в качестве глобального дискурсного проекта, направленного на конструирование индивида нового типа, приспособленного к условиям мировой конкуренции и представляющего собой эффективный человеческий ресурс для создания сверхприбыли²¹⁹. Именно в таком ключе подходят к анализу дискурса неолиберализма французские исследователи Пьер Дардо и Кристиан Лаваль. По их мнению, суть неолиберальной практики состоит не в том, чтобы экстраполировать логику рыночных, конкурентных отношений на самые разнообразные сферы общественной жизни, создавая глобальные маркетинговые сети в сферах здравоохранения, образования, искусства и т.д., а в том, чтобы переделать ментальность индивида по лекалам конкурентной борьбы. Неолиберальный дискурс ведет борьбу за «человеческий капитал», т.е. за формирование и образование индивида, для которого внутренние стратегии «личностного развития» и карьерного роста служат интересам коммерческой конкуренции: «экономику нужно снабжать индивидами, лучше всего адаптированными к коммерческой войне по самым общим правилам, т.е. самыми «эффективными» (*performants*) индивидами. Образование таких индивидов и поддержание «в течение всей жизни» их способности действовать в условиях жесткой конкуренции, нахо-

²¹⁸ Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М.: Поколение, 2007. С. 62-63.

²¹⁹ Русакова О.Ф., Хмелинин А.А. Неолиберальный дискурс: стратегии и технологии конструирования новой субъектности // Научный Ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Выпуск 12. Екатеринбург, 2012. С. 259-271.

дит привилегированное выражение во встраивании индивидов в конкуренцию между собой»²²⁰.

Иначе говоря, дискурс неолиберализма обобщает наиболее эффективные менеджерские практики в области подчинения внутренней жизни индивида корпоративным интересам. Для неолиберального менеджмента неважно, каким видом деятельности занимаются субъекты. Значение имеет только то, чтобы они были конкурентоспособными. Именно поэтому конкуренция становится общей нормой, которую можно применять к какой угодно деятельности. Согласно Дардо и Лавалью, неолиберальный дискурс отличают такие черты как безразличие к специфике конкретных видов профессиональной деятельности и стремление подчинить конкурентной логике внутренний мир человека²²¹.

Чтобы заставить индивидов конкурировать между собой, следуя определенной логике самоконтроля и эффективности, направленной на достижение высокой производительности, неолиберальный дискурс конструирует унифицированные системы количественных оценочных показателей, на основании которых следует судить об уровне конкурентоспособности индивида. При этом, отмечают авторы, система оценок может быть совершенно абсурдной. В качестве примера приводится современная оценка научных исследований по количеству статей, опубликованных в рецензируемых журналах и по количеству ссылок на них. При этом содержание работ не принимается во внимание, ибо «важно не столько «содержательное» значение измеряемой величины, сколько простота использования, которую обеспечивают цифры»²²². «Публикуйся или умри» (Publish or perish) – вот лозунг научного работника, продиктованный «бухгалтерской» логикой неолиберальной системы оценок исследовательского труда. Этот лозунг – всего лишь перевод на язык научного сообщества других лозунгов, характерных для дискурса неолиберального маркетинга: «Продай или умри», «Продай себя или умри»²²³.

²²⁰ Дардо П., Лаваль К. Неолиберализм и капиталистическая субъективация // Логос. 2001. № 1 (80). С. 109.

²²¹ Там же. С. 110.

²²² Там же. С. 111.

²²³ Там же. С. 115.

Маркетинговая парадигма является базовым смыслообразующим ядром неолиберального дискурса. Она же лежит в основе оценочной функции данного дискурса. Главная задача системы оценок подобного рода состоит в том, чтобы информировать конкурентов о том, что, когда и в каком количестве следует поставить на рынок. Здесь важно не знание общих правил, не научное знание причин и следствий, а знание тех обстоятельств, которые позволяют максимально увеличить доход, ибо действовать эффективно – значит действовать при получении информации о количественных показателях конкретного вида деятельности.

Количественный фетишизм неолиберальной системы ценностей лежит в основе формирования субъекта «бухгалтерского» типа. Действительно, для субъекта, который уже «подсел на иглу» конкурентной гонки, оцениваемой количественными показателями, увеличение определенных количественных показателей становится внутренней потребностью и даже смыслом существования. Управление такими индивидами предполагает включение «бухгалтерской» логики, активизирующей личностные интересы, а также применение системы санкций и поощрений, стимулирующих «бухгалтерскую» ответственность каждого наемного работника. Новый менеджмент стремится к достижению такой ситуации, когда индивид вынужден будет постоянно надзирать за самим собой, чувствовать себя обязанным демонстрировать все более высокие количественные показатели, когда он максимально вовлечен в работу и «свободно» состязается со своими конкурентами, оказываясь на пике производительности. Данный вид управления обозначается понятиями «индивидуализированная гетерономия» и «интериоризированное принуждение»²²⁴.

При интериоризированном принуждении чисто внешне все выглядит так, будто индивид работает по своей воле и по своему свободному выбору. В этом – главная мистификация неолиберального дискурса. На самом деле данный «свободный» выбор сконструирован таким образом, чтобы энергия работника была

²²⁴ Дардо П., Лаваль К. Неолиберализм и капиталистическая субъективация // Логос. 2001. № 1 (80). С. 114.

направлена посредством нормативных шкал соперничества в русло максимального роста прибыли предприятия.

Глубокий анализ неолиберального дискурса дает известный современный политический философ Славой Жижек. Согласно его позиции, неолиберальный дискурс производит эффект переформатирования политической ментальности посредством распространения рыночной логики инвестирования и предпринимательства на все сферы жизни. Делается это для того, «чтобы, к примеру, забота о здоровье или получение образования, да даже сами политические решения (голосование) воспринимались бы как инвестиции, совершаемые индивидом в его или ее личный капитал»²²⁵.

С. Жижек подчеркивает, что неолиберальное понимание индивида как «своего личного предпринимателя», подкрепленное дискурсом свободного рыночного выбора, дискурсом самостоятельного принятия решения, на практике приводит к тому, что власть перекладывает все социальные и экономические риски на плечи индивида²²⁶. Внушая идею о том, что индивидуальные предприниматели сами должны нести всю ответственность за разнообразные риски, неолиберальная власть осуществляет сокращение затрат на социальную сферу²²⁷. Для большинства людей такая политика оборачивается вынужденным поиском работы, необходимостью выплаты все новых и новых долгов. Индивид, нагруженный долгами, является ценным объектом для неолиберального властного управления и манипулирования посредством банковской кредитной системы.

Закрепление связи по типу «должник-кредитор» позволяет решать сразу несколько важных для неолиберальной политики задач: 1) «граждане становятся задолжавшими гражданами, вынужденными отвечать за свою долю в долгах страны»²²⁸; 2) стимулирование потребительских инстинктов граждан посредством предложения потребительских кредитов для погашения старых задолженностей и

²²⁵ Жижек С. Накануне Господина: сотрясая рамки. М.: Европа, 2014. С. 224.

²²⁶ Там же. С. 225.

²²⁷ Там же.

²²⁸ Там же. С. 226.

создания новых; 3) повышение степени управляемости индивида и предотвращение коллективных сопротивлений существующему порядку; 4) подчинение индивида существующим рейтинговым и тестовым системам, созданным для оценки его платежеспособности и для эксплуатации его человеческих ресурсов.

Кредитная зависимость индивида, отмечает Жижек, позволяет сделать его поведение предсказуемым и просчитанным²²⁹. В эпоху глобального капитализма задолжавший человек становится универсальной антропологической константой, а долг рассматривается как средство контроля и господства. Подлинная цель кредитной системы – вовсе не получение выплаты долга с прибылью, а бесконечное воспроизводство долга, которое удерживает должника в постоянной зависимости и подчинении. Для неолиберальных институтов финансовая свобода (индивида или целого государства) является не желаемой ценностью, а угрозой для осуществления ими функций контроля и властвования. Жижек приводит примеры неолиберального страха утраты контроля над другими странами²³⁰.

С. Жижек, как и ряд других критиков неолиберализма, считает, что неолиберальная модель управления обществом провоцирует разные формы насилия, получающие отражение в соответствующем дискурсе. В своей работе «О насилии» Жижек отмечает, что «сегодняшняя тирания принимает новые обличия – тиранию XXI века называют «демократией»²³¹. Автор выделяет несколько видов насилия, культивируемых неолиберальным дискурсом: объективное, субъективное и символическое.

Объективное насилие трактуется как «метафизическая пляска всесильного Капитала»²³². Насилие Капитала есть логика капиталистического производства, которая носит системный, анонимный и абстрактный характер. Абстрактность и анонимность объективного насилия еще более усиливается с развитием «виртуального капитализма» (фьючерсные сделки и другие тому подобные финансовые

²²⁹ Там же. С. 227-228.

²³⁰ Там же. С. 231.

²³¹ Жижек С. О насилии. М.: Европа, 2010. С. 26.

²³² Там же. С. 15.

спекуляции). Насилие данного рода рассматривается не как внешнее принуждение, а как «принуждение к непринудительности», как господство безапелляционного императива «проявлять себя», «наслаждаться», «развиваться» и т. д. Современное общество, считает Жижек, всеми правдами и неправдами старается заставить нас бежать «позитивно», принуждает требовать реализации своих прав и выполнение обязанностей.

Субъективное насилие выступает оборотной стороной объективного насилия, поскольку является реакцией субъектов и общественных групп на принуждение, совершаемое «невидимой рукой» капиталистического рынка. Данная форма насилия выражается во вспышках экстремизма, в действиях политических фундаменталистов, в проявлениях расизма, сексизма и религиозного обскурантизма, в акциях террора. Анонимное объективное насилие конкурентно устроенной общественной системы сталкивается со стихийным сопротивлением в форме вспышек молодежного насилия. В результате происходит инверсия разных видов насилия.

В неолиберальном дискурсе собственные разновидности насилия трактуются как легитимные, направленные в сторону демократизации и борьбы с мировым злом, порождая при этом новые конфликты, новые очаги насилия и зла. Запад, утверждает Жижек, провоцирует зло, поскольку мазохистски создает себе проблемы, считая Других хуже себя, видя в Других своего Врага. Западному обществу нужен Враг, чтобы идентифицировать себя против него, так как иной объединяющей силы у него нет.

Символическое насилие, по Жижеку, есть собственно дискурсивное насилие. Это насилие посредством означивания. Это насилие господствующего означающего²³³. Сам язык, как таковой, является формой вербального насилия, позиционирующего социальные статусы, что порождает, в свою очередь, различные формы субъективного насилия. К символическим видам насилия относятся рекламная деятельность и манипулятивные технологии СМИ, формирующие ментальность,

²³³ Там же. С. 51.

соответствующую неолиберальной системе ценностей и характерную для озабоченного своей конкурентоспособностью индивида.

Многие современные исследователи обращают внимание на дегуманистическую интенцию неолиберального дискурса, его стремление вытеснить в маргинальную область просветительские представления о человеке как высшей ценности. А. Жиру, канадский исследователь, автор целого ряда критических работ, направленных против господства неолиберального дискурса в сфере культуры, образования и науки отмечает: «Неолиберализм теперь стал доминирующим политическим дискурсом, празднующим победу над гуманистическими ценностными ориентациями образования, здравоохранения, культуры²³⁴». По мнению Жиру, неолиберализм – не просто идеология и система ценностей. Это нечто большее, работающее как мощное «культурное поле», которое сокрушает и перекраивает под себя все, в него попадает и культура, и экономика, а главное – язык самой политики. В неолиберальном дискурсе весь мир рассматривается как метафора рынка. В рыночных категориях мыслятся не только экономические отношения, но также политика, социальная сфера, культура, искусство, образование, наука и другие области бытия человека. Господство неолиберального дискурса стало очевидным не только благодаря его влиянию на мировую экономику, но и благодаря его способности переформатировать с позиции рыночной парадигмы всю систему ценностных ориентиров и оценок.

Другой критик неолиберального дискурса, бразильский политический активист Фрей Бетто особо подчеркивает фетишистскую направленность неолиберальной системы ценностей. По его мнению, для неолиберализма имеет значение не потребительная стоимость товара, а тот фетиш, которым он обладает. Товар покупается за ту ауру, которая его окружает и кажется способной повысить статус его обладателя. Уже не считается современным человеком тот, кто видит ценность товара в его прямом предназначении, например, чтобы использовать ткань как рубашку; наоборот – этикетка рубашки «маркирует» своего обладателя так же,

²³⁴ Жиру А. Неолиберализм и закат демократии: возрождение надежды в Темное Время [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://dialogs.org.ua/ru/cross/page6158.html>

как роскошный автомобиль служит платформой для социального вознесения своего владельца. Человека начинают воспринимать по украшающим его вещам.

С неолиберальной точки зрения, отмечает Бетто, человек как таковой, видимо, не представляет никакой ценности. Поэтому тот, кто не владеет материальными благами, обесценен и исключен. Кто владеет – завиден, обхаживаем и отмечен вниманием²³⁵.

Аналогичной точки зрения придерживается российский исследователь Андрей Тарасов. Он отмечает: неолиберализм навязывает всем представление, согласно которому нет ничего, кроме рынка: каждый человек, по этой концепции – не более чем продавец/покупатель на рынке (любая другая деятельность человека – когнитивная, художественная, этическая, педагогическая, терапевтическая и т. п. – не имеет самостоятельной ценности, а если такая деятельность «мешает» деятельности на рынке, следовательно, она «вредна»). Любые действия человека в любой области, по этой концепции – рыночные (либо купля-продажа, либо конкуренция). Искусство – это производственная деятельность с целью последующей продажи её продуктов (поэтому те виды искусства, на которых нельзя обогатиться, с точки зрения неолиберализма, «не нужны»). Неолиберализм провозглашает все социальные институты, необходимые для нормального функционирования общества товаром (в форме услуги). Соответственно, здравоохранение – это не гуманная деятельность по сохранению, поддержанию и улучшению здоровья членов общества, а «медицинские услуги», предоставляемые за деньги²³⁶.

В значительной степени благодаря глубокому проникновению в общественные отношения и ментальные структуры индивидов маркетинговой парадигмы, распространяемой неолиберальным дискурсом, в массовом сознании возобладала рыночная ценностная ориентация. Данная ориентация оказалась определяющей в конструировании современного образа и стиля жизни, жизненных стратегий и ка-

²³⁵ Бетто Ф. Неолиберализм: новая фаза капитализма [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://scepsis.net/library/id_2298.html

²³⁶ Король двух гетто. Беседа с Александром Тарасовым со вступительной статьёй о нём [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://newlit.ru/~lachin/5296-9.html>

рьерных установок. Основными ожиданиями и жизнестратегическими установками при доминанте рыночной парадигмы выступают ожидания успеха как достижения высокого социального статуса посредством разнообразных операций купли-продажи, включая продажу себя в качестве товара²³⁷.

Рыночная ценностная ориентация в обществе массового потребления выступает источником и результатом потребительского фетишизма, *культы статусных вещей*. Обладание статусными вещами выступает критерием успеха и способом самореализации. В контексте данной ориентации основными ожиданиями субъектов выступают ожидания рыночной востребованности, рыночного продвижения и увеличения богатств. При этом под богатством подразумевается не только наличие вышеназванных атрибутов, но еще и собственный «товарный» вид субъекта.

Приобретение товарного вида в мире рыночных отношений и ценностных установок выступает одной из важнейших жизненных стратегий. С учетом того, что на современном рынке кадров лучше всего продаются такие внешние атрибуты как молодость, хорошее здоровье, спортивность, подтянутость, соответствие стандартам фигуры и красоты, человек начинает моделировать свою внешность в соответствии с запросами данного рынка. Подбор кадров для работы на предприятии и в фирме все больше напоминает сегодня кастинг при отборе моделей для шоу-бизнеса.

Итак, рассматривая неолиберальный дискурс в качестве фактора ценностных трансформаций, мы установили:

1. Маркетинговая парадигма выступает смысловым ядром неолиберального дискурса и лежит в основе его оценочной функции.
2. Неолиберальный дискурс выступает агентом распространения и внедрения во все сферы жизни *рыночной ценностной ориентации*, включая такие ценности как: конкурентоспособность, платежеспособность, консюмеризм, маркетинговая компетентность, свобода потребительского выбора.

²³⁷ Русакова О.Ф., Спасский А.Е. Что такое политический маркетинг: научно-методическое издание. Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2004. С. 46.

3. Неолиберальный дискурс производит эффект переформатирования ментальности посредством распространения рыночной логики инвестирования и предпринимательства для того, чтобы все поступки индивида рассматривались в качестве инвестирования (вложения) в человеческий капитал.

4. Доминирование неолиберального дискурса укрепляет властный контроль за поведением личности посредством создания системы «должник-кредитор». Кредитная зависимость индивида позволяет сделать его поведение предсказуемым и просчитанным, а также способствует удержанию субъекта от протестных выступлений.

5. Неолиберальный дискурс культивирует объективное, субъективное и символическое насилие. *Объективное насилие* реализуется посредством так называемой анонимной и «невидимой руки рынка». *Субъективное насилие* выступает оборотной стороной объективного насилия, поскольку является реакцией субъектов и общественных групп на принуждение, совершаемое «невидимой рукой» капиталистического рынка. *Символическое насилие* есть собственно дискурсивное насилие посредством означивания. К символическим видам насилия относятся рекламная деятельность и манипулятивные технологии СМИ, формирующие ментальность, соответствующую неолиберальной системе ценностей.

6. Неолиберальный дискурс порождает количественный фетишизм, лежащий в основе формирования субъекта «бухгалтерского» типа, который получает свое воплощение в рейтинговых критериях научной и иной интеллектуальной деятельности.

7. Рыночная ценностная ориентация в обществе массового потребления выступает источником и результатом потребительского фетишизма, культа статусных вещей.

8. Доминирование неолиберального дискурса приводит к дегуманизации и коммерциализации социальной сферы, к превращению образования, здравоохранения и культуры в сферу услуг.

Вместе с тем, мы считаем, что было бы неверно представлять рыночную ценностную ориентацию, культивируемую неолиберальным дискурсом, как такой

образ мысли и жизни, который основан исключительно на холодном расчете и циничной формуле «все продается и все покупается». У рыночной ориентации есть и позитивные стороны: стимулирование инвестиций в человеческий капитал, статусный характер и престижность разнообразных компетенций, ориентация на потребительское благополучие. Данные моменты придают неолиберальному дискурсу более или менее гуманный оттенок.

Обобщая материал первой главы нашего исследования, мы формулируем следующие наиболее общие выводы:

1. В современной литературе можно выделить следующие основные трактовки понятия «неолиберализм»: 1) трактовка неолиберализма как нового этапа развития либеральной мысли, ознаменованного стремлением соединить идеи классического либерализма с элементами социалистической теории, в частности, с идеями государственного управления экономикой, правового социализма и социальной солидарности; 2) отождествление понятия «неолиберализм» с учением кейнсианства, выступающим за социальное государство и сочетание рыночной экономики с государственным регулированием; 3) под понятием «неолиберализм» подразумеваются теории развития свободной конкуренции, рыночно ориентированной государственной политики, коммерциализации социальной сферы, альтернативные как социалистической идеологии, так и кейнсианству; 4) под неолиберализмом понимается глобальная экономическая доктрина, известная под названием «Вашингтонский Консенсус»; 5) неолиберализм рассматривается в качестве глобального проекта, направленного на установление нового мирового порядка при доминировании крупных транснациональных корпораций (МВФ, ВБ, ВТО и др.).

Первые две трактовки неолиберализма, с нашей точки зрения, неправомерно отождествляют неолиберализм с такими идейными течениями как социал-либерализм и кейнсианство, поскольку данный феномен по ряду идейных параметров альтернативен указанным направлениям либеральной мысли. Остальные же трактовки, по сути, верно характеризуют неолиберализм как доминирующий проект современной глобализации.

2. В качестве наиболее общего определения неолиберализма можно принять следующее: Неолиберализм – это доминирующее в эпоху глобализации идейно-политическое течение, стратегически направленное на преобразование общественных отношений на основе всестороннего утверждения маркетинговой парадигмы, реализации доктрины Вашингтонского консенсуса в целях укрепления мирового господства транснациональных корпораций.

3. При всем многообразии идейно-теоретических форм и реформаторских моделей неолиберализма его сущностными чертами, отличными от других видов либерализма, являются: (1) смещение акцента в понимании рыночной экономики с принципа свободного обмена на принцип свободной конкуренции, при этом конкуренция понимается не как свободная игра рыночных сил, а как искусство управления; (2) наилучшей моделью государства считается государство-менеджер, организующее путем администрирования условия для развития свободной конкуренции, а также проводящее социальную политику методами коммерциализации и монетизации всех сфер общественной жизни; (3) для обществ переходного типа, вступающих на путь рыночной экономики, в качестве стратегии реформ рекомендуется модель «шоковой терапии»; (4) основным проектом развития национального государства является проект его десувенинизации, космополитизации и интеграции в транснациональную политическую кооперацию; (5) демократия рассматривается сквозь призму политического маркетинга, демократические ценности трактуются как политический товар, который требуется эффективно и выгодно продать избирателю.

4. Неолиберализму удалось сформировать в последние десятилетия XX-го века в странах Запада общественный консенсус между элитой и широкими социальными слоями, прежде всего, благодаря успешному продвижению ценностей общества потребления. Доминирование неолиберального дискурса в 1980-е гг. в США и в Западной Европе было также связано с политическим наступлением неконсервативных сил в системе государственной власти на институты гражданской солидарности, что было обозначено такими понятиями как «тэтчеризм» и «рейганомика». Тэтчеризм и рейганомика своим идейно-политическим наполнением в

значительной степени обязаны неолиберализму, причем не только американскому, но и собственно английскому. В этой связи политическую идеологию и стратегию неоконсерватизма, получившую реализацию в политических курсах М. Тэтчер и Р. Рейгана можно рассматривать в качестве одной из исторических форм неолиберализма.

5. В роли основных акторов неолиберальной глобализации, согласно мир-системной теории И. Валлерстайна, выступают «страны ядра» (США, Канада, развитые страны Западной Европы, Япония), а также контролируемые ими международные институционально - правовые и экономические центры – МВФ, ВТО, ВБ, ТНК. Их деятельность подрывает эффективность государств, принадлежащих к «полупериферии» и «периферии» миро-системы, получая при этом перспективу создания центров власти, лояльных ТНК. По мере усиления власти ТНК национальные правительства все больше становятся обязанными следовать требованиям и принципам неолиберальной глобализации. Неолиберальная глобализация в ее нынешнем исполнении отождествляется со стратегией построения однополярного мира, то есть, с созданием унифицированной цивилизации, управляемой из единого центра, которым является «большая семерка» (G7).

6. Дискурс неолиберальной глобализации содержит следующие концепты: безальтернативность неолиберальной модели мирового развития; «новый мировой порядок», экспорт демократии в страны с тоталитарно-авторитарными режимами, концепт глобального управления, приоритет транснационального над национальным.

Согласно позиции неолибералов, глобализация должна закономерно привести к разрушению национальных барьеров и созданию новой мировой структуры, которая уничтожит национальные границы. В современной литературе можно выделить 2 типа критических подходов к анализу неолиберальной глобализации: 1) умеренно-критический подход; 2) радикально- критический подход.

7. Сторонники умеренно-критического подхода считают, что, несмотря на многие негативные последствия, неолиберальная модель глобализации по своим общим интенциям совпадает с общемировыми трендами. Поэтому в корректировке

нуждается не столько сам неолиберальный курс на глобализацию, сколько его философско-политические основания и конкретная практика.

Умеренно-критический подход осуществляется в рамках либерального дискурса, направленного на исправление ошибок и дефектов неолиберальной политики в сторону отказа от практики государственного монополизма и безответственной социальной политики. В качестве альтернативы неолиберализму предлагаются улучшенные модели либерального капитализма. Прорабатываются также идеи новых пост - Вашингтонских консенсусов.

8. Представители радикально-критического подхода в своих исследованиях сознательно выходят за рамки либерального дискурса, предлагая разрабатывать постлиберальный дискурс, интегрирующий идеи ряда «левых» и альтерглобалистских течений. Свою основную задачу они видят в создании альтернативной модели неолиберальной стратегии глобализации. Для преодоления внутри страны неолиберального курса предлагается проект суверенизации, который в ходе практической реализации позволит странам, в том числе и России, стать независимыми игроками на международной арене.

9. Смысловым ядром неолиберального дискурса выступает маркетинговая парадигма, которая лежит в основе его оценочной и трансформационной функции. Нелиберальный дискурс в качестве фактора ценностных трансформаций производит эффект переформатирования ментальности посредством внедрения в общественное сознание рыночной логики инвестирования в человеческий капитал, понимаемый как сумма компетенций, обеспечивающих личности ее рыночную конкурентоспособность. Нелиберальный дискурс культивирует количественный фетишизм, лежащий в основе формирования субъекта «бухгалтерского» типа, что находит свое воплощение в доминировании рейтинговых показателей при оценке эффективности любой, в том числе интеллектуальной, деятельности.

10. Доминирование неолиберального дискурса приводит в итоге к дегуманизации и коммерциализации интеллектуальной и социальной сферы, к превращению науки, образования, здравоохранения и культуры исключительно в сферу услуг, а их продуктов – в разновидность рыночных товаров.

Глава 2. Неолиберальные политические трансформации и технологии

2.1. Неолиберальные трансформации государства и демократии

Прежде, чем приступить к анализу неолиберальных трансформаций государства и демократии, необходимо уточнить само значение термина «трансформация», который довольно часто используется при раскрытии влияния той или иной идеологии на общественные процессы и институты. В данном вопросе мы будем руководствоваться положениями, сформулированными в диссертационной работе С.П. Золотарева²³⁸. Автор отмечает, что в современной литературе зафиксировано два основных значения термина «трансформация». В первом значении речь идет о любом воздействии идеологического сознания на социально-политическую ситуацию, а во втором – только о попытках организации той или иной политической силой перехода общества от одного формационного и цивилизационного устройства к другому. В работе также раскрывается содержание термина «трансформационная функция» в отношении осмысления русского либерализма. Исследователь пишет об использовании данного термина в широком и узком смыслах: «**В широком значении** трансформационная функция данного вида либерализма сводится к способности путем реализации своей политической программы воздействовать на социально-политическую ситуацию. **В узком значении** трансформационная функция выражает роль либерализма, которую он играет в общественной жизни нашей страны. Она заключается в реализации программы перехода российского общества из одной социальной формации в другую»²³⁹.

²³⁸ Золотарев С. П. Идеология либерализма как фактор трансформаций российской государственности: теория и практика : автореф. дис. ... д-ра филос. Наук : 09.00.11 / Золотарев Сергей Петрович. – Краснодар, 2012. – 42 с.

²³⁹ Там же.

Применяя данный подход к предмету нашего исследования, мы предлагаем следующее понимание трансформационной функции неолиберализма по отношению к политическим процессам и институтам. В широком смысле под трансформационной функцией неолиберализма нами понимается способность его идеологии и политической программы воздействовать на общественное сознание и оказывать преобразовательное воздействие на ценностные установки и социально-политическую жизнь общества в целях осуществления глобального доминирования. В узком значении трансформационная функция неолиберализма выражается в реализации программ рыночных реформ, предписываемых Вашингтонским консенсусом, а также программами Евросоюза, проектами Трансатлантического и Транстихоокеанского партнерства.

Говоря о трансформационной функции неолиберализма в отношении национальных государств, следует отметить, что неолиберализм, как доминирующая модель глобализации, выражает общую заинтересованность его агентов в сокращении влияния на мировой процесс национальных государств, во все большей утрате ими своего суверенитета в пользу власти транснациональных корпораций. Национальное государство расценивается адептами неолиберализма как явление патологическое, как груз, от которого следует освободиться любой ценой²⁴⁰. Понятие же государственного суверенитета в неолиберальном дискурсе рассматривается как устаревшее, как рудимент прошлого.

В целях дискредитации теории государственного суверенитета неолибералы приложили большие усилия для разработки концепции радикальной трансформации государственного суверенитета в эпоху глобализации. В основании данной концепции лежит идея о закономерном и объективном процессе поглощения функций национальных государств управленческими функциями транснациональных институтов. Согласно данной установке, функции государственного управления в условиях глобализации делегируются наднациональным институ-

²⁴⁰ Стоядинович М. Неолиберализм и неоимпериалистический концепт глобализации [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://ruskline.ru/analitika/2012/04/20/neoliberalizm_i_neoimperialisticheskij_koncept_globalizacii/

ям, осуществляющим глобальное управление. Неолиберальные исследователи считают, что национальное государство со всеми его атрибутами неадекватно управленческим задачам современного процесса глобализации. Оно иррационально и слабоконкурентно, поскольку перегружено социальными обязательствами перед населением и прочими экономически невыгодными общественными договорами. Руководствуясь указанными положениями, неолибералы предлагают собственные концептуальные модели государства эпохи глобализации. Данные модели стали предметом специального анализа в недавно опубликованной в России коллективной монографии «Нравственное государство. От теории к проекту»²⁴¹. Российские авторы в своей работе рассматривают несколько, наиболее авторитетных проектов будущего национального государства, выдвигаемых сторонниками неолиберальной глобализации. В их числе – *модель глобального управления*, задающая новую архитектуру мировому порядку и формирующая систему «поделенных суверенитетов»²⁴². Стратегическая интенция данной модели состоит в решительной трансформации политики и государственных институтов, с целью их адаптации к новым реалиям, диктуемым системой глобального управления²⁴³.

Согласно авторам, пропагандирующим данную модель²⁴⁴, процесс глобализации трансформирует внутреннюю сущность государства, изымая у него функции организации управления политическим и физическим пространством. По сути, речь идет о легитимации интервенции ТНК во внутренние дела государств. Общая тенденция такова: крупные корпорации и государства-начальники, относя-

²⁴¹ Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э., Вилисов М.В., Нетесова М.С., Пономарева Е.Г., Сазонова Е.С., Спиридонова В.И. Нравственное государство. От теории к проекту. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://rusrand.ru/files/14/12/04/14120406_2202_nravstvgos.pdf

²⁴² Messner D. Architektur der Weltordnung: Strategien zur Lösung globaler Probleme // Internationale Politik. 1998. №11. Z. 17-24.

²⁴³ Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. Глобальные трансформации: политика, экономика, культура. М.: Праксис, 2004. 443 с.

²⁴⁴ Аттали Ж. Мировой экономический кризис... А что дальше? СПб.: Питер, 2009. 176 с.

щиеся к ядру миросистемы, определяют полномочия государственного управления, заменяя государственный суверенитет суверенитетом глобального порядка.

Другая проектная неолиберальная модель государства получила название «рынок-государство» (market-state) или рыночное государство²⁴⁵.

В рыночном государстве главной его функцией является обеспечение развития рыночных отношений и рыночной ценностной ориентации граждан. Если в эпоху наций-государств государство брало на себя ответственность за благосостояния различных социальных групп и их безопасность, то рыночное государство несет ответственность, прежде всего, за обеспечение развития институтов, включенных в глобальный рынок, а также за соблюдение обязательств, которые правительства несут перед транснациональными структурами.

Важно отметить, что характерный для неолиберального дискурса концепт утраты актуальности государства-нации, стоящего на страже своего суверенитета, получает теоретическую поддержку и у ряда противников неолиберальной глобализации (З. Бауман²⁴⁶, У. Бек²⁴⁷ и др.). В частности, немецкий исследователь Ульрих Бек, позиционирующий себя в качестве критика неолибералов, в вопросе о судьбе государства-нации и государственного суверенитета солидарен с ними.

Свою критику неолиберализма У. Бек выстраивает на вскрытии противоречия между словесными декларациями неолибералов о необходимости сокращения сферы влияния государства, и реальной неолиберальной практикой усиления государства²⁴⁸. Согласно неолибералам, полагает У. Бек, государство не должно отмереть, поскольку располагает возможностью внутренней трансформации, однако использует ее односторонне – в плане приспособления к мировому рынку²⁴⁹.

У. Бек прав в том, что интегрированное в систему власти ТНК неолиберальное государство активно участвует не только в создании благоприятных условий для

²⁴⁵ Bobbitt P. The Shield of Achilles: War, Peace and the Course of History. L.: Penguin books. XXXVI. 922 p.

²⁴⁶ Бауман З. Глобализация. М.: Весь мир, 2004. 188 с.

²⁴⁷ Бек У. Трансформация политики и государства в эпоху глобализации [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.politizdat.ru/article/91/>

²⁴⁸ Там же.

²⁴⁹ Там же.

рыночной конкуренции, приватизации и коммерциализации разных сфер общественной жизни, но и создает дополнительные государственно-бюрократические структуры для защиты интересов транснациональных корпораций и собственного государственно - монополистического сектора от сил, которые сопротивляются как внешней, так и внутренней неолиберальной политике. В этом с ним согласна Т.А. Алексеева, которая отмечает, что неолиберальная политика не только не покончила с государственной бюрократией, наоборот, она лишь реорганизовала ее. Более того, несмотря на широко разрекламированное сокращение государственного участия в экономике, оставаясь прямыми производителями экономических товаров и услуг, государства неолиберального типа по-прежнему занимают важное место в процессе производства, распределения и обмена не только через формирование налоговой политики, установку учетной ставки (там, где не были созданы независимые от государства центральные банки), но и через направление субсидий в отдельные отрасли промышленности и сельского хозяйства, через распределение государственных заказов, установление стандартов сохранения окружающей среды, финансирование инфраструктуры и т.д. В этих секторах, а также в сфере образования и здравоохранения, заметны процессы создания множества новых институтов. Иными словами, неолиберальное государство вопреки провозглашаемым лозунгам сокращения своего вмешательства в экономику и социальную сферу «обнаружило сильную тенденцию к мимикрии и расползанию»²⁵⁰. Отсюда, по словам Алексеевой, следует вывод: неолиберальное государство должно одновременно сокращать и усиливать власть национальных правительств, по существу развязывая им руки для деятельности, которую они сочтут целесообразной в данный исторический момент для оптимизации и роста своей экономики. Такая противоречивая политика не может не приводить к хаотичности и разновекторности развития неолиберального государства²⁵¹.

²⁵⁰ Алексеева Т.А. «Неолиберальное государство» в контексте глобализации [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.mgimo.ru/files2/z03_2013/alekseeva.pdf

²⁵¹ Там же.

В целях борьбы против тенденции суверенизации государств сторонники неолиберальной глобализации используют ситуации межгосударственных конфликтов, которые обычно приводят к ослаблению государств-участников, к их обращениям за помощью к крупным глобальным игрокам и как следствие – к попаданию государств под диктат внешнего управления. Ради реализации данного сценария неолиберальные глобалисты готовы разыгрывать национальную, религиозную или террористическую карты для создания дополнительных угроз существования государств. Перед лицом этих угроз ослабленные во время конфликтов государства вынуждены будут поступиться определенной частью своего суверенитета. Таким образом, национализм, а также религиозный фанатизм и терроризм, хотя на словах и считаются силами, враждебными неолиберальной глобализации, однако на деле используются неолибералами для ослабления суверенитета государств, которые еще не интегрировались в мировую сеть транснациональных корпораций. «Корпорациям, – отмечает Бек, – отличающимся мобильностью и оперирующим в масштабе глобальных сетей, легко переиграть национальные государства, столкнуть их друг с другом, тем самым ослабив их. И возможности для усиления такого «нелегализированного доминирования» растут по мере укоренения «национального» подхода в мыслях и действиях народов и их правительств. Национализм в повседневной жизни, в политике и науке поддерживает и укрепляет транснациональную мощь корпораций»²⁵². Раздувая пламя межнациональной и религиозной вражды, стравливая национальные государства друг с другом, ТНК действуют по принципу «разделяй и властвуй». В игре, идущей между ТНК и национальными государствами, отмечает Бек, могут успешно участвовать только страны, которые пошли тем же путем, что и компании, преодолевшие свой локальный характер, то есть государства, распространившие свою активность за пределы национальных границ²⁵³.

²⁵² Бек У. Трансформация политики и государства в эпоху глобализации [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.politizdat.ru/article/91/>

²⁵³ Там же.

Государства, которые уже вошли в интеграционные международные объединения, вписались в структуры мирового рынка и осуществляют управление обществом на основе принципов маркетинга, обладают большим сходством с бизнес-корпорациям, с их корпоративной и дисциплинарной культурой. Платой за это неизбежно становится снижение суверенитета государства, а также космополитизация той части элиты, для которой понятие «национальный интерес» является пустой политической абстракцией. Как отмечал канадский исследователь Уильям Кэрролл, «неолиберальная гегемония предполагает смешение национальной гордости с дисциплинированным (основанным на рынке) космополитизмом»²⁵⁴.

У. Бек в отличие от У. Кэрролла не считает космополитизм чем-то негативным и не связывает данный феномен с идеологией и практикой неолиберализма. Более того, Бек формулирует концепт космополитического государства, адаптированного к глобальным процессам, которое призвано стать альтернативой как государству-нации, так и неолиберальным глобальным институтам. Он утверждает, что между процессами суверенизации и глобализации не существует непримиримого противоречия. Противоречие может быть снято, если избавиться от представления, что экономическая зависимость, культурное многообразие, военное, технологическое и иное сотрудничество между государствами ведет к утрате суверенитета. Необходимо, согласно Беку, оторвать понятие «суверенитет» от понятия «национальная независимость», т.е. произвести его смысловую переинтерпретацию.

Бек убежден, что настало время произвести методологическую перестройку в социально-политическом мышлении, которое оказалось в плену идеи национального суверенитета. Дискурс о суверенитете необходимо избавить от «западни национального», в результате чего, утрата государственной независимости станет восприниматься позитивно, а именно, как укрепление суверенитета²⁵⁵.

²⁵⁴ Алексеева Т.А. «Неолиберальное государство» в контексте глобализации [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.mgimo.ru/files2/z03_2013/alekseeva.pdf

²⁵⁵ Бек У. Трансформация политики и государства в эпоху глобализации [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.politizdat.ru/article/91/>

Иначе говоря, чем больше государство уделяет внимания благополучию и безопасности своих граждан, тем крепче его суверенитет, хотя при этом государство может утратить свою независимость. У. Бек, к сожалению, не заметил лукавый смысл данного им дискурсивного конструкта, предлагающего считать потерю государственной независимости укреплением государственного суверенитета только потому, что, якобы, утрата независимости вовсе не ведет к снижению благосостояния населения, а даже совсем наоборот приводит к его росту. Кроме того, Бек, защищая космополитизм как вполне позитивную сторону глобализации, не поясняет, каким образом космополитическая элита сможет реально озаботиться не только ростом собственного благосостояния, но и благополучием всего народа в целом. Понимания логическую шаткость своих умозаключений, Бек предлагает идею глобального консенсуса, при конструировании которого, по его мнению, будет наконец-то разрешено противоречие между национальным суверенитетом и космополитизмом. В рамках глобального консенсуса государства, конечно, утратят часть своего национального суверенитета. Но это вовсе не приведет к ослаблению их позиций в решении актуальных вопросов²⁵⁶.

Независимость государств в условиях глобализации, продолжает развивать свою позиции Бек, является чистой формальностью, поскольку глобальный суверенитет предполагает включенность государств в транснациональное сообщество. Чтобы увидеть в данном процессе позитив, необходимо встать на позиции космополитизма и избавиться от тревожных вопросов по поводу судьбы собственной независимости в условиях роста глобализации²⁵⁷.

В другой своей работе «Призрак нового космополитизма. Семь тезисов» Бек заметно усиливает свою критику идеи суверенного национального государства, поскольку такое государство, считает он, не в состоянии противостоять объединенной и гибкой власти транснационалов, то есть власти ТНК. Власть транснаци-

²⁵⁶ Там же.

²⁵⁷ Там же.

оналов - гораздо более гибка, поскольку она имеет возможность действовать независимо от местоположения, а стало быть - глобально²⁵⁸.

Националистическая точка зрения, которая идентифицирует общество с обществом национального государства, считает Бек, делает нас слепыми по отношению к миру, в котором мы живем. Чтобы получить адекватное представление о взаимосвязанности народов, обитающих на нашей планете, нужно перейти на космополитическую точку зрения. «Системообразующим термином, помогающим сориентироваться в сегодняшнем густонаселенном мире, могло бы послужить понятие "космополитизации", которое означает эрозию жестких границ, разделяющих рынки, государства, цивилизации, культуры и - не в последнюю очередь - жизненные миры отдельных людей»²⁵⁹.

Государственный суверенитет, по Беку, в условиях господства транснационалов превращается в утопию. Государство пропитывается транснациональной властью изнутри и не способно этому противодействовать. Внутри государства происходит глубинная трансформация в направлении переориентации на максимизацию власти транснациональных предприятий. Главной угрозой для жизни такого государства становится не угроза иностранного вторжения, а "угроза невторжения" инвесторов или угроза их ухода с местных рынков.

В условиях, когда перед государствами нависает угроза полной неолиберальной трансформации, считает Бек, существует только один выход – отказ от ортодоксии национального государства и ориентация на космополитическую перспективу²⁶⁰.

Концепция космополитического государства по своей риторике близка духу антиглобалистского движения. Однако, на наш взгляд, своим отказом от идеи суверенитета она теоретически совпадает с неолиберальным идеалом устройства мира. Своим неверием в реальность государственного суверенитета, в стремлении

²⁵⁸ Бек У. Призрак нового космополитизма. Семь тезисов [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://democratia2.ru/group/96dfe36b-6db0-4605-a539-c1432a358772/content>

²⁵⁹ Там же.

²⁶⁰ Там же.

заменить его моделью космополитического государства Бек, по сути, делает значительную уступку неолиберальной идеологии.

При рассмотрении проблемы судьбы государственного суверенитета в условиях глобализации аналитики России и новых посткоммунистических стран условно разделились на две группы. Представители одной группы считают, как и У. Бек, что идея сохранения государственного суверенитета в современных условиях является нежизнеспособной и полностью себя изжила (В. Иванов²⁶¹, А. Филиппов²⁶²). Другая группа отстаивает важность идеи и практики защиты государственного суверенитета, но в то же время признает, что он подвергается ограничению и эрозии (С.В. Адамович²⁶³, К.С. Даллакян²⁶⁴, С.А. Кизима,²⁶⁵ И. Початек²⁶⁶ и др.). К примеру, белорусский исследователь С.А. Кизима считает, что указание на то, что глобализация вытесняет национальное государство, является преждевременным. Надо просто задуматься – утратили ли какую-либо долю суверенитета США? В действительности суверенитет США только укрепляется год от года, впитывая в себя полномочия, ранее принадлежащие другим суверенным государствам, решившим прибегнуть в духе времени к «мягкому суверенитету». Утрачен ли суверенитет Китая? Китай активно интегрируется в глобальную экономику. Но

²⁶¹ Иванов В. Государство и суверенитет [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Gosudarstvo-i-suverenitet>

²⁶² Филиппов А. Суверенитет // Апология. 2005. № 3. С. 57–58.

²⁶³ Адамович С.В. Трансформация государственного института под влиянием процессов глобализации и регионализации [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: [http://repo.gsu.by/bitstream/123456789/1667/1/34%20Адамович%20%20%20\(158-161\).pdf](http://repo.gsu.by/bitstream/123456789/1667/1/34%20Адамович%20%20%20(158-161).pdf)

²⁶⁴ Даллакян К.С. Эрозия суверенитета нации-государства [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.ni-journal.ru/archive/2008/n1_2008/474e3999/2f18e442/index.htm

²⁶⁵ Кизима С.А. Экономические мифы глобализации [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://journals.urfu.ru/index.php/lzvestia3/article/view/264/256>

²⁶⁶ Початек И. Ложное лицо неолиберализма [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://rodnayaladoga.ru/index.php/mirovozzrenie/875-lozhnoe-litso-neoliberalizma>

он скорее усилил свой суверенитет в силу многократно возросших ресурсов - китайский глобальный проект глобализации²⁶⁷.

Важный вклад в теоретическое осмысление формирования и функционирования неолиберального государства внес Дэвид Харви.

Согласно Харви, эволюция неолиберализма привела к тому, что в разное время в разных странах появились своеобразные виды неолиберальной государственной практики, которые не позволяют создать общую картину типичного неолиберального государства, хотя можно все же вести речь о некоторых специфических чертах государства неолиберального типа. Одна из таких черт – приоритет стратегии создания благоприятного инвестиционного или делового климата в стране над стратегией поддержки качества жизни граждан и защиты их коллективных прав: «...Неолиберальное государство обычно поддерживает целостность финансовой системы и платежеспособность финансовых институтов, а не благополучие населения...»²⁶⁸. Данная черта неолиберальной практики противоречит таким провозглашаемым неолибералами целям как поддержание политической стабильности, всеобщее уважение к закону, равенство всех перед законом.

Другая характерная черта неолиберального государства – приверженность монетаристской политике, краеугольным камнем которой является обеспечение надежности и устойчивости денежной системы, создание гарантий для распространения влияния финансовых институтов. Из этого следует, что неолиберальное государство стремится не допустить серьезного финансового дефолта, даже если тот оказался следствием ошибочных решений самих финансовых организаций. «Государство должно вмешаться и заменить «плохие» деньги «хорошими» – что объясняет, почему от центральных банков требуется во что бы то ни стало поддерживать надежность государственных денег»²⁶⁹.

²⁶⁷ Кизима С.А. Экономические мифы глобализации [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia3/article/view/264/256>

²⁶⁸ Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М.: Поколение, 2007. С. 99.

²⁶⁹ Там же. С. 101-102.

Харви указывает на различия между неолиберальной политикой ведущих и развивающихся государств. Они особенно отчетливо проявляются в период мировых финансовых кризисов, когда ведущие государства выполняют функцию кредиторов, а развивающиеся – заемщиков. В итоге, однако, получается обратный процесс: бедные страны субсидируют богатые. Когда предприниматели развивающихся стран берут займы из-за рубежа, то к их государству МВФ и другие организации предъявляют требование иметь достаточный объем валютных запасов, чтобы при необходимости покрыть долги. На деле это означает, что развивающиеся страны должны инвестировать, к примеру, в американские государственные облигации. «Разница между ставкой по кредитам (12%) и проценту, получаемому от размещения средств в облигациях (4%), обеспечивает серьезный приток наличных средств в страну-кредитор из развивающейся страны»²⁷⁰.

Еще одна важная особенность неолиберального государства касается вопроса о рынке труда и об отношении государства к объединениям трудящихся. Харви отмечает: неолиберальное государство настроено агрессивно к любым формам ассоциаций, которые могут препятствовать процессу накопления капитала. Независимые профсоюзы или другие общественные движения неолиберальное государство стремится поставить в жесткие рамки и все, якобы, во имя личной свободы каждого работника.

В результате ограничения полномочий профсоюзов и других институтов гражданского общества, трудящиеся теряют социальные льготы и гарантии занятости. Ответственность за материальное, физическое и социальное благополучие граждан неолиберальное государство стремится полностью переложить на самих граждан. Это закономерно приводит к дальнейшему обеднению социально не защищенных слоев населения. Харви констатирует: «По мере того как государство снимает с себя функции социального обеспечения граждан и сворачивает свое участие в таких областях, как здравоохранение, государственное образование, социальные услуги, составлявшие когда-то неотъемлемую часть системы «встроен-

²⁷⁰ Там же. С. 103.

ного либерализма», все новые группы граждан оказываются на грани бедности и даже нищеты»²⁷¹.

Особое внимание Харви уделяет такому признаку неолиберального государства как политика тотальной приватизации, то есть превращение всех ресурсов страны в предмет купли-продажи²⁷². Неолиберальное государство использует инструменты приватизации для передачи активов из общественной собственности и публичного пользования в руки привилегированных классов (политическая и экономическая элита) и делает это часто вопреки воле населения страны. Путем создания определенных схем приватизации и сокращения социальных расходов неолиберальное государство становится основным агентом политики перераспределения богатств и доходов в пользу лояльных ему коммерческих структур.

Харви также обращает внимание на особенности неолиберальной правовой политики. В целях защиты бизнес-корпораций от протестных движений неолиберальное государство прибегает к принудительной законодательной и исполнительной тактике. Растет число инструментов надзора и репрессий. Лоббисты от бизнес-корпораций осуществляют существенное влияние на законотворческий процесс, обращая законодательство в инструмент продвижения и защиты корпоративных интересов. Многие корпоративные лоббисты сочетают работу на государство с работой на крупный бизнес.

Исследователь утверждает: жить в неолиберальном обществе означает принимать или подчиняться тому своду законов, которые необходимы для накопления капитала. Принятие неолиберальной системы «означает согласие с тем, что у нас нет другого выбора, кроме постоянного накопления капитала и постоянного экономического роста, какими бы ни были социальные, экологические или политические последствия»²⁷³.

Одной из тенденций развития неолиберального государства Харви считает рост авторитаризма и национализма, связанный с потребностью государства под-

²⁷¹ Там же. С. 105-106.

²⁷² Там же. С. 213.

²⁷³ Там же. С. 340.

держивать деловой климат в стране и ее финансовую систему. Тенденция к национализму сопровождается оживлением консервативной идеологии, которая может создать почву для такого негативного явления как воинствующий национализм. Данная угроза, по мнению Харви, уже обнаружила себя в России и в ряде других неолиберальных государств. Чтобы избежать катастрофических последствий сращивания неолиберализма с неоконсерватизмом, нужна серьезная альтернатива неолиберальной модели государства. Эту альтернативу Харви видит в консолидации сил, для которых приоритетными выступают ценности открытой демократии, обеспечивающие достижение социального равенства, экономического, политического и культурного равноправия²⁷⁴.

Говоря о характерных чертах неолиберального государства, нельзя не остановиться на особенностях его политической элиты, то есть класса государственных управленцев, разделяющего идеи неолиберализма и реализующего их на практике.

Важной чертой неолиберальной управленческой элиты является ее *политический космополитизм*. Это и понятно, поскольку концепция космополитического государства глубоко проникла в ее сознание. Свою миссию неолиберальная элита видит не в том, чтобы служить интересам своего народа и обеспечивать суверенитет своей страны, а, чтобы как можно глубже интегрировать государственные институты и государственную экономику в глобальные транснациональные сети, то есть, превратить на практике собственное государство и самих себя в проводников интересов глобальных корпораций. *Госуправленцы неолиберального склада ума идентифицируют себя не с народом страны, которой они управляют, а с неким глобальным управляющим классом, обслуживающим интересы транснационального капитала.*

Другая особенность неолиберальной управленческой элиты, обозначаемой понятием «глобальный управленческий класс»²⁷⁵, – *потребительский космополи-*

²⁷⁴ Там же. С. 271.

²⁷⁵ Делягин М.Г. Почему элиты предают свои народы: особенности либерального сознания [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://svom.info/entry/589-pochemu-elity-predayut-svoi-narody-osobennosti-lib/>

тизм, согласно установкам которому, лучше всего жить там, где можно обеспечить себе и своим близким наиболее высокий уровень потребления. Вот почему неолиберальная государственная элита более комфортно себя чувствует в дорогих кварталах и резиденциях западных государств, чем в собственной стране. По словам М.Г. Делягина, представители глобального управляющего класса «живут не в странах, а пятизвездочных отелях и закрытых резиденциях, обеспечивающих минимальный (запредельный для обычных людей) уровень комфорта вне зависимости от страны расположения»²⁷⁶.

Необходимо особо отметить еще одну важную черту глобального управляющего класса, а именно, *осуществление разрушительной политики в отношении тех социальных институтов, которые транслируют иные системы ценностей, противоречащие потребительским неолиберальным установкам*. К институтам такого рода неолибералы, находящиеся во власти, относят систему образования, базовыми ценностями которой является просвещение, гуманизм, высокий интеллектуализм, творческая личность. Вместо этого неолибералы создают в законодательном порядке иную образовательную систему, главной задачей которой является формирование квалифицированного потребителя, то есть человека исключительно рыночной ориентации, который будет органично встроен в мировой потребительский рынок и окажется целиком зависимым от рыночной конъюнктуры и потребления мировых брендов. В этой связи весьма показательной является позиция бывшего главы Минобрнауки РФ Андрея Фурсенко, который в 2007 г, выступая на ежегодном молодежном форуме на Селигере, сказал: «Недостатком советской системы образования была попытка формировать человека-творца, а сейчас задача заключается в том, чтобы взрастить квалифицированного потребителя, способного квалифицированно пользоваться результатами творчества других»²⁷⁷.

Прекрасно овладев неолиберальным дискурсом, культивирующим консюмеризм, представители глобального управляющего класса хорошо понимают, что

²⁷⁶ Там же.

²⁷⁷ Досье газеты «Аргументы и факты» на Фурсенко А.А. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.aif.ru/dossier/1399>

для обеспечения собственного комфортного существования необходимо поддерживать в массовом сознании имидж успешных менеджеров, к каковым они себя, безусловно, относят. Ради данной цели неолибералы готовы применять любые манипулятивные технологии. Об этом, к примеру, откровенно и цинично недавно заявил один из «архитекторов» российских неолиберальных реформ - Герман Греф - в своем выступлении на Гайдаровском форуме в январе 2016 г.²⁷⁸.

И, наконец, важной родовой чертой глобального управляющего класса является *страх перед прямой демократией*, которая, по мнению того же Г. Грефа, может снять пелену с глаз народа и привести к полной дискредитации неолиберальной государственной власти²⁷⁹.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что неолиберальная модель государства формирует и культивирует соответствующую ей особую модель демократии.

Среди современных работ, раскрывающих особенности трансформации демократии в условиях неолиберальной политики, пожалуй, наиболее популярной является опубликованная в 2015 г. книга американской феминистки Венди Браун «Гибель демоса: неолиберальная революция-невидимка» (Brown Wendy. Undoing the Demos: Neoliberalism's Stealth Revolution. New York: Zone Books, 2015). В одном из интервью, посвященном данной работе, В. Браун рассуждает о том, к каким негативным последствиям в сфере развития демократии приводит неолиберальная политика, рассматривающая весь мир как один большой рынок²⁸⁰. В фокусе ее внимания находится и сам базовый вопрос о сущности неолиберализма. Автор отмечает, что в своей книге она трактует «неолиберализм как господствующий тип рациональности, сквозь призму которой все вещи «экономизируются», и довольно характерным образом: люди рассматриваются исключительно как участники рынка, любая сфера деятельности трактуется как рынок, а любая

²⁷⁸ Гайдаровский форум – 2016: выступление Германа Грефа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://evocons.ru/social/gajdarovskij-forum-2016-vy-stuplenie-germana-grefa.html>

²⁷⁹ Там же.

²⁸⁰ Браун В. Что же такое неолиберализм? [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://gefter.ru/archive/15006>

структурная единица (публичная или частная, будь то человек, какая-либо деятельность или государство) определяется как коммерческое предприятие»²⁸¹. Важно отметить, продолжает Браун, что это не просто растущая меркантилизация и монетизация – это то самое старое доброе марксистское описание капиталистической трансформации повседневной жизни. «Неолиберализм истолковывает в рыночных терминах даже те сферы, которые не связаны с умножением богатства, – такие как образование, знакомства, обучение, – подчиняя их рыночной системе мер и управляя ими с помощью рыночных техник и методов»²⁸².

По утверждению Браун, неолиберализм совершает (или уже совершил) концептуальный отход от демократии. Он также наносит большой вред практике, культуре, институтам и образу демократии. И здесь необходимо рассматривать неолиберализм как господствующий тип рациональности: эта рациональность переводит значение демократических ценностей из политического регистра в экономический. Свобода теряет свое политическое значение как возможность участия в политической жизни и свое экзистенциальное значения, поскольку сводится к рыночной свободе, исключающей всякие ограничения со стороны государства. Равенство, как правовой статус и принцип долевого участия, заменяется идеей равного права конкурировать в мире, где всегда есть победители и проигравшие.

По словам Браун, будущее демократии зависит не только от существования в обществе конкретных институтов и практик, но также и от понимания демократии как народного, сугубо политического способа удерживать власть и управлять ею, направлять власть в интересах большинства народа. В противном случае властные институты станут доминировать над обществом. Стоит только узаконить экономическую интерпретацию понятий и элементов демократии, и тут же культура, общество и народный суверенитет потеряют смысл. На рынке блага являются результатом индивидуальной деятельности, а не распределения согласно законам и

²⁸¹ Там же.

²⁸² Там же.

политическим доводам. А там, где правят только частные капиталы и рыночные отношения, народу, демосу места нет²⁸³.

С учетом рассмотренных нами особенностей политики и дискурса неолиберализма мы присоединяемся к позиции В. Браун, согласно которой после победы неолиберальной революции *homo politicus*, как фундаментальное свойство человеческого бытия и демократии, был окончательно повержен. Подлинная демократия требует, чтобы граждане были способны к самоуправлению, а не только к повышению стоимости. Подлинная демократия требует, чтобы мы понимали под свободой способность к самоуправлению, а не просто адаптацию к поведению на рынке. Когда это измерение человеческого бытия затухает, то вместе с ним происходит отток энергии, практик и культуры демократии, уходит также само ее понимание. Заменяя демократические понятия закона, участия и справедливости понятиями эффективности и выгодных сделок, неолибералы, по словам Браун, уничтожает демократию, при этом внушая людям, что это и есть «наилучшие практики»²⁸⁴. В неолиберальном дискурсе люди и народы уже не рассматриваются в качестве субъектов демократии, они выступают только в роли потребителей тех или иных идей и политических услуг, а сами выборы воспринимаются как рыночная и маркетинговая игра.

Браун весьма скептически оценивает реально существующую американскую демократию, которую описывает как систему, где «прославляется и эксплуатируется гнев рядовых граждан». Она обеспокоена тем, что люди, управляемые с помощью маркетинговых технологий и PR, все больше становятся пешками в играх современной государственной власти и политических партий, в которых идеалы демократии присутствуют лишь формально²⁸⁵.

Общий вывод таков: неолиберализм, декларируя ценности свободы и демократии, выступая против бюрократизма и коррупции, на практике осуществляет по-

²⁸³ Там же.

²⁸⁴ Там же.

²⁸⁵ Там же.

литику, которая приводит ровно к обратным результатам. В этом – главный парадокс неолиберальных трансформаций общественного развития.

Суммируя сказанное, мы приходим к следующим выводам:

1. Неолиберальная модель трансформации государства как политического института опирается на постулат об объективности процесса утраты государством своего национального суверенитета, поскольку считается, что в условиях глобализации и глобального управления снижается роль национальных субъектов в решении международных вопросов и возрастает роль транснациональных союзов и объединений. В итоге национальные государства не могут не делегировать часть своего суверенитета наднациональным образованиям типа ЕС.

2. Понятия «национальное государство» и «государственный суверенитет» в неолиберальном дискурсе расцениваются как устаревшие. На смену суверенных национальных государств должны прийти космополитические государства, глубоко интегрированные в систему транснациональных отношений и мультикультурные по своему составу.

3. Неолиберальное государство более озабочено поддержкой целостности финансовой системы и платежеспособностью финансовых институтов, чем материальным и социальным благополучием большинства граждан.

4. Неолиберальное государство негативно настроено к любым практикам и ассоциациям, которые могут препятствовать процессу накопления капитала. Независимые профсоюзы или другие общественные движения неолиберальное государство стремится поставить в жесткие ограничительные рамки. В результате ограничений полномочий институтов гражданского общества трудящиеся теряют социальные льготы и гарантии занятости. Ответственность за материальное, физическое и социальное благополучие граждан неолиберальное государство стремится полностью переложить на самих граждан.

5. Неолиберальное государство использует инструменты приватизации для передачи активов из общественной собственности и публичного пользования в руки привилегированных классов, усиливая тем самым процесс социального расслоения.

6. Альтернативой неолиберальному государству может стать такая модель государственной политики, для которой первостепенными задачами выступают: защита национального суверенитета, обеспечение условий для практической реализации открытой демократии, достижение экономического, политического и культурного равноправия.

7. Базовыми чертами неолиберального управляющего класса являются: политический и потребительский космополитизм; отношение к образованию как системе, нацеленной главным образом на формирование квалифицированного потребителя, разрушение гуманистически ориентированной системы образования; использование манипулятивных технологий для поддержания имиджа класса успешных менеджеров; страх перед прямой демократией.

8. Неолиберальные трансформации демократии выражаются в маркетинговой рационализации демократических процессов и ценностей. Будучи господствующим типом рациональности, неолиберализм переводит демократический дискурс в регистр маркетингового дискурса.

9. В неолиберальном дискурсе избирательные процедуры, обозначаемые термином «демократия», на деле рассматриваются в качестве инструментов маркетинговой игры, где граждане уже не являются значимыми политическими субъектами, а только потребителями политических услуг.

2.2. Особенности российского неолиберализма

Российское общество уже многие годы находится в состоянии перманентных трансформаций. За последние двадцать пять лет страна была экспериментальной площадкой для проведения многочисленных неолиберальных реформ.

Изначально процесс неолиберальных трансформаций в России развивался по сценарию, во многом аналогичном тому, который был разработан когда-то М. Фридманом для Чили во главе с Пиночетом. В итоге «шоковых» неолиберальных реформ в России сложилось государство неолиберального корпоративизма, в котором обогатился лишь узкий круг россиян, а также некоторые западные менеджеры инвестиционных фондов, получившие прибыли от своих инвестиций в спешке приватизированные российские компании²⁸⁶.

В отличие от стран Восточной Европы, образовавшихся после распада социалистического содружества, неолиберальные реформы в России привели к громадным разрушительным последствиям в экономике и в социальной сфере²⁸⁷. В пост-социалистических странах Восточной Европы рыночные реформы не носили такого форсированного характера как в России. Процессу приватизации там предшествовала коммерциализация, а разгосударствление собственности начиналось с мелких предприятий и уже после стабилизации цен. Как отмечает доктор социологических наук Р.Х. Симонян, приватизация средних по размеру предприятий была проведена значительно позже, а продажа в частные руки крупных была уже на заключительном этапе приватизации. Так, социалистическая Польша, начав-

²⁸⁶ Там же. С. 302.

²⁸⁷ Краснов П. К 20-летию экономических преобразований в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.rusproject.org/current/current_1/itogi_20_let_simonjan

шая приватизацию задолго до российских реформаторов, успешно её проводила до начала 2000-х годов²⁸⁸. Многие крупные предприятия в Польше и в настоящее время находятся в собственности государства, и не только потому, что они и так рентабельны, но еще и из соображений геоэкономической безопасности.

В России, отмечает Р.Х. Симонян, всё было по-другому. «Начатая осенью 1992 года в России массовая приватизация привела к тому, что уже к началу 1995 года более 70% государственных предприятий были переданы частным владельцам, а к 1997 году негосударственные предприятия составляли уже 95,6% общего числа предприятий. Возможно, это была самая скоротечная приватизация в истории человечества»²⁸⁹.

В чем же причина столь поспешных действий? По мнению Симонян и ряда других авторов, реформаторы просто не хотели, чтобы население смогло опомниться и выступить с протестом. Форсированная приватизация была нужна российской номенклатуре, которая мечтала в кратчайший срок приватизировать государственную собственность²⁹⁰. «Стержнем реформ, проведённых правительством Гайдара, – пишет академик Т. Заславская, – была приватизация, позволившая новой российской номенклатуре практически бесплатно присвоить основную и наиболее перспективную часть государственной собственности»²⁹¹.

На практике максимально быстрая приватизация создавала благоприятные условия для проведения разного рода финансовых махинаций и расцвета преступных форм обогащения, масштабы которых существенно превосходили экономические злоупотребления и уровень преступности периода приватизации в странах Восточной Европы²⁹².

²⁸⁸ Там же.

²⁸⁹ Там же.

²⁹⁰ Там же.

²⁹¹ Заславская Т.И. Избранные произведения. Т.2. Трансформационный процесс в России: в поиске новой методологии. М.: Экономика, 2007. 591 с.

²⁹² Никифоров Л.В. Особенности России и стратегия её развития. В кн. Концепции долгосрочного экономического и социального развития Польши и России. М.: ИЭ РАН, 2002. с. 11.

Форсированность реформ, связанных с приватизацией государственной собственности, свидетельствовала также о том, что для российских радикальных реформаторов первоначально даже не стоял вопрос о модернизации экономики, о направлении неолиберальных реформ в русло роста национального богатства страны. В этом также, по мнению Симонян, заключается отличие российских неолиберальных реформ от восточно-европейских²⁹³.

В ходе изучения российских неолиберальных реформ некоторые американские эксперты усматривают причины их неудач в особенностях ее исторических традиций, в частности, связывают рост коррупции и преступности в период реформ с традицией взяток в национальной деловой культуре. Американские эксперты считают, что в России взятки давно стали наиболее эффективным средством налаживания и успешного осуществления бизнеса. В этой связи они предлагают России присоединиться к существующим международным конвенциям по борьбе с коррупцией, хотя большинство исследователей полагает, что этого явно недостаточно, что для преодоления коррупции потребуются смена поколений²⁹⁴.

В начале 2000-х гг. мнение о катастрофических последствиях российских неолиберальных реформ стало общепризнанным среди многих видных зарубежных и отечественных специалистов. Дж. Стиглиц дал этим реформам следующую оценку: «Россия обрела самое худшее из всех возможных состояний общества – колоссальный упадок, сопровождаемый столь же огромным ростом неравенства. И прогноз на будущее мрачен: крайнее неравенство препятствует росту»²⁹⁵.

Вместе с тем, при анализе неолиберальных реформ, проводимых в России, не надо забывать, что в процессе их проведения российские реформаторы действовали в тесном контакте с МВФ, ВБ и многочисленными финансовыми организациями США, следуя их прямым указаниям. Так приватизация в России проводилась под диктовку МВФ и в интересах не только новой российской элиты, но

²⁹³ Там же.

²⁹⁴ Сайт организации «Проблемы теории и практики управления» : аналитический обзор [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.ptpu.ru/issues/1_00/ru1_19.htm.

²⁹⁵ Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль, 2003. С. 45.

также и западных корпораций. Приватизация в России контролировалась Министерством финансов США и другими финансовыми организациями. Россия, по существу, находилась под внешним управлением.

В разработке и осуществлении программы приватизации в России принимал непосредственное участие Гарвардский Институт Международного Развития (Н I I D), представители которого писали законы для российской приватизации и стояли во главе «Государственного комитета по приватизации» (ГКИ) при Правительстве России. ГКИ работал совместно также с Министерством развития США (USAID). Его консультировала Международная Финансовая Корпорация (IFC) - дочерний банк ВБ. Особая комиссия экспертов при ГКИ, состоявшая в большинстве своем из иностранцев, могла спокойно изменять проекты указов президента России и правительства. С помощью иностранных консультантов была создана сеть частных организаций, среди которых – «Российский Центр Приватизации», финансируемый США. Его задача состояла в сборе информации по приватизируемым предприятиям, которыми интересовались иностранные корпорации²⁹⁶. В результате приватизации в 1992 г. в руки западных фирм перешла государственная собственность на сумму примерно 500 миллионов долларов, включая фабрики военно-промышленного комплекса, инфраструктуру и природные ресурсы²⁹⁷. Все это свидетельствует о том, что и МВФ, и ВБ, а также многие другие организации глобального капитала осуществляли внешнее управление российскими неолиберальными реформами и потому несут не меньшую ответственность за причиненный ими ущерб, чем российские «архитекторы» неолиберальных реформ.

Одновременно с курированием экономических и социальных реформ в России международные организации на протяжении всех постсоветских лет проводили работу по созданию центров и фондов для идеологического обеспечения и поддержки неолиберального курса в стране. Одной из таких организаций стал Фонд Фридриха фон Хайека, зарегистрированный в Российской Федерации 3 декабря

²⁹⁶ Ждановская А.А. Куда ведет Россию МВФ, Всемирный Банк и ВТО? Кн. 2. Россия в неолиберальной петле. М.: Ленанд, 2015. С. 74.

²⁹⁷ Там же. С. 71.

2002 года. В программном заявлении директора-распорядителя Фонда были четко сформулированы его неолиберальные цели: «Фонд создан в России для финансирования исследований в области теории и практики неолиберальной политики; Фонд последовательно выступает против государственного протекционизма, за утверждение во всем мире принципов частной собственности, свободного рынка и частного предпринимательства, за обеспечение свободы личности и ограничение вмешательства государства в экономическую жизнь»²⁹⁸.

Фонд обнародовал свою Программу действий, в которой сформулировал весьма амбициозные задачи по продвижению неолиберальных идей и неолиберальных реформ. В числе основных задач были обозначены следующие: создание сети учебных и научных учреждений, открытие факультетов и кафедр в действующих вузах страны для подготовки специалистов и проведения научно-исследовательской работы по вопросам «неолиберальной» политики; завершение полной приватизации предприятий государственной собственности; отказ от всех льгот и социальных программ за исключением пособий инвалидам и пенсий престарелым людям; законодательное ограничение деятельности профсоюзов; введение в обращение новых видов ликвидных товаров (космос, земля, недра, леса, водное пространство, эфирное пространство, воздушное пространство для полетов частных самолетов, новые радио и теле частоты и т.п.).

В политической сфере Фонд предлагал буржуазным партиям осуществить план декоммунизации, а именно: завершить судебный процесс над КПСС, ввести Исключительный Закон против коммунистических партий, принять закон о денафикации, запрещающий участие бывших ответственных работников КПСС в деятельности государственных органов и др. Особо подчеркивалось, что Фонд поддерживает предложение о немедленном и публичном захоронении тела В.И. Ленина²⁹⁹.

²⁹⁸ Петухова Ю.В. Против государственного протекционизма [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://hayek.ru/zayav1.html>

²⁹⁹ Там же.

Надо отдать должное авторам-составителям данного программного документа, которые без риторических красот предельно четко изложили программу действий российских неолибералов, обнажив ее антидемократический и антисоциальный характер.

Развернутый анализ реформаторской политики российских неолибералов, ее катастрофических последствий содержится в работах многих отечественных авторов. В их числе С. Батчиков и С. Кара-Мурза, опубликовавшие свой доклад под названием: «Неолиберальная реформа в России как причина национальной катастрофы»³⁰⁰.

Авторы отмечают, что из всех возможных вариантов перехода страны к рыночной экономике российские реформаторы под давлением западных партнеров выбрали самый болезненный и разрушительный для России вариант. Основная особенность неолиберальных реформ в России, по мнению авторов, заключалась в том, что в силу неграмотных рецептов западных партнеров и слепого им следования со стороны представителей власти, неолиберальные реформы в России дали обратный экономический и социальный эффект. А именно, «вместе с параличом производства произошла деформация общества, пресекающая всякие надежды на успех либеральной реформы. Обокрав население, реформаторы уничтожили то, что называли «средним классом». Удушив его, они получили больную социальную структуру («двойное общество»): кучку сверхбогатых и массу обедневших людей.

Выстроенная российскими неолибералами модель управления страной не только не способствовала развитию реальной демократии, но препятствовала данному процессу. По словам С. Батчикова и С. Кара-Мурзы, если реформы в РФ и дальше будут идти по «либеральной» траектории, то ни о какой демократизации не может быть и речи – государство с неизбежностью будет становиться все более полицейским, разбогатевшая часть будет отделять себя от общества все более непро-

³⁰⁰ Неолиберальная реформа в России как причина национальной катастрофы [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.contrtv.ru/common/1582>

нищаемыми сословными барьерами, а внизу будет господствовать преступность и идти архаизация жизни как единственный способ выживания³⁰¹.

Вместе с тем, российские неолибералы, непосредственно участвовавшие в проведении реформ 1990-х гг., до сих пор не могут согласиться с негативной оценкой их деятельности, считая, что благодаря данным реформам Россия совершила колоссальный прорыв в новую рыночную и демократическую реальность, что правительство Е. Гайдара, таким образом, совершило настоящий подвиг. Данная позиция отчетливо была представлена в сборнике интервью с организаторами реформ и членами правительства Гайдара, составленном П.О. Авеном³⁰² и А.Р. Кохом³⁰³ и опубликованном под названием «Революция Гайдара. История реформ 90-из первых рук»³⁰⁴. Презентация издания состоялась на радиостанции «Эхо Москвы» 2 июня 2013 года. В своем интервью «Эхо» Альфред Кох подчеркивал, что главное достижение реформ, а именно, перевод общества на рельсы рыночной экономики население России в своем большинстве признало и в целом приняло. Отвечая на вопрос ведущей программы о том, оказалось ли российское общество готовым к реформам 90-х, он заявил: «Нужно отдать должное нашему обществу. По большому счету оно оказалось готово. Потому что все те преобразования фундаментальные, которые были тогда сделаны, они до сих пор существуют. Свободные цены, свободная внешняя торговля, частная собственность, ни одной сделки по национализации ... а также – частные банки, рынок ценных бумаг. Значительной части народа это не нравится, тем не менее, нация в этих условиях готова функционировать вот уже 20 лет... Народ был готов. Он уже живет 20 лет в этой

³⁰¹ Там же.

³⁰² Авен Петр Олегович – в 1992 гг. был министром внешнеэкономических связей России, с 1994 по 2011 гг. – президент «Альфа-Банка», с 2011 г. является членом президиума Российского совета по международным делам.

³⁰³ Кох Альфред Рейнгольдович – с 1993 по 1995 гг. – зам. Председателя Государственного комитета РФ по управлению государственным имуществом, курировал проведение приватизации.

³⁰⁴ Авен П., Кох А. Революция Гайдара. История реформ 90-х из первых рук. М.: Альпина Паблишер, 2013. 472 с.

системе, которую мы построили. Значит готов. Ну, конечно, она ему не нравится. Граждане приняли этот вызов в целом»³⁰⁵.

Оставаясь в меньшинстве среди исследователей, дающих ретроспективный анализ трансформаций российского общества, совершившихся в результате проведения реформ 1990-х гг., отечественные неолибералы, тем не менее, продолжают настаивать на общем позитивном и прогрессивном смысле данных реформ, на их принятии населением страны. И это – даже несмотря на хорошо известные результаты опросов общественного мнения.

Так, социологические исследования, проведенные Институтом социологии РАН в 2011 г., показали, что двадцать лет спустя после старта неолиберальных реформ негативные отношения к ним у более чем половины россиян не только не снизилось, но даже усилилось, поскольку граждане все отчетливее стали осознавать понесенные от реформ социальные, моральные и экономические потери. Исследования показали, что наиболее значимыми потерями для общества опрошенные считают снижение уровня жизни большинства населения, падение морали, отсутствие должного порядка в стране, рост коррупции, развал передовых отраслей промышленности; 23% опрошенных россиян для себя наибольшей потерей назвали отсутствие социальной справедливости, 27% – резкое деление общества на богатых и бедных. Усиление негативизма проявляется в постоянном росте числа опрошенных, считающих значимой потерей от реформ отсутствие социальной справедливости (по сравнению с 2001 г. рост равен 5%)³⁰⁶. Кроме того, в качестве личной потери 17% опрошенных назвало «отход от идеи социализма».

Соотношение тех, кто отзывается о реформах положительно, и тех, кто – отрицательно, составляет соответственно 27% и 60%³⁰⁷.

³⁰⁵ Интервью с А.Р. Кохом о сборнике интервью, составленном П.О. Авеном и А.Р. Кохом и опубликованном под названием «Революция Гайдара. История реформ 90-из первых рук» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://echo.msk.ru/programs/kazino/1084218-echo/>

³⁰⁶ Аналитический доклад «Двадцать лет реформ глазами россиян». [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://ntpp.biz/upload/iblock/f03/20_years_reform_vlfbsonfhkxvop.pdf

³⁰⁷ Там же. С. 40.

Социологи также отмечают такой важный факт, как рост числа приверженцев социалистической идеи среди россиян, что также связано с усилением негативного отношения граждан к неолиберальным реформам и к неолиберальным ценностям в целом. Судя по данным проведенного опроса, среди людей, идентифицирующих себя с каким-то определенным идейным течением, социалистических убеждений придерживается каждый второй. «При этом, – отмечают исследователи, – доля «социалистов» в идейно-политическом спектре примерно в 3 раза превышает долю как либералов, так и националистов, исходящих из веры в уникальность русского пути развития»³⁰⁸.

Дальнейшие социологические опросы показали ту же тенденцию роста ориентации россиян на социалистические ценности. Особенно много оказалось приверженцев идеи социальной справедливости. По данным исследования, проведенным Институтом социологии РАН весной 2012 г. из вариантов лозунгов, которые наилучшим образом выражают личные мечты о будущем, 45% опрошенных россиян выбрали вариант «социальная справедливость»³⁰⁹. На этом основании социологами был сделан вывод, что именно идея справедливости в наибольшей степени может стать консолидирующей для российского общества³¹⁰. Однако та же мечта о справедливости может привести к росту протестных настроений, поскольку в реальной практике люди сталкиваются с тем, что государство в лице ее властных органов не в состоянии быть гарантом социальной справедливости. В этой связи социологами была выделена отдельная группа граждан, которые не просто мечтают о справедливом государстве, но считают, что нынешняя власть не способна обеспечить справедливое устройство общества и потому заводит страну в тупик. Согласно опросу, мечта о жизни в более справедливом и разумно устроенном обществе характерна для трети россиян в возрасте от 16 до 55 лет, и каждый пятый из них (19,2%) убежден, что страна идет в тупик, и считает необходимым смену

³⁰⁸ Там же. С. 145.

³⁰⁹ Римский В.Л. Справедливость в современной России: мечты и использование в социальных практиках // *Общественные науки и современность*. 2013. № 5. С. 29.

³¹⁰ Там же.

власти во что бы то ни стало³¹¹. Противники власти, которые выступают за социальную справедливость, протестуют в первую очередь против чрезвычайно глубокой дифференциации доходов и несправедливости системы распределения в стране частной собственности.

Опросы также показали, что большинство граждан России уверены, что нынешнее российское общество устроено менее справедливо, чем советское. Получается, что за последние годы в России справедливости больше не стало³¹². Запрос на справедливость, отмечают социологи РАН, является одним из самых значимых в российском обществе и в то же время – самым болезненным для современной российской власти³¹³.

Тенденция роста востребованности социальной справедливости в российском обществе оказалась замеченной властной элитой, что обнаружило себя в определенной коррекции неолиберального курса в сторону интериоризации данной ценности в тексты официальных программных документов.

Представители российской политической элиты в целях получения поддержки со стороны широких масс населения не могли не понимать стратегической важности для консолидации общества курса на социальную справедливость. Это наиболее ярко проявилось в появлении определенных элементов социалистической риторики, в частности, в использовании термина «*справедливость*», в официальных статьях и публичных выступлениях Президента РФ В.В. Путина. В своем послании Федеральному собранию в 2005 году Путин подчеркивал: «Определяющие ценностные ориентиры – идеалы свободы, прав человека, справедливости и демократии...Соблюдение принципов справедливости прямо связано с равенством возможностей. И это, в свою очередь, должно быть обеспечено не кем иным, как государством»³¹⁴.

³¹¹ Там же. С. 31.

³¹² Там же. С. 32.

³¹³ Там же. С. 33.

³¹⁴ Послание Федеральному Собранию Российской Федерации Президента России Владимира Путина [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://rg.ru/2005/04/26/prezident.html>

В 2012 г., накануне президентских выборов В.В. Путин еще более четко подчеркнул государственные приоритеты, связанные с ориентацией на такую альтернативную неолиберализму ценность как социальная справедливость. Одна из его предвыборных статей называлась «Строительство справедливости. Социальная политика для России». В этой статье В.В. Путин заявил: «Каждый рубль, направляемый в социальную сферу, должен “производить справедливость”. Справедливое устройство общества, экономики – главное условие нашего устойчивого развития в эти годы»³¹⁵.

Попытки включить концепт социальной справедливости в дискурс современной российской власти путем присоединения его к системе неолиберальных ценностей, свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что российский неолиберализм как идейно-политическая программа носит гибридный характер.

Гибридный характер российского неолиберализма, с нашей точки зрения, обусловлен, прежде всего, стремлением неолиберальной власти в целях самосохранения откорректировать свой курс таким образом, чтобы он, хотя бы частично, соответствовал убеждениям и настроениям значительной части россиян, которая и сегодня продолжает негативно относиться к неолиберальным трансформациям российского общества, часто склоняясь к идее социалистического переустройства страны на основе принципа социальной справедливости³¹⁶.

Формирование в России гибридной модели неолиберализма связано также с определенной конфигурацией идеологического поля, сложившегося в России в последнее десятилетие. В эти годы популярность стали получать политико-идеологические симбиозы, состоящие из различных идеологических доктрин (например, консервативно-социалистический гибрид, либеральный консерватизм, социальный либерализм и др.).

³¹⁵ Путин В.В. Строительство справедливости. Социальная политика для России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.putin-itogi.ru/> 2012/02/13/statya-v-v-putina-stroitelstvo-spravedlivosti-socialnaya-politika-dlya-rossii/

³¹⁶ Хмелинин А.А. Особенности и дискурс российского неолиберализма: становление «гибридной модели» // Социум и власть. 2013. № 4 (42). С. 59-64.

С.Я. Матвеева в своих исследованиях выделяет такие понятия и идеологические платформы как «социальный консерватизм», «прогрессивный консерватизм», «демократический консерватизм», «либеральный консерватизм», «консервативный либерализм», «социальный либерализм»³¹⁷ и т.д. Все эти «гибриды», так или иначе, присутствуют в идейно-политическом спектре современного российского правящего класса, который, в общем и целом, действует в русле неолиберального политического курса. Характерным примером тому является позиционирование партии «Единая Россия» как объединения консервативно-либерального толка. На XI съезде в Санкт-Петербурге 21 ноября 2009 г. партия «Единая Россия» официально заявила о своем консервативном повороте. В ее программном документе прямо сказано: «Идеология Партии – российский консерватизм»³¹⁸.

Одной из форм неолиберального идеологического гибрида стала идея либерального социализма или социал-либерализма. Так, к примеру, А. Погорельский видит наиболее вероятную и привлекательную альтернативу радикальному неолиберализму в социально-рыночной модели организации общества или в социальном либерализме. По его мнению, в обществе «должна произойти замена государственного патернализма социальным партнерством, способствующим преодолению неприязни между богатыми и бедными»³¹⁹. Ориентации социал-либерализма с самого начала своего существования придерживается российской партией «Яблоко».

Тем не менее, неолиберализм как идейное направление и политическая практика продолжает существовать и развиваться в современной России, что в итоге не может не повлечь за собой углубление противоречий в общественной жизни страны.

³¹⁷ Институт свободы "Московский либертариум" [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.libertarium.ru>

³¹⁸ Программный документ партии «Единая Россия»: «Россия: сохраним и приумножим!» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://edinros.ru/er/text.shtml?10/9535,110030>

³¹⁹ Погорельский А. Социальный либерализм: перспективы в России // Логос. 2004. 6 (45). С. 56-57.

В числе наиболее авторитетных и глубоких критиков российского неолиберализма в лице его властной элиты следует назвать Евгения Максимовича Примакова, который на заседаниях созданного им дискуссионного клуба «Меркурий» дал развернутый анализ негативных проявлений неолиберального курса как в области государственного строительства, так и сфере экономической политики.

Российские неолибералы, отмечал Примаков, отвергают возможность доминирования государства в экономике. Данная тенденция отказа от такого доминирования, по его мнению, существует и должна развиваться. Но это отнюдь не означает, что в определенные исторические периоды, а именно непосредственно в настоящем периоде (2012-2014 гг.) отказ от государственного доминирования в экономике не соответствует интересам России, общества в целом. Неолибералы поставили своей задачей провести новую масштабную приватизацию государственной собственности в России, настаивают на максимальном охвате приватизацией важнейших для страны стратегических предприятий. В их число, согласно правительственной программе, входят "Роснефть", ВТБ, "РусГидро", "Аэрофлот". Частичная приватизация предусматривается также в отношении РЖД, "Транснефти" и других. Примаков, опасаясь форсирования приватизации, отмечал, что приватизацию крупных госкомпаний нужно осуществлять постепенно, и, что главное, без ущерба для процесса концентрации и централизации производства. Однако, к сожалению, многими экспертами российского правительства данная позиция рассматривается как реальный ограничитель для инвестиционной деятельности государственных компаний³²⁰.

Е.В. Примаков обратил внимание на существующее в последние годы противоречие между работой Правительства РФ, продолжающем следовать советам неолиберальных экспертов и консультантов, и новым принципиальным установкам Президента России В.В. Путина, которые ориентируют власть на такие приоритеты как сильная социальная политика, социальная справедливость, развития государственного суверенитета и др. В своем выступлении от 17 января 2014 г.

³²⁰ Примаков Е. Почему неолиберализм непригоден для России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.business-gazeta.ru/article/71965/>

Примаков прямо заявил, что неолиберы противодействуют курсу президента России В.В. Путина³²¹.

По стечению обстоятельств выступление Примакова прозвучало накануне открывшегося в 2014 г. очередного Гайдаровского форума, на котором отечественные министры вместе с экспертами обсуждали актуальные вопросы российской экономики. При этом говорили они так, как будто никакой другой экономической теории, кроме неолиберальной, в принципе не существует, и им не важно, что заявил Примаков – 84-летний ветеран российской политики, занимавший 15 лет назад пост премьер-министра. Однако к позиции Примакова все же прислушались некоторые соратники российского Президента. Не случайно среди прочих на его выступлении присутствовала председатель Совета Федерации Валентина Матвиенко.

Е.М. Примаков указал на непоследовательность неолиберального курса и противоречивость российского неолиберального дискурса. Как монетаристы, отмечает он, российские неолибералы оказались непоследовательными: много говоря о создании благоприятного финансового климата для бизнеса, они на деле не стремятся изменить кредитную политику. В этой связи Примаков напомнил о звучавшем на Гайдаровском форуме неолиберальном заявлении о том, что «снижение процентных ставок – контрпродуктивная мера, которая приведет вовсе не к ускорению экономического роста, а к дисбалансу и накоплению новых рисков в разных сегментах экономики»³²².

В ситуации, когда у Президента России – один курс, а у неолиберального правительства страны – другой, закономерно возникает административный хаос. Он усугубляется еще и тем, что непрерывно происходит давление на администрацию Президента со стороны сторонников дальнейшего продолжения олигархической приватизации. В таких условиях сложно в одно и то же время противостоять нео-

³²¹ Выступление президента "Меркурий-клуба", академика РАН Евгения Примакова 13 января 2014 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.nakanune.ru/articles/18521>

³²² Там же.

либеральным атакам и ориентировать правительство на эффективное решение накопившихся проблем в социальной сфере. Получается, отмечает Примаков, что Кремль вынужден одновременно ревизовать принятые несколько лет назад неолиберальные решения, отбивать атаки про-олигархических сил, стремящихся к новой приватизации, купировать последствия неолиберальных действий в социальной сфере и одновременно заставлять правительство заниматься стимулированием развития экономики и социальным курсом президента. И все это в условиях крайне нездоровой мировой экономической ситуации.

Говоря о социальных последствиях неолиберальных реформ, Примаков заявил, что в результате разрушительной неолиберальной политики 90-х годов мы в итоге имеем не только разбалансированную экономику, но и огромное социальное неравенство. Он привел данные исследования Global Wealth Report 2013, согласно которым 110 российских миллиардеров контролируют 35% всех активов России, а также – следующие комментарии, сделанные к ним экспертами международной финансовой корпорации Credit Suisse Group: «Во время переходного периода были надежды на то, что Россия будет преобразована в высокодоходную экономику с высококвалифицированными работниками и сильными программами социальной защиты, унаследованными от советских времен. На практике получилась почти пародия»³²³.

По сути, в своих выступлениях Примаков поставил вопрос о *необходимости организации целой системы противодействия политике неолибералов в России*. Отечественные неолибералы, опираясь на универсальные западные экономические теории, не считаются с историческими особенностями и степенью развития рыночных отношений в России. Они не учитывают, что в современной России сам по себе рыночный механизм без государственного участия не может обеспечить экономический рост и устойчивость развития. Кроме того, российские неолибералы не учитывают уроков кризиса 2008-2009 гг. Известно, что в США и странах Евросоюза во время кризиса было усилено влияние государства в эконо-

³²³ Там же.

мике. Что касается России, то без государственного планирования экономического роста, конечно, не директивного, вообще невозможно преодолеть отставание от жизненного уровня населения, существующего в развитых западных странах. Наши неолибералы, конечно, не выступают против подъема жизненного уровня населения. Однако они не согласны с необходимостью широкого маневра в экономической политике, чтобы сделать больший упор на решении социальных задач. Не способствует этому и распространение частнособственнической инициативы на здравоохранение, образование, учреждения науки. Разгосударствление во всех этих областях рассматривается неолибералами как магистральное направление развития России.

Острые противоречия, отмечает Примаков, сохраняются также в оценке неолибералами взаимоотношений между отдельной личностью и обществом. Неолибералы отрицают, что свобода и демократия совместимы с определенными самоограничениями в пользу общественных интересов. Естественно, границы этих самоограничений должны определяться в каждом отдельном случае в законодательном порядке.

Важно подчеркнуть, что Примаков не только представил на суд общественности свой критический взгляд на российский неолиберализм, не только раскрыл его особенности, но и, что особенно ценно, с нашей точки зрения, *выделил основные позитивные моменты, связанные с противодействием политике неолиберализма, которые произошли в России к 2014 году*. Вот их перечень:

1. Не произошел отказ от государственной собственности на те объекты промышленности, которые крайне необходимы не только для безопасности, но и жизнедеятельности России;

2. Не произошел откат при решении социальных вопросов, представленных в майских указах президента, хотя не все благополучно в этой области. В своем послании Федеральному собранию в 2013 г. президент подчеркнул необходимость не только увеличения бюджетного финансирования здравоохранения, образования, но и реформирования этих отраслей, а также – ЖКХ;

3. Не удалось провести идею о демократизации нашего общества за счет ограничения государственной власти. «Необходимость перевода ряда государственных функций на общественный уровень очевидна. Но этот процесс не может и не должен ассоциироваться с ослаблением властных структур. Если такое произойдет, то процесс демократизации в нашей стране захлебнется, перерастая в неуправляемую стихию».

4. Во внешней политике «...Несомненным нашим достижением является инициатива по выходу из опаснейшей ситуации, когда президент Обама заявил о неизбежности военного удара по Сирии. Если бы это произошло, то последствия не могли бы ограничиться дестабилизацией в регионе, ростом терроризма во всем мире, хотя это уже огромнейшая угроза. Нужно, как мне представляется, прямо сказать, что в таком случае перестала бы существовать Организация Объединенных Наций, функции которой были бы в лучшем случае ограничены лишь областью социальных проблем... То, к чему готовились США, было вооруженное вмешательство в дела Сирии при полном игнорировании Совета безопасности ООН. Российская инициатива, предложившая ликвидацию сирийского химического оружия, политические методы по выходу из внутреннего кризиса в Сирии, сорвала реальную опасность военного удара Соединенных Штатов по суверенному государству со всеми ужасными последствиями, которые могли бы сопровождать эти действия».

Подводя итоги случившихся позитивных перемен в области сопротивления неолиберальному курсу как во внешней, так и во внутренней политике, Примаков констатировал, что Россия в последнее время существенно укрепила свою роль великой державы, политика которой служит стабилизации обстановки в мире. Именно в данном направлении развивалась и политика России в отношении Украины: Россия правильно отказалась от альтернативного требования: "Либо Украина выбирает статус ассоциированного члена Евросоюза, либо она вступает

в Таможенный союз". Таких категоричных "либо-либо" не должно быть в отношениях между нашими странами»³²⁴.

В последнее время, с нашей точки зрения, в официальном курсе России наметился важный идейно-политический поворот, связанный с *отходом от неолиберальной парадигмы общественного развития в сторону иных приоритетов*, таких как осознание национальной идентичности, опора на традиционные ценности, патриотизм, защита национально-государственного суверенитета, укрепление статуса России в качестве ведущего игрока на мировой арене. Данный парадигмальный поворот вполне можно проследить на основе изучения выступлений В.В. Путина на ежегодных заседаниях дискуссионного Валдайского клуба в 2013 и 2014 гг.

В центре внимания выступления В.В. Путина на Валдае в 2013 г. стоял вопрос о национальной идентичности, о самоопределении россиян в области путей дальнейшего развития страны, о позиционировании России в условиях глобальной конкуренции. Президент тогда подчеркнул, что в целях выбора реальных перспектив будущего развития, необходимо уходить не только от советских и консервативно - фундаменталистских схем, но также и от идеологии радикального либерализма. Путин заявил: «Для россиян, для России вопросы "Кто мы?", "Кем мы хотим быть?" звучат в нашем обществе все громче и громче. Мы ушли от советской идеологии, вернуть ее невозможно. Приверженцы фундаментального консерватизма, идеализирующие Россию до 1917 года, похоже, также далеки от реальности, как и сторонники западного ультралиберализма»³²⁵.

Критикуя позиции неолиберального курса, Путин отметил, что государство не должно самоустраняться из решения насущных проблем общественной жизни, что это – не в традициях нашего народа. В настоящее время наиболее актуальным вопросом для России, считает Президент, является вопрос об укреплении самостоятельности российского государства, о его национальном суверенитете. Он за-

³²⁴ Там же.

³²⁵ Выступление В.В. Путина на Валдае [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://yablor.ru/blogs/vistuplenie-vv-putina-na-valdae/3038189>

явил: «Самоустранение государства, общества не сработало, также как и механическое копирование чужого опыта. Такие грубые заимствования, попытки извне цивилизовать Россию не были приняты абсолютным большинством нашего народа, потому что стремление к самостоятельности, к духовному, идеологическому, внешнеполитическому суверенитету - неотъемлемая часть нашего национального характера³²⁶.

На заседании Валдайского клуба в 2014 г. В.В. Путин вновь обратился к теме новых приоритетов России: «Россия свой выбор сделала, наши приоритеты - дальнейшее совершенствование институтов демократии и открытой экономики, ускоренное внутреннее развитие с учетом всех позитивных современных тенденций в мире и консолидация общества на основе традиционных ценностей и патриотизма»³²⁷.

Анализ ряда последних публичных выступлений Президента РФ, содержащих принципиальные заявления о том, что Россия ставит перед собой новые приоритеты для своего внутривосточного и внешнеполитического ориентирования, на наш взгляд, показывает, что в настоящее время в официальных кругах России происходит *процесс парадигмального перехода от неолиберальных установок к установкам на укрепление национально-государственного суверенитета, которые предполагают развитие демократии и социальной справедливости.*

Отмеченный переход еще только прорисовывается. Пока же во властных кругах продолжает доминировать модель гибридного неолиберализма, когда одни властные структуры заявляют о необходимости сильной социальной политики со стороны государства и приверженности принципу социальной справедливости, а другие продолжают осуществлять неолиберальный курс на устранение государства из сферы контроля над экономическими процессами. Подтверждением тому может служить политика так называемого «валютного фундаментального либера-

³²⁶ Там же.

³²⁷ Путин В.В. Остановить глобальный хаос [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.rg.ru/2014/10/24/putin.html>

лизма», проводимая Центробанком России, объявившем об установлении плавающего курса рубля³²⁸.

Валютный либерализм – это политика отказа от любых средств государственного контроля над движением валюты через границу и ее циркуляцией внутри страны.

От практики валютного либерального фундаментализма в последнее время стал отходить даже Международный Валютный Фонд. В 2012 году он официально заявил, что страны в условиях резких колебаний валютных курсов могут прибегать к ограничениям в сфере трансграничного движения капитала, чем многие страны уже воспользовались. И лишь Россия остается среди тех стран, которые сохраняют непреклонную верность идеям валютного либерального фундаментализма³²⁹.

В качестве некоторого итога проведенного анализа особенностей российского неолиберализма и путей преодоления его трансформационных инициатив отметим следующее:

- 1) В результате радикальных рыночных реформ в России сложилось *государство неолиберального корпоративизма*;
- 2) Российский неолиберализм создал такую *модель управления обществом, при которой бюрократия получила возможность почти беспрепятственно увеличивать свои политические и экономические ресурсы*;
- 3) *Неолиберальные реформы в России, проводившиеся в интересах бюрократической верхушки и олигархического капитала дали негативный экономический и социальный эффект*, что привело общество к глубокому кризису;
- 4) Главной чертой российского неолиберального дискурса является его *гибридный характер*, который обусловлен стремлением неолиберальной власти адапти-

³²⁸ Катасонов В. Валютный либеральный фундаментализм - угроза рублю и России [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://protivkart.org/main/6230-valyutnyy-liberalnyy-fundamentalizm-ugroza-rublyu-i-rossii-v-katasonov.html>

³²⁹ Там же.

роваться к существующим в обществе ценностным ориентациям и политическим настроениям;

5) Гибридность российского неолиберализма проявилось в *противоречивости политики*, проводимой властными структурами страны: решения, принимаемые правительством РФ, продолжающие неолиберальный курс, входят в противоречие с курсом Президента РФ, отстаивающим альтернативные неолиберализму приоритеты;

6) *Противоречивый характер российского неолиберализма* проявляется в несоответствии его декларативных установок на модернизацию, демократизацию и демонополизацию с реальной неолиберальной политической практикой, отвечающей антимодернизационным и антидемократическим интересам бюрократической верхушки, сращенной с монополистическим капиталом;

7) *Преодоление неолиберализма во внутренней политике России* связано с последовательной реализацией курса Президента РФ на модернизацию реальной экономики, на дальнейшее проведение социальных реформ и реформ в области демократизации политической системы;

8) *Преодоление неолиберализма во внешней политике России* связано с развитием ВПК и работой над позиционированием страны в качестве великой мировой державы;

9) В выступлениях Президента России В.В. Путина обозначен *курс отхода от неолиберальной парадигмы* в направлении таких приоритетов как укрепление национально-государственного суверенитета страны, опора на традиционные ценности, патриотизм, укрепление статуса России в качестве ведущего игрока на мировой арене.

2.3. Современные политические технологии в арсенале неолиберализма

Неолиберализм активно использует в своем политико-идеологическом арсенале современные технологии воздействия на массовое сознание и поведение посредством СМИ, PR, рекламы, шоу-дискурса, дискурса soft power и других инструментов управления политическими умонастроениями. Благодаря данным технологиям неолиберализму удалось весьма успешно закрепить в общественном сознании представление о том, что именно неолиберальная политика с ее ценностным набором и стратегиями является безальтернативным трендом прогрессивного развития общества, гарантией безопасности, сохранения разнообразных свобод, а также – единственным и «естественным» способом поддержания социального порядка³³⁰.

Своим укоренением в массовом сознании неолиберальный дискурс обязан таким идеям как консюмеризм, свобода потребительского выбора, свобода в выборе средств самовыражения. Повышение свободы выбора преподносится как благо не только для капитала, но и для трудящихся. Благодаря СМИ, рекламе и PR было несложно сделать неолиберальные ценности частью «общего мнения».

Стратегия неолиберализации требовала коммерциализации массовой культуры, которая выстраивалась на основе рыночных отношениях, на технологиях шоу-бизнеса и индустриальных методов развлечений. В итоге коммерческий дух шоу-дискурса стал проникать во все поры культурной жизни, овладевая сознанием масс. В интеллектуальной среде неолиберализм также получил широкое распространение, поскольку оказался созвучен с принципами нарциссизма, индивидуализма и мультикультурности, разделяемыми философией постмодернизма. «Нео-

³³⁰ Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М.: Поколение, 2007. С. 59-60.

либерализм оказался вполне совместимым с культурным импульсом, получившим название постмодернизм, который долгое время развивался, но никак не оформлялся в полноправную культурную и интеллектуальную доминанту»³³¹.

Технологии неолиберального менеджмента направлены на создание такой ситуации, когда индивид вынужден постоянно надзирать за самим собой, чувствовать себя обязанным демонстрировать все более высокие количественные показатели, когда он максимально вовлечен в работу и «свободно» состязается со своими конкурентами, оказываясь на пике производительности. На самом деле данный «свободный» выбор сконструирован таким образом, чтобы энергия индивида была направлена посредством нормативных шкал соперничества в русло максимального роста прибыли предприятия. «Все искусство убеждения в менеджменте основано на том, чтобы заставить верить, будто этот новый режим благоприятен для наемных работников, будто он наилучшим образом подходит для «общества индивидов». Вопреки заявлениям апологетов неолиберализма, конкуренция вовсе не связана с неограниченностью индивидуального выбора, а представляет собой интериоризованное принуждение к выбору в ситуации, которую не выбираешь»³³².

Интериоризованное принуждение выступает системообразующим ядром разнообразных инструментов мягкой силы, широко используемых в неолиберальной внешней политике, направленной на внедрение в общественное сознание населения других стран неолиберальных ценностей.

Основоположником теории *soft power*, как известно, считается американский специалист в области внешней политики Джозеф Най. В основе его теории лежит идея о существовании двух основных типов властвования, которые обозначаются понятиями *hard power* и *soft power*. Под *hard power* подразумевается инструментальный внешнего давления, который в процессе коммуникации вынуждает объект воздействия подчиняться более сильному партнеру.

К жесткой силе обычно относят вооруженное, экономическое и административное давление. В отличие от жесткой власти *soft power* не воспринимается в ка-

³³¹ Там же. С. 62-63.

³³² Там же. С. 115.

честве силы, которая действует извне. Мягкая сила – это власть, которая реализуется в форме дискурсивно-коммуникативного воздействия, в процессе которого диктуемое поведение воспринимается реципиентом как собственный свободный и добровольный выбор, приносящий, к тому же, подверженному аттрактивному воздействию субъекту радость и удовольствие.

Дискурсивные практики *soft power* наиболее активно применяются в такой области как бренд-имиджевая коммуникация. Данный вид коммуникации направлен на моделирование конкурентоспособных образов конкретных институтов и субъектов посредством специализированных технологий имиджирования, брендинга, медийного фрейминга, медиакультурного импринтинга³³³ и др.

К основным компонентам «мягкой силы» ее теоретики относят притягательную силу экономического роста и благосостояния страны, привлекательные образы социального строя и моделей развития государства, привлекательность внешнеполитической стратегии и другие ключевые элементы повышения международной конкурентоспособности.

Для Дж. Ная *soft power* означает, прежде всего, совокупность властных ресурсов, позволяющих США осуществлять *мягкую гегемонию* на международной арене. Важным элементом мягкой американской гегемонии он считает массивную коммерческую рекламу вещественных символов Америки, с которыми в годы «холодной войны» ассоциировались представления о новых горизонтах свободы. «Поколение за поколением, – отмечает Най, – молодежь в самых разных европейских странах, – и к западу, и к востоку от «железного занавеса» – открывала для себя новые культурные альтернативы. Простые вещи, вроде синих джинсов, кока-колы или определенной марки сигарет, давали возможность молодому поколению выражать собственное «Я»³³⁴.

Другим испытанным инструментом мягкой гегемонии США является американская поп-культура. Политика адаптации к ней молодых европейцев в период после Второй мировой войны способствовала легкому усвоению гражданами

³³³ Русакова О.Ф. *Soft power: теория, ресурсы, дискурс*. Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2015. С. 7.

³³⁴ Най Дж. «Мягкая» сила и американо-европейские отношения // *Свободная мысль* – XXI. 2004. № 10. С. 34-35.

стран Западной Европы идей и принципов неолиберализма. В итоге, пишет Най, именно воздействие поп-культуры на общественное сознание европейцев помогло Соединенным Штатам в достижении двух важных целей – демократическая реконструкция Европы и создание НАТО. Массовая культура оказала США большую услугу в поддержании их экономического и военного лидерства³³⁵.

Определенным теоретико-методологическим продолжением разработки концепта *soft power* стало представление о том, что современное искусство политического управления состоит в умелом комбинировании двух типов власти – жесткой (*hard power*) и мягкой или гибкой (*soft power*). Сегодня данная идея превратилась в конкретную политическую стратегию, обозначаемую понятием «*smart power*» («умная сила»)³³⁶.

Концепция *smart power*, взятая на вооружение США и рядом других стран Запада, предполагает, что экономическое и военное принуждение необходимо грамотно сочетать с такими неолиберальными ценностными аттракторами как либеральная демократия, свободное перемещение капиталов, товаров и людских потоков, высокоразвитая рыночная экономика. Наиболее быстрым и эффективным способом внедрения данных ценностей посредством стратегии *smart power* для неолиберальных идеологов является технология под названием «цветная революция»³³⁷.

Неолиберальная стратегия «умной силы» получила свою яркую реализацию в практике организации целой серии «цветных революций», проведенных на территории бывшего СССР (Грузия, Украина, Киргизия), а также - в ряде стран Северной Африки (Тунис, Египет, Йемен, Ливия). В 2014 г. агенты неолиберального влияния США и Евросоюза успешно применили стратегию *smart power* при проведении операции государственного переворота на Украине, который в неолиберальных СМИ был обозначен термином «революция достоинства».

³³⁵ Там же.

³³⁶ Русакова О.Ф. *Soft power: теория, ресурсы, дискурс*. Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2015. С.33-43.

³³⁷ Русакова О.Ф., Бочаров А.В., Грибовод Е.Г. Концептуальные основания стратегии цветной революции: теории *soft power*, управляемого хаоса и медиатизации политики // Социум и власть. 2014, № 4 (48). С. 42-47.

В североамериканском неолиберальном дискурсе стратегия smart power и технология «цветных революций» соединены с традиционной идеей американского мессианства. Ее составными элементами являются: представления о США как об уникальном и единственном международном лидере сил общественного прогресса; убежденность в необходимости форсированного внедрения демократических институтов и идеалов в государственно-политические системы, пребывающие в стадии авторитаризма; рассмотрение системы американских ценностей в качестве универсальных принципов общественного жизнеустройства; обоснование стратегии глобальной американизации³³⁸.

Идею американского мессианства теоретически подкрепляет концепция управляемого хаоса, разработанная американскими специалистами Стивеном Манном и Джином Шарпом. Данная концепция легла в основу рационального обоснования стратегии «цветной революции».

Стивен Манн, известный как эксперт по СССР, России и современному постсоветскому пространству, предлагает отказаться от методологии классического стратегического мышления, которое описывает социальный конфликт в терминах причинно-следственных связей, и перейти к методологии нелинейной динамики, к многофакторному синергетическому анализу. Нелинейность разворачивания политических процессов означает, что многочисленные политические игроки, интерактивно взаимодействуя, могут изменять правила игры, что, в свою очередь, влечет за собой состояние хаоса. Однако, ситуация хаоса может стать контролируемой, если взять на вооружение новую стратегию, опирающуюся на теорию нелинейных динамических систем.

Накопление хаоса, по Манну, может создать благоприятные условия для успешного «заражения» масс вирусом демократии и эффективного управления конфликтами в нестабильной системе. Взяв на вооружение технологию вирусного идеологического инфицирования, США из соображений национальной безопасности будут выбирать для себя государства-мишени, которые станут заражать

³³⁸ Там же. С. 44.

идеями демократического плюрализма, уважения прав человека и т.п. В глобальном расширении пространственных границ передачи вируса дестабилизации Манн усматривает стратегическое преимущество положения США по обеспечению собственной безопасности и условие усиления американской мессианской мощи³³⁹.

Джин Шарп теоретически соединяет концепцию управляемого хаоса со своим учением о технологиях осуществления ненасильственного государственного переворота³⁴⁰. Шарп лично организовывал и консультировал оппозиционные движения на постсоветском пространстве. Благодаря его усилиям по реализации технологий ненасильственного воздействия был ускорен процесс выхода из состава СССР республик Прибалтики, произошло свержение правительства Э. Шеварднадзе в 2003г., приведен к президентской присяге В. Ющенко в Украине в 2004г., свергнуты президенты Киргизии А. Акаев (2005г.) и К. Бакиев (2010г.)³⁴¹.

Согласно установкам неолиберализма, на смену старой колониальной концепции «разделяй и властвуй» приходит современная доктрина «управляемого хаоса», которая логически подкрепляется стратегией гибкого комбинирования (в зависимости от текущих политических задач и интересов сил влияния) инструментов мягкой и жесткой силы. Под лозунгом демократизации государств неолибералы организует политический хаос, используя внешние и внутренние инструменты дестабилизации. В ситуации такого организованного хаоса сегодня находится громадный регион, включающий Ирак, Ливию и Сирию.

Неолиберальные стратегии управляемого хаоса и *smart power* нередко находят свою реализацию в политике двойных стандартов, согласно которой происходит определенная выборка в использовании инструментов «мягкой» и «жесткой» силы. Так, к примеру, в отношении новой политической элиты Украины, пришедшей к власти в результате государственного переворота, США и их союзники ста-

³³⁹ Там же. С. 45.

³⁴⁰ Шарп Дж. От диктатуры к демократии. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. 224 с.

³⁴¹ Русакова О.Ф., Бочаров А.В., Грибовод Е.Г. Концептуальные основания стратегии цветной революции: теории *soft power*, управляемого хаоса и медиатизации политики // Социум и власть. 2014. № 4 (48). С. 45.

раются использовать главным образом инструменты мягкого воздействия, а в отношении России, оказавшей поддержку оппозиционным силам в Крыму и на Юго-Востоке Украины, – инструменты *hard power* в виде санкций и финансового давления.

Важно отметить, что *в неолиберальной внешней политике стратегия smart power довольно часто соединяется со стратегией цветных революций, что, в свою очередь, предполагает использование на практике сложной и разветвленной системы политических технологий.*

В этой связи мы вполне разделяем позицию тех авторов, которые рассматривают цветные революции как сумму разнообразных технологий по деконструкции политических систем, технологий мобилизации протестных масс, управления толпой, организации когнитивных и информационных атак на общественное сознание с целью разрушения неудобных для организаторов революций политических структур, символов, дискурсов и замены их на новые³⁴².

При этом, заметим, что в современной литературе нередко ставится знак тождества между мягкой силой и технологиями цветных революций. Данная логическая операция, на наш взгляд, не совсем правомерна. У мягкой силы, как и у «умной», диапазон применения очень широк: он включает многообразные формы аттрактивного влияния, к которым относятся, к примеру, продвижение культурных и гуманитарных ценностей, социальная помощь и поддержка, миротворчество, академический обмен и др.³⁴³

Неверно считать, что разнообразные инструменты мягкой силы автоматически «работают» на организацию цветных революций. *Важна не технологическая*

³⁴² Манойло А. В. Проблемы демонтажа политических режимов в современном мире [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://nic-pnb.ru/articles/problemy-demontazha-politicheskix-rezhimov-v-sovremennom-mire/>; Овчинский В.С., Сундиев И.Ю. Организационное оружие: функциональный генезис и система технологий XXI века (доклад Изборскому клубу) [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/1466/>; Пономарева Е. Секреты «цветных революций»: Современные технологии смены политических режимов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://omiliya.org/article/sekrety-tsvetnykh-revolutsii-sovremennye-tekhnologii-smeny-politicheskikh-rezhimov-elena-ponomareva>

³⁴³ Русакова О.Ф. *Soft power: теория, ресурсы, дискурс*. Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2015. С. 10-49.

форма, а содержание, то есть, стратегически-ценностное наполнение инструментов влияния. С нашей точки зрения, инструменты мягкой силы подобны атомному оружию, которое можно использовать как в мирных, так и в разрушительных целях. Все зависит от того, какие цели преследуют силы, взявшие данные инструменты на вооружение. Если они оказываются в руках тех, кто выступает с позиций мессианства США и за переделки под неолиберальный глобальный проект государств, чьи режимы не укладываются в формат данного проекта, то тогда soft power и smart power превращаются в технологии цветных революций. Мы также согласны с точкой зрения, согласно которой, отождествление мягкой силы с технологиями цветных революций не правомерно, ибо заставляет считать цветные революции мягким вариантом организации государственного переворота и потому менее опасной формой воздействия на режимы: «Цветные революции – не мягкая сила; это инструменты взлома демократических режимов переходного типа, скопированных с англосаксонских образцов западными странами, которые имеют признаки имитационности»³⁴⁴.

В ходе анализа большого числа работ, посвященных технологиям цветных революций, мы обнаружили, что во многих из них совсем не отмечен тот факт, что разработчиками данных технологий выступают представители неолиберальных школ и направлений, что *именно неолиберальные силы являются главными менеджерами цветных революций.* Исследователи, как правило, говорят о неких абстрактных англосаксах³⁴⁵, об американских ученым и технологах³⁴⁶.

Ближе всех к раскрытию неолиберального характера цветных революций, на наш взгляд, подошли Е.Г. Пономарева, О.Ф. Русакова, А.В. Бочаров, Е.Г. Грибовод. Так Е.Г. Пономарева в своей статье отмечает: «Сегодня не нужно быть сторонником теории заговора, чтобы констатировать факт моделирования политических событий в различных регионах мира в зависимости от интересов ведущих

³⁴⁴ Манойло А. В. Проблемы демонтажа политических режимов в современном мире [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://nic-pnb.ru/articles/problemy-demontazha-politicheskix-rezhimov-v-sovremennom-mire/>

³⁴⁵ Там же.

³⁴⁶ Почепцов Г. Революция.com. Основы протестной инженерии. М.: Европа, 2005. 532 с.

игроков мировой политики. К ним относятся как государства, прежде всего США, так и наднациональные структуры – ЕС, НАТО, МВФ, крупные ТНК, ну и, конечно, западные элитные группы. В современных условиях борьба за ресурсы, территории и влияние становится все изощреннее. Под покровом красивых фраз о демократии, правах человека, свободе и толерантности происходит фактическое уничтожение суверенных государств, представляющих для Запада геостратегический или экономический интерес. Технологии «цветных революций» (ЦР) занимают особое место в этой борьбе, не прекращающейся с момента становления капиталистической системы. Они позволяют успешно менять политический режим практически в любой стране, с любой формой правления и государственного устройства»³⁴⁷.

Вполне определенно о неолиберальной сущности цветных революций, а также о том, как применяются инструменты soft power в руках их организаторов говорится в совместной статье О.Ф. Русаковой, А.В. Бочарова и Е.Г. Грибовод. Авторы пишут: «Концепция soft power, взятая на вооружение США и странами Запада, предполагает, что в состав инструментов «мягкого» международного влияния следует включить такие ценностные аттракторы, как либеральная демократия и высокоразвитая рыночная экономика. Наиболее быстрым и эффективным способом «мягкого» внедрения данных ценностей является цветная революция»³⁴⁸.

Для нашего исследования принципиальным является положение о том, что именно неолиберализм является главным сценаристом и организатором запуска глобального проекта серийных цветных революций, разработчики которого оснастили его определенным технологическим арсеналом.

Перейдем далее к конкретному рассмотрению новейших технологий, которые используются в качестве инструментария цветных революций, который, по сути,

³⁴⁷ Пономарева Е. Секреты «цветных революций»: Современные технологии смены политических режимов [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://omiliya.org/article/sekrety-tsvetnykh-revoljutsii-sovremennye-tehnologii-smeny-politicheskikh-rezhimov-elena-ponomareva>

³⁴⁸ Русакова О.Ф., Бочаров А.В., Грибовод Е.Г. Концептуальные основания стратегии цветной революции: теории soft power // Социум и власть. 2014. № 4 (48). С. 43.

выступает сложносоставным оружием государственных переворотов, совершаемых в интересах неолиберальных сил.

Прежде чем цветная революция перейдет в фазу непосредственного государственного переворота, ей должен предшествовать подготовительный этап, предполагающий одновременный запуск целой серии программ и технологий, которые можно разделить на 3 основных комплекса.

Комплекс 1. Включает запуск *программ вербовки, мобилизации и поддержки агентов неолиберального государственного переворота*, к которым следует в первую очередь, отнести разнообразные НПО (неправительственные организации) и НКО (некоммерческие организации), молодежные организации, круги неолиберально-настроенной политической, экономической, интеллектуальной и медийной элиты. «Не меньшее, а иногда даже большее значение имеет вербовка работников «идеологического фронта» – журналистов, ученых, публицистов, а также блогеров, относящих себя к интеллигенции», – отмечает Е.Г. Пономарева³⁴⁹. При этом в качестве технологии «используются так называемые механизмы тщеславия. Например, нужного человека можно пригласить на заседания Трехсторонней комиссии или Бильдербергского клуба (А. Чубайс, Л. Шевцова, Е. Ясин) или дать должность ведущего исследователя, скажем, Королевского института международных отношений – более известного как Чатэм-Хаус (Л. Шевцова)»³⁵⁰. Американцы разработали эффективную формулу вербовки оппозиционно настроенных граждан под названием MICE (Money – Ideology – Compromise – Ego). В русском переводе – «Деньги – Идеология – Компромат – Эго». Это те основные «крючки», на которые можно «подсадить» и «зацепить» группы людей для использования их в качестве разрушителей режима³⁵¹.

³⁴⁹ Пономарева Е. Секреты «цветных революций»: Современные технологии смены политических режимов [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://omiliya.org/article/sekrety-tsvetnykh-revoljutsii-sovremennye-tehnologii-smeny-politicheskikh-rezhimov-elena-ponomareva>

³⁵⁰ Там же.

³⁵¹ Там же.

Основная технология вербовки критически настроенных к власти НПО и НКО – подсаживание за зарубежные гранты. К примеру, в России активность либерально настроенных НПО и НКО оплачивают Фонды Форда и Макартуров, Национальный фонд поддержки демократии (NED), Национальный демократический институт (NDI), Международный республиканский институт (IRI), Агентство США по международному развитию (USAID), Институт «Открытое общество» (OS)³⁵².

Зарубежные специалисты по работе с общественными организациями в целом делятся на две основные группы: а) группы по работе с практиками или «полевые сотрудники», б) группы информационного давления³⁵³.

Так называемыми «полевые сотрудники» выступают наблюдателями на выборах, проводят тренинги для активистов, непосредственно поддерживают контакты с самими активистами во время различных публичных мероприятий и т.д. Именно они отвечают за распределение грантов и координацию протестных акций.

Задачей второй группы, которая курируется такими организациями как «Freedom House» (FH), «Transparency International» (TI), «Human Rights Watch» (HRW), «Reporters Without Borders» (RWB), является создание массивного информационного потока сообщений с целью убеждения мировой общественности в наличии системных, «не совместимых с демократией» нарушений в стране.

Кроме того, в качестве проводников неолиберальных настроений рассматриваются лидеры несистемной оппозиции. Их, как правило, с помощью СМИ стремятся поместить в один ряд с высокорейтинговыми фигурами мирового значения. Представителей оппозиции приглашают для обучения по специальным программам в американские университеты, например, в Йельский университет по программе «Yale World Fellows».

Нередко на роль ударной силы в цветных революциях вербуют представителей разного рода радикальных, ультранационалистических и религиозно-

³⁵² Там же.

³⁵³ Костенко В. США начинают подготовку к «цветной революции» на Украине? [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://kramtp.info/news/12/full/id=24126>

фундаменталистских группировок. Например, на Украине при подготовке к проведению «оранжевой революции», а затем и «Евромайдана» проводилась специальная работа среди объединений украинских националистов и правых радикалов. Данный контингент, как правило, обладает неплохой военной подготовкой и способен оказать силовое давление на правительственные структуры.

В качестве важной революционной силы рассматривается студенческая молодежь, с которой ведется работа по специальным программам. Именно студенты более всех других социальных слоев способны искренне вдохновляться идеями свободы, демократии, европейскими ценностями, мира без границ и т.п. Именно студенты хорошо владеют новейшими сетевыми технологиями коммуникации. Они также являются креативной силой, вырабатывающей оригинальную символику и риторику революционной борьбы.

Во всех «революциях», отмечает Николай Стариков, молодежные организации сыграли уникальную роль. «Во-первых, все массовые акции гражданского участия проводились именно с помощью молодежи (студентов). Во-вторых, молодежные организации выводили на улицы десятки тысяч человек, способных противостоять силовым подразделениям. В-третьих, именно массовое участие студентов создавало вокруг происходивших событий ореол «подлинной революционности», выдавая студенческое движение за общенародное»³⁵⁴.

Первой влиятельной в международном масштабе молодежной организацией, сыгравшей решающую роль в подготовке и экспорте «цветной революции» стала организация «Отпор», созданная в октябре 1998 г. группой студентов-активистов Белградского государственного университета, руководивших студенческими акциями в Сербии в 1991-1992 и 1996-1997 годах. Организация «Freedom House» (ФН) активно курировала данное движение, в частности, передала его активистам для изучения тактики и методов ненасильственной борьбы 5 тыс. экземпляров книги Дж. Шарпа «От диктатуры к демократии»³⁵⁵. Своей главной целью «Отпор»

³⁵⁴ Стариков Н. Первый доклад «Антимайдан Аналитика» – «Технологии госпереворота». [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.chelemendik.sk/_____368893203.html

³⁵⁵ Там же.

ставил свержение режима президента страны Милошевича. В августе и сентябре 2000 года для активистов «Отпор» проводились десятидневные сборы в американских посольствах в Болгарии и Румынии, на которых сотрудники ЦРУ и специалисты по пропаганде обучали молодых оппозиционеров политическим технологиям. Одним из тренеров молодежи был полковник армии США в отставке Роберт Хелви, который весной 2000 г. был направлен Международным республиканским институтом (International Republican Institute) преподавать тактику «ненасильственной борьбы» членам «Отпора».

Начиная с 1999 года движению «Отпор» по линии NED было выделено 3 млн. долларов. Через NDI и IRI оно получило дополнительно 4 млн. для реализации программ «От двери к двери» и «Добудь голос». Всего на подготовку «цветной революции» в Сербии различные фонды США ассигновали 40 млн. долларов³⁵⁶. Подобное финансирование позволило организации снимать помещения для своих офисов и существенно расширить свои ряды. Если до 2000 года она действовала в нескольких крупных городах, то в феврале 2000-го в Сербии было уже 160 ее представительств.

К 2000 г. количество членов «Отпора» достигло 100 000 человек³⁵⁷. Отделения «Отпора» открывались рядом с местами, где обычно собирается молодежь (дискотеки, бары, клубы).

Символом «Отпор» стал сжатый кулак на черном фоне, а основными лозунгами, направленными против Милошевича, были: «Gotov je!» («Конец ему!»), «Vreme je!» («Его время истекло!») и «Dosta je!» («Довольно ему!»).

Совместно с 42 неправительственными организациями молодежное движение провело на территории всей Сербии протестную кампанию «Пора!». Пропаганда велась на высоком профессиональном уровне - этой организации помогали ведущие рекламные агентства Сербии, финансируемые напрямую из США.

³⁵⁶ Кузьмин В. Роль США в осуществлении «цветных революций» в зарубежных странах [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://newzz.in.ua/politic/1148836094-rol-ssha-v-osushhestvlenii-cvetnykh-revolucij-v.html>

³⁵⁷ Там же.

После успешной кампании в Сербии «Отпор», продолжая получать деньги с Запада, меняет название на CANVAS («Центр прикладных ненасильственных действий и стратегий») и превращается в своего рода «колледж ЦРУ» по подготовке цветных революций.

Аналогичные молодежные революционные организации при содействии активистов «Отпор» были созданы в Грузии и на Украине.

В апреле 2003 года на базе студенческого движения Тбилисского университета была образована организация «Кмара!» («Хватит!»), сыгравшая немаловажную роль в грузинской революции. У «Отпора» была позаимствована и символика – плотно сжатый кулак. Единственное отличие грузинского варианта состояло в том, что знак «Кмары» – кулак – был изображен не на черном, а на оранжевом фоне. Целью организации стало свержение режима Шеварднадзе. Для этого члены «Кмары» также использовали методы и технологии «ненасильственной борьбы».

Весной-летом 2003 года около 2 тыс. активистов «Кмары» под руководством сербских инструкторов прошли подготовку на специальных семинарах. В июне 2003 года в городке Цхваричамиа (в 15 км от Тбилиси) в бывшем советском пионерлагере проводились трехдневные курсы обучения методам «ненасильственной борьбы» для более 1 тыс. членов «Кмары». Финансировал подготовку OSI³⁵⁸.

С ноября 2003 года ФН финансировал поездку лидеров сербского движения «Отпор» по Украине. Они посетили с лекциями по технологиям и методам ненасильственного сопротивления власти пять крупных украинских городов, участвовали в организации лагерей для украинских активистов. Так 1 августа 2004 года в летнем лагере Евпатории был организован недельный слет 320 молодых украинцев.

В марте 2004 г. накануне президентских выборов на Украине было создано молодежное политическое движение «Пора!». Основными задачами организации были: поддержка оппозиции и борьба против власти в лице президента Леонида

³⁵⁸ Там же.

Кучмы и премьера Виктора Януковича. На официальном сайте движения «Пора» в качестве его вдохновителей, партнеров и советников были названы сербский «Отпор» и грузинская «Кмара»³⁵⁹.

Во время подготовки Евромайдана в 2013 году студенческая молодежь снова выступила в роли инициативного пропагандиста и проводника неолиберальной идеи ненасильственного свержения государственной власти, вдохновляясь туманной перспективой выхода страны в пространство Европейского Союза. Однако события на Майдане развернулись таким образом, что мирный государственный переворот уступил место кровавым событиям – гибелью в феврале 2014 г. около сотни человек. А затем победившая в Киеве революция переросла в гражданскую войну на Юго-Востоке страны.

В целом, программы и технологии, входящие в первый комплекс мер по подготовке цветной революции, можно назвать *рекрутинговыми*. Их главная задача – сформировать в публичном политическом пространстве хорошо скоординированную сеть агентов для осуществления целой серии протестных акций. В этой связи А.В. Монойло отмечает: «Любая цветная революция начинается с формирования в стране организованного протестного движения – основной движущей силы будущей цветной революции ... На первоначальном этапе, до открытого выступления, протестное движение формируется в виде сети, состоящей из конспиративных ячеек, каждая из которых состоит из лидера и трех-четырех состоящих у него на связи активистов. Такие сети объединяют тысячи активистов, составляющих ядро будущего протестного движения. Многие из них перед тем, как стать лидерами ячеек, проходят обучение в специальных центрах, специализирующихся на вопросах содействия демократизации – рекрутируют активистов из молодежной среды, чрезвычайно подвижной и легко увлекаемой»³⁶⁰.

³⁵⁹ Там же.

³⁶⁰ Манойло А. В. Проблемы демонтажа политических режимов в современном мире [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://nic-pnb.ru/articles/problemy-demontazha-politicheskix-rezhimov-v-sovremennom-mire/>

Комплекс 2. Включает *технологии формирования мобильных информационно-коммуникативных систем*, позволяющих оперативно проводить в нужное время и в нужном месте серии протестных акции.

Социальные интернет-сети сегодня являются неотъемлемым мобилизационным ресурсом цветных революций. Считается, что именно интернет-коммуникации сыграли решающую роль в подготовке и проведении цветных революций в странах Ближнего Востока, получивших название «Арабская весна». Во время революционных событий в Египте и Ливии основными способами использования информационных технологий были: организация рассылки руководящих инструкций к действию через электронную почту; создание страниц в социальных сетях, где повстанцы обращались к пользователям с призывом участвовать в массовых демонстрациях. В данной ситуации службы безопасности государства оказались бессильны противостоять новой для них форме организации протестного движения, которое сразу же приобрело лавинообразный, неуправляемый характер. Государственными властями были предприняты попытки временного прекращения работы социальной сети Facebook и сервиса Twitter, однако это не смогло предотвратить использование Сети протестующими - они продолжили пользоваться микроблогами через мобильные приложения, SMS-сообщения³⁶¹.

Следует заметить, что с помощью таких социальных сетей как «Facebook» и «Twitter» осуществляется организация так называемой «умной толпы»³⁶², способной выступить в роли людского формирования быстрого реагирования.

Технология «умной толпы» эффективно применялась, к примеру, в 2013 г., в Киеве при организации действий масс на Евромайдане. О.Ф. Русакова и Е.Г. Грибобод по этому поводу пишут: «Использование данной технологии заключалось в применении определенных инструментов: во-первых, информационные вирусы, мигрирующие из одной социальной сети в другую; во-вторых, смс-атаки; в-

³⁶¹ Юсупова-Фарзиева, Д.М. Информационно-коммуникативные технологии как основа «цветных революций» в современных политиях: автореф. дис. ... канд. полит. наук. 23.00.02 [Электронный ресурс] / Юсупова-Фарзиева Диана Маликовна. – Пятигорск, 2012. – Режим доступа: URL: <http://pandia.ru/text/77/415/89680.php>

³⁶² Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М.: ФАИР ПРЕСС, 2006. 416 с.

третьих, полноценная информационная война, когда официальная информация приобретала явный перекося, блокировался доступ к каналам, выражающим плюралистическую точку зрения (в Западной Украине не показывали российские каналы). Для привлечения людей на Майдан по сети гуляли разнообразные вирусы, например: «Утром могут начать разгон. Максимальный репост, пожалуйста», «Янукович подписал таможенный союз», «30 ноября на Майдане «Беркут» до смерти забил девушку». Несмотря на ложный характер большинства сообщений основными целями их распространения, с одной стороны, было привлечение внимания к теме Майдана менее заинтересованных и политически нейтральных наблюдателей, а с другой стороны, сплочение людей и эмоциональная подпитка майдановцев для дальнейшей политической борьбы»³⁶³.

Для того, чтобы создать «умную толпу», необходима twitter-революция. «Для этого, – пишут В.С. Овчинский и И.Ю. Сундиев – в социальных интернет-сетях должно быть достаточное количество активных пользователей – *skillful individual*, продвинутых пользователей социальной сети Twitter, Facebook, ВКонтакте, других социальных сетей, а также носителей iPhone и iPadов – для большей мобильности, которая является основным преимуществом пользователя социальной сети. Наличие большого количества пользователей всех гаджетов, имеющих сетевые аккаунты, создаёт необходимую, соответствующую задаче среду. Если таких носителей недостаточно, то, согласно программным установкам по развитию медийного комплекса цветной революции, в пропаганду внедрения и популяризации системы Twitter, iPadов и iPhoneов включаются медийные люди – ньюсмейкеры, известные личности, персоналии. Политики, и деятели культуры заводят аккаунты, СМИ ссылаются на записи в Twitter. Таким образом, осуществляется наращи-

³⁶³ Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики // Научный Ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. Том. 14. Выпуск 4. С. 74.

вание социальной базы, которая формирует психологическую среду для реализации информационной составляющей «цветной twitter-революции»³⁶⁴.

Twitter-революция направлена на мобилизацию политических активистов в пространстве Интернета. Пользователей подключают в рамках данной стратегии к политическим дискуссиям, пытаясь сформировать у них определенное отношение к происходящему в стране. В социальных сетях и микроблогах создаются специальные группы, в которых объединяются совершенно разные люди, имеющие, однако, общие представления о политической жизни в стране. Данные люди могут становиться участниками различных акций, которые организуются уже в оффлайне. Таким образом, стратегия «Twitter-революция», реализуемая вначале лишь в цифровых медиа, получает продолжение в реальной среде³⁶⁵.

Параллельно с нарастанием массового недовольства властью внедряются технологии виртуально-тренировочного плана. И здесь важную роль играют компьютерные игры, приобщающие к алгоритму борьбы с системой власти.

По словам В.С. Овчинникова и И.Ю. Сундиева, первым зафиксированным случаем использования компьютерных игр в качестве технологического оружия цветной революции стала игра Republic on Revolution (2003 г.), которая повествовала о ненасильственной революции в одной из стран, входивших ранее в состав СССР («formed USSR»). Многие ее эпизоды напоминали иллюстрации полезных советов из книги Джина Шарпа «198 способов ненасильственного свержения власти». Следующей стала "Хамське яечко" (2004 год), в которой надо было спасти Украину от Януковича, бросая в него яйцами. В 2005 году волну возмущения и русофобии на Украине вызвало появление на прилавках магазинов компьютерной игры "Операция Галичина", сделанная на основе известного шутера Ghost Recon с пометкой «Новый Addon» на тему "оранжевой революции" на Украине. Авторы

³⁶⁴ Овчинский В.С., Сундиев И.Ю. Организационное оружие: функциональный генезис и система технологий XXI века (доклад Изборскому клубу) [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/1466/>

³⁶⁵ Столяров А.А. Коммуникационные стратегии в политическом PR : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Столяров Александр Андреевич. – М., 2015. 164 с.

игры признавались, что их цель – «создать сеть автономных группировок, ненавидящих Систему и постепенно увеличивающих свои умения и навыки для их последующего применения уже в прямых столкновениях с Системой». В 2010 году решением суда сайт был закрыт, однако почти сразу его эстафету подхватил сайт с игрой «Городские партизаны». В 2013 году Международным центром ненасильственного конфликта (International Center on Nonviolent Conflict – ICNC) и американской медиакомпанией «Йорк-Циммерман» (York Zimmerman и BreakAway Games) состоялась презентация игры "Мощная сила" (A Force More Powerful), которая по замыслу разработчиков должна научить общественных активистов тактике ненасильственного сопротивления и свержения диктаторов³⁶⁶.

В условиях Twitter-революции на смену уличным битвам приходят «сетевые войны», где объектом, которым хотят завладеть, является часть пространства сети. В результате происходит виртуальная эскалация политического конфликта. В свою очередь, сетевые войны выступают важным катализатором протестных настроений, реализуемых уже в оффлайне.

Таким образом, новые информационно-коммуникативные технологии, расширяя пространство медийного управления эскалацией политического конфликта, тем самым формируют момент перехода протестной массы к решающему наступлению на власть в форме государственного переворота.

Комплекс 3. Состоит из *системы технологий, запускающих механизм политики памяти*, связанной с задачей конструирования новой идентичности³⁶⁷, которая помогает избавиться от символического наследия «проклятого режима». В целом, политику памяти можно определить, как стратегию управления коллективной памятью народа³⁶⁸.

³⁶⁶ Там же.

³⁶⁷ Малинова О. Политика памяти в постсоветской России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://postnauka.ru/video/41333>

³⁶⁸ Русакова О.Ф. Современная политическая философия: предмет, концепты, дискурс. Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2012. С. 238-245.

Технологии политики памяти в периоды подготовки перехода к новому неолиберальному устройству общества представляют собой совокупность следующих приемов:

- 1) отождествление неудобного режима с тоталитарной системой, от которой следует обязательно избавиться;
- 2) формирование образа собственного народа как жертвы тоталитарного режима;
- 3) создание музеев тоталитарных режимов и памятников их жертвам;
- 4) героизация исторических персонажей, которые вели борьбу с тоталитарным режимом; создание нового пантеона национальных героев³⁶⁹;
- 5) переинтерпретация символов существующей власти, «борьба с памятниками» и старой символикой;
- 6) пропаганда в СМИ новых версий национальной истории.

Указанные приемы прошли свою апробацию в период «цветных революций» в Венгрии (1956 г.), в Чехословакии (1968 г.), а также в период неолиберальных реформ в странах Восточной Европы и в России в начале 1990-х гг.

В России в период неолиберальных реформ и в последующие годы (вплоть до настоящего времени) в рамках нового официально курса политики памяти, активно шел процесс десоветизации и декоммунизации отечественной истории. Эта политика проявила себя, прежде всего, в отказе от формулы «Великая Октябрьская социалистическая революция», в игнорировании очевидного для многих граждан мира всемирно-исторического значения Октябрьской революции. Данная политика осуществлялась также в форме дискредитации ключевых фигур и героев советской истории. В русле неолиберальной политики памяти из праздничного календаря страны был выброшен день 7 ноября как день Великого Октября.

Особенно большие усилия предпринимаются неолиберальными кругами для дискредитации исторической роли основателя Советского государства В.И. Ленина. Ежегодно раздаются требования о выносе тела Ленина из мавзолея. Кроме то-

³⁶⁹ Русакова О.Ф., Русаков В.М. Агональный дискурс современной политики памяти // Дискурс-Пи. 2015. № 1 (18). С. 11.

го, с завидным постоянством неолибералы требуют освободить Красную площадь от «кладбища» вдоль Кремлевской стены, где захоронены видные советские деятели. С не меньшим усердием продолжается процесс переименований улиц и объектов, напоминающих о коммунистических деятелях, о большевистском и советском прошлом.

Наконец технологии неолиберального переосмысления советской истории привели к отождествлению советского режима с тоталитаризмом. При этом особо подчеркивается сходство между гитлеровским национал-социализмом и сталинским коммунизмом. Следствием такой логической процедуры является умаление роли СССР в победе над фашизмом во Второй мировой войне.

Особенно эффективно технологии политики памяти применяются на Украине в течение последних пятнадцати лет. Запущенная еще в начале 2000-х гг. программа памяти жертв Голодомора подготовила украинскую общественность к восприятию России как враждебного государства, проводившего в 1930-х гг. политику геноцида украинского народа. Враждебный дискурс в отношении России был использован для пропаганды особого пути исторического развития Украины, что позволило внедрить в массовое сознание идею о необходимости выхода Украины из СНГ и ее интеграции с Евросоюзом.

Враждебный дискурс в отношении России в ходе подготовки цветной революции оттачивался в шествиях и маршах, в текстах массовых речевок («Кто не скачет – тот москаль»), в акциях по осквернению и сносу памятников советским деятелям и героям, получивших в украинских СМИ название «ленинопад».

Программа десоветизации и декоммунизации с повышенной энергией продолжила свою реализацию на Украине и после свершения государственного переворота. В марте 2015 г. президент П.А. Порошенко подписал Указ "О мероприятиях празднования в 2015 году 70-й годовщины Победы над нацизмом в Европе и 70-й годовщины окончания Второй мировой войны", в тексте которого отсутствуют термины «Великая Отечественная война», «Советский Союз», «советские воины», «Красная армия», а ветераны войны, воевавшие в рядах советской армии, уравниваются по своему вкладу в борьбе с нацизмом с ветеранами «украинского освобо-

дительного движения времен Второй мировой войны». Согласно Указу, на Украине вводится новый государственный праздник – День памяти и примирения, который следует отмечать 8 мая. Дата нового праздника призвана символически обозначить интеграцию Украины в Европу, поскольку в Европе день Победы отмечается не 9 мая как в России, а 8 мая³⁷⁰.

Данным указом официальный Киев демонстрирует западным покровителям свою преданность европейским неолиберальным ценностям и идеалам.

Обобщая сказанное, выделим следующие принципиальные положения:

1. Международные неолиберальные силы являются главными сценаристами и организаторами запуска глобального проекта по реализации целой серии цветных революций, которые они оснащают многообразным технологическим арсеналом.

2. Теоретико-методологическими основами организации и технологического обеспечения неолиберальных цветных революций являются: теория управляемого хаоса, теория ненасильственного государственного переворота, теории soft power и smart power, теория «умной толпы».

3. На подготовительном этапе, предшествующем неолиберальному перевороту усилия специалистов и консультантов направлены на формирование и практическое использование трех основных технологических комплексов: 1) комплекс технологий вербовки, мобилизации и поддержки агентов неолиберального влияния; 2) технологический комплекс, связанный с формированием мобильных информационно-коммуникативных систем, позволяющих оперативно устраивать массовые акции, организовывать «умную толпу», производить виртуальные тренировки политических боев; 3) комплекс технологий политики памяти, направленных на формирование новой идентичности, на борьбу с символами прошлого, на закрепление в массовом сознании представления о необходимости выбора неолиберального вектора развития.

³⁷⁰ Официальный сайт Президента Украины. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.president.gov.ua/documents/19104.html>

Заключение

В ходе проведенного исследования были достигнуты основные цели и задачи работы. В первой главе получили свое освещение вопросы, позволяющие раскрыть содержательные аспекты понятия «неолиберализм», выявить основные теоретико-методологические подходы к интерпретации данного понятия, зафиксировать многообразие теоретических форм неолиберализма, систематизировать критические оценки феномена неолиберализма и практики неолиберальной глобализации, выявить этапы превращения неолиберализма в доминирующее политическое направление и в доминирующий дискурс и доминирующую политическую трансформационную силу.

Обращаясь к разнообразным теоретическим источникам по истории неолиберализма, мы пришли к выводу, что неолиберализм возник в ответ на интеллектуальный и социально-политический запрос о выработке идейной альтернативы, с одной стороны, теории и практики социализма, а с другой, – кейнсианству с его идеей социального государства. Важную роль в идеологическом и институциональном оформлении неолиберализма в качестве самостоятельного идейно-политического течения сыграли Коллоквиум Липпмана (1938) и Общество Мон-Пелерин (1947), которые послужили объединению разнообразных научных школ, развивающие идеи созвучные новому течению в либерализме. Участники данных форумов вдохновлялись идеями свободы, борьбы с тоталитарными режимами, созданием условий для свободного развития конкурентной среды, выступали за устранение административных и иных барьеров для международного развития рынков, для свободы потребительского выбора и т.д. Большую роль в качестве идейного вдохновителя и организатора неолиберального сообщества сыграл Фри-

дрих Август фон Хайек, который выдвинул концепцию либерального капитализма и резко критиковал идеи планового управления экономикой и социальной справедливости.

Начиная с 1950-х годов, неолиберализм постепенно превращается во влиятельную силу, осуществляющую интервенцию во властные структуры США и стран Западной Европы, формируется целая сеть «фабрик мысли» продвигающая идеи неолиберализма в мировое интеллектуальное пространство. Одним из таких центров становится Чикагский университет (США), на базе которого возникла знаменитая школа Милтона Фридмана – школа монетаристского неолиберализма.

С учетом того, что в период после Второй мировой войны неолиберализм получил свое распространение в форме разнообразных национальных школ, исследовательских направлений и центров, нами было предложено следующее его определение: Неолиберализм как идейно-политический феномен является полиморфным интеллектуальным и сетевым институциональным образованием; базовыми постулатами неолиберализма являются: дерегуляции рынка, приоритет конкурентного рыночного начала, снятие государственных барьеров в развитии корпораций и торговли, приватизация государственной собственности, коммерциализация социального сектора, инвестирование в человеческий капитал как условие формирования системы компетенций рыночных акторов.

В последней трети XX-го века, во многом благодаря деятельности многочисленных фабрик мысли, бизнес-школ, университетских исследовательских центров, продвигающих воззрения и принципы неолиберализма, данное направление начинает постепенно превращаться в доминирующее идейно-политическое течение в интеллектуальном пространстве США и стран Западной Европы. В конце 1970-х–начале 1980-х гг. наблюдается феномен сращивания неоконсерватизма с неолиберализмом. Данный феномен получил свое воплощение в политических практиках, получивших название «тэтчеризм» и «рейганомика».

Неолиберализму удалось сформировать в последние десятилетия XX-го века в странах Запада общественный консенсус между элитой и широкими социальными

слоями, прежде всего, благодаря успешному продвижению ценностей общества потребления.

Значимым этапом в превращении неолиберализма в глобальную политико-экономическую доктрину стало образование Вашингтонского консенсуса в 1989 г., предложившего мировой общественности программу действий для создания глобального рынка. Это был, по сути, неолиберальный манифест экономической глобализации.

В качестве предмета специального исследования неолиберализм оказался в фокусе внимания уже в 1930-е гг. прошлого века. Однако, наибольший вклад в теоретическое осмысление сущности, мировоззренческой базы, разнообразных форм неолиберальной мысли и его политических практик внесли, на наш взгляд, такие мыслители как М. Фуко и Д. Харви.

В своих лекциях, прочитанных в Коллеж де Франс и опубликованных под названием «Рождение биополитики» (1978-1979) Фуко подробно проанализировал базовые характеристики неолиберализма, выделил особенности его национальных форм. Общими моментами, объединяющих неолибералов разных школ, согласно Фуко, являются: анти-кейнсианство; критика плановой экономики и государственного интервенционализма; перенос акцента с принципа свободного обмена на принцип свободной конкуренции и др. Сам Фуко довольно критически относится к идеям неолиберализма, справедливо замечая, что за неолиберальной риторикой о рыночных свободах неолибералы маскируют свою приверженность к государственному администрированию, направленному на тотальное распространение в обществе принципов конкурентной игры.

В работе Д. Харви «Краткая история неолиберализма», впервые опубликованной в 2005 г. и ставшей, по сути, настольной книгой для всех критиков неолиберальной доктрины, дается глубокий анализ становления и развития данной доктрины, раскрываются базовые черты неолиберального государства, рассматриваются национальные модели неолиберализма.

В нашем исследовании был проведен специальный анализ основных критических подходов к пониманию неолиберальной глобализации. На основе изучения

многочисленных теоретических источников мы выделили два основных критических подхода: умеренный и радикальный. Для умеренного подхода характерно стремление к совершенствованию, улучшению неолиберальной модели глобализации. Сторонники же радикального подхода стремятся к выработке альтернативной неолиберализму модели глобализации.

При рассмотрении разнообразных критических подходов к неолиберальной глобализации мы задались вопросом: почему, несмотря на вполне обоснованную и конструктивную международную критику неолиберализма, и в России и в целом ряде других стран, неолиберальные реформы не прекращаются, а упорно претворяются в жизнь? В поиске ответа на данный вопрос мы пришли к выводу, что все дело в том, что неолиберализму на протяжении всех лет его идейно-политического господства удалось наладить воспроизводство человека особого типа, которого Фуко обозначил понятием «*Homo Economicus*». Данный тип наделен особым мышлением, ценностным ядром которого является маркетинговая ориентация на коммерческий успех и рыночную конкурентоспособность. Будучи продуктом потребительского общества и «рабом» маркетинговой парадигмы, он воспринимает социальную реальность, в которой господствуют неолиберальные правила жизни как единственно для себя возможную. Общий наш вывод таков: неолиберализм не утратит своего господства, пока его ценностные установки будут господствовать как во властных элитах, так и в широком массовом сознании.

В нашем исследовании мы также постарались раскрыть трансформационную функцию неолиберального дискурса, показать, какие трансформации претерпевают государственные и демократические институты на пути превращения их в неолиберальную модель. Нами было установлено, что неолиберальная модель трансформации государства как политического института опирается на концепцию десувверенизации, поскольку неолибералы считают, что в условиях глобализации и глобального управления идея суверенного национального государства является глубокой архаикой. На смену национальному государству должно прийти космополитическое государство, интегрированное в систему глобальных транс-

национальных коммуникаций, и делегирующее свои функции международным объединениям.

Процессы неолиберальной трансформации государственного управления связаны с возникновением особого класса неолиберальных управленцев, получивших в современной литературе название «глобальный управляющий класс». Основными чертами образа мысли данного класса являются: политический и потребительский космополитизм; отношение к образованию как системе формирующей квалифицированного потребителя; отношение к народу как к объекту политических манипуляций; страх перед прямой демократией и др.

При раскрытии особенностей российского неолиберализма нами было установлено, что его главной особенностью является гибридный характер. Под гибридностью нами понимается противоречивое соединение в российском официальном дискурсе элементов, репрезентирующих неолиберальные идейно-стратегические установки и ценности, с концептами и ценностями, характерными для социалистического мышления.

В работе были представлены в довольно большом объеме критические размышления, касающиеся российского неолиберализма, видного государственного деятеля и ученого Евгения Максимовича Примакова. Мы полностью разделяем его позицию и считаем, что с одной стороны, в политическом курсе страны наметился позитивный тренд в сторону сокращения издержек неолиберальных трансформаций, учета настроений и ожиданий большинства российских граждан но, с другой стороны, во властных структурах нашей страны продолжают оставаться фигуры, которые не собираются сойти с неолиберального курса и настаивают на дальнейшем продолжении рыночного реформирования общества посредством тотальной приватизации, сокращения социальных программ, оптимизации системы здравоохранения и образования и т.д. Российский неолиберализм, несмотря на констатирование многими авторами его критического состояния, не собирается уходить с политической сцены страны. А это значит, что его изучение ждет своего продолжение.

Конечно, в представленной работе мы не смогли охватить все волнующие исследователей вопросы, связанные с изучением трансформационного влияния неолиберализма на политические институты и процессы, а также вопросы, связанные с раскрытием его трансформационной функции в дискурсивной и аксиологической сферах. Говоря о том, что неолиберализм выступает важным фактором политических трансформаций, мы имели также в виду, что трансформируется с учетом новых трендов и сам неолиберализм как система взглядов и стратегических установок. Данный поворот темы тоже нуждается в новых научных исследованиях.

Библиография

Книги на русском языке

1. Авен, П., Кох, А. Революция Гайдара: история реформ 90-х из первых рук. / П. Авен, А. Кох. – М.: Альпина Пабlishер, 2013. – 471 с.
2. Амин, С. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира / С. Амин / Пер. с англ. Ш. Нагиба, С. Кастальского. – М.: Европа, 2007. – 168 с.
3. Арон, Р. Эссе о свободах / Р. Арон / Пер. с франц. Н.А. Руткевич. – М.: Праксис, 2005. – 208 с.
4. Аттали, Ж. Мировой экономический кризис... А что дальше? / Ж. Аттали. – СПб.: Питер, 2009. – 176 с.
5. Бауман, З. Глобализация / З. Бауман. – М.: Весь мир, 2004. – 188 с.
6. Бауман, З. Текущая современность / З. Бауман / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
7. Бенуа, А. де. Против либерализма: к четвертой политической теории / А. де Бенуа / Пер. с фр. под ред. А. Дугина. – СПб.: Амфора, 2009. – 476 с.
8. Блюмин, И.Г. Критика буржуазной политической экономии. Том 3. Кризис современной буржуазной политической экономии / И.Г. Блюмин. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. – 380 с.
9. Бобровников, А.В. Латинская Америка: новые вызовы и пути модернизации / А.В. Бобровников. – М.: Спутник+, 2004. – 360 с.
10. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.

11. Болтански, Л., Кьяпелло, Э. Новый дух капитализма / Л. Болтански, Э. Кьяпелло. / Пер. с фр. под ред. С. Фокина. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 976 с.
12. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира: социология XXI века / И. Валлерстайн / Пер. с англ. под ред. В.И. Иноземцева. – М.: Логос, 2003. – 368 с.
13. Ван Дейк Т. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. Ван Дейк / Пер. с англ. Е.А. Кожемякина, Е.В. Переверзева, А.М. Аmatoва. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.
14. Гайдар, Е.Т. Гибель империи. Уроки современной России. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. – 448 с.
15. Грей, Дж. Фальшивое очарование. Глобальный капитализм / Дж. Грей. – М.: Праксис, 2011. – 231 с.
16. Давыдов, В.М. Неолиберальная перестройка и ее последствия в Латинской Америке / В.М. Давыдов // Латинская Америка в современной мировой политике / Отв. ред. д.э.н. В.М. Давыдов. – М.: Наука, 2009. – 581 с.
17. Давыдов В.М., Бобровников А.В., Теперман В.А. Феномен финансовой глобализации / В.М. Давыдов, А.В. Боровников, В.А. Теперман. – М.: ИЛА РАН, 2000. – 204 с.
18. Делягин, М.Г. Реванш России. Наше будущее зависит от нас / М.Г. Делягин. – М.: ЭКСМО, 2008. – 448 с.
19. Дугин, А.Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века / А.Г. Дугин. – СПб.: Амфора, 2009. – 352 с.
20. Ждановская, А.А. Куда ведут Россию МВФ, Всемирный Банк и ВТО? : Кн.1. Механизмы создания зависимости / А.А. Ждановская. – М: Ленанд, 2015. – 256 с.
21. Ждановская, А.А. Куда ведут Россию МВФ, Всемирный Банк и ВТО? : Кн.2. Россия в неолиберальной петле / А.А. Ждановская. – М: Ленанд, 2015. – 264 с.
22. Жижек, С. Накануне Господина: сотрясая рамки / С. Жижек. – М.: Европа, 2014. – 280 с.

23. Жижек, С. О насилии / С. Жижек. – М.: Европа, 2010. – 184 с.
24. Жиру, А. Зомби-политика и культура в эпоху казино-капитализма / А.А. Жиру. – Х.: Гуманитарный Центр, 2015. – 284 с.
25. Жувенель Б. де. Власть. Естественная история ее возрастания / Б. де Жувенель / Пер. с франц. В.П. Гайдамака, А.В. Матешук. – М.: Мысль, 2011. – 546 с.
26. Заславская, Т.И. Избранные произведения. Т.2. Трансформационный процесс в России: в поиске новой методологии / Т.И. Заславская. – М.: Экономика, 2007. – 591 с.
27. Ильин, М.В. Государство-нация и исторические трансформации мирового устройства / М.В. Ильин // Мегатренды: основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке: учебник / Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. – М.: Аспект Пресс, 2014. – 574 с.
28. Кагарлицкий, Б.Ю. Неолиберализм и революция. / Б.Ю. Кагарлицкий. – М.: Полиграф, 2013. – 256 с.
29. Каллиникос, А. Антикапиталистический манифест / А. Каллиникос / Пер. с англ. А. Смирнова. – М.: Праксис, 2005. – 192 с.
30. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 606 с.
31. Кимлика, У. Современная политическая философия / У. Кимлика / Пер. с англ. С. Моисеева. – М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. – 592 с.
32. Кляйн, Н. Доктрина шока / Н. Кляйн / Пер. с англ. М.Завалов. – М.: Хорошая книга, 2009. – 656 с.
33. Крауч, К. Странная не-смерть неолиберализма / К. Крауч / Пер. с англ. Д. Кралечкин. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012. – 272 с.
34. Леонтович, В. В. История либерализма в России (1762-1914). / В.В. Леонтович. – М.: Русский путь, 1995. – 505 с.
35. Макферсон, К.Б. Жизнь и времена либеральной демократии / К.Б. Макферсон / Пер. с англ. А. Кырлежева – М.: ГУ ВШЭ, 2011. – 176 с.

36. Мосейкин, Ю.Н. Международный транснациональный капитал в Латинской Америке. / Ю.Н. Мосейкин. – М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2010. – 220 с.
37. Най, С. Дж. мл. Будущее власти: как стратегия умной силы меняет XXI век / С.Д. Най, младший / Пер. с англ. В.Н. Верченко. – М.: АСТ, 2014. – 444 с.
38. Нечаев, А.А. Кризис в России. Кто виноват и что делать? / А.А. Нечаев. – М.: АСТ Астрель, 2009. – 317 с.
39. Панарин, А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке / А.С. Панарин. – М.: Алгоритм, 2004. – 640 с.
40. Попова, А.В. Неолиберальная модель государственного общественного устройства России на рубеже XIX-XX веков / А.В. Попова. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 232 с.
41. Почепцов, Г. Революция.com. Основы протестной инженерии / Г. Почепцов. – М.: Европа, 2005. – 513 с.
42. Рейнгольд, Г. Умная толпа: новая социальная революция / Г. Рейнгольд / Пер с англ. А. Гарькавого. – М.: ФАИР ПРЕСС, 2006. – 416 с.
43. Русакова, О.Ф. Радикализм в России и современном мире: вопросы типологии / О.Ф. Русакова. – Екатеринбург: УрГСХА, 2001. – 352 с.
44. Русакова, О.Ф., Русаков, В.М. PR-дискурс: теоретико-методологический анализ. /О.Ф. Русакова, В.М. Русаков. – Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2011. – 336 с.
45. Русакова, О.Ф., Спасский, А.Е. Что такое политический маркетинг: научно-методическое издание / О.Ф. Русакова, А.Е. Спасский. – Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2004. – 144 с.
46. Соколова, О.В. Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR / О.В. Соколова. – М.: Гнозис, 2014. – 304 с.
47. Стиглиц, Дж.Ю. Глобализация: тревожные тенденции / Дж. Ю. Стиглиц / Пер.с англ. Г.Г. Пирогова. – М.: Национальный общественно-научный фонд, 2003. – 304 с.
48. Тангян, С.А. Неолиберальная глобализация / С.А. Тангян. – М.: Современная экономика и право, 2004. – 240 с.

49. Уткин, А.И. Глобализация: процесс и осмысление / А.И. Уткин. – М.: Логос, 2001. – 254 с.
50. Фридман, М. Капитализм и свобода / М. Фридман. – М.: Новое издательство, 2006. – 240 с.
51. Фридман, М. Свобода выбирать: наша позиция. / М. Фридман, Р. Фридман. – М.: Новое издательство, 2007. – 356 с.
52. Фридмен, М. О свободе. / М. Фридмен, Ф. Хайек. – М.: Социум, 2003. – 182 с.
53. Фуко, М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году / М. Фуко // Пер. с фр. А.В. Дьяков. – СПб.: Наука, 2010. – 448 с.
54. Хайек, Ф. Дорога к рабству /Ф. Хайек / Пер. с англ. М. Гнедовского. – М.: Астрель, 2012. – 303 с.
55. Хабермас, Ю. Расколотый Запад / Ю. Хабермас / Пер. с нем. О.И. Величко, Е.Л. Петренко. – М.: Весь Мир, 2008. – 192 с.
56. Хардт, М., Негри, А. Империя / М. Хардт, А. Негри / Пер. с англ. под ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова. – М.: Праксис, 2004. – 440 с.
57. Харви, Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение / Д. Харви / Пер. с англ. Н.С.Брагиной. – М.: Поколение, 2007. – 288 с.
58. Хелд, Д., Гольдблатт, Д., Макгрю, Э. и Перратон, Дж. Глобальные трансформации: политика, экономика, культура /Д. Хелд, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю, Дж. Перратон / Пер. с англ. В.В. Сапова и др. – М.: Праксис, 2004. – 576 с.
59. Хомский, Н. Прибыль на людях. Неолиберализм и мировой порядок / Н. Хомский / Пер. с англ. Б.М. Скуратова. – М.: Праксис, 2002. – 256 с.
60. Шарп, Дж. От диктатуры к демократии / Дж. Шарп / Пер. с англ. Н. Макаровой. – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. – 72 с.
61. Ясин, Е.Г. Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ / Е.Г. Ясин. – М.: ГУ ВШЭ, 2002. – 437 с.

**Диссертации, авторефераты диссертаций, монографии, статьи и сборники
статей на русском языке**

62. Аблажей, А.М. Концепция неолиберальной науки в западной социальной мысли / А.М. Аблажей // Вестник НГУ. Серия: Философия. – 2012. – Т.10, выпуск 2. – С. 74-81.

63. Аблажей А.М. Неолиберальный контекст постсоветской науки / А.М. Аблажей // Вестник НГУ. Серия: Философия. – 2012. –Т.10, выпуск 3. – 155-160.

64. Аблажей А.М. Неолиберальная трансформация современной науки: российская версия / А.М. Аблажей // Вестник НГУ. Серия: Философия. – 2014. – Т.12, выпуск 4. – С. 40-46.

65. Адамович, С.В. Трансформация государственного института под влиянием процессов глобализации и регионализации / С.В. Адамович // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины, научный и производственно-практический журнал. – 2014. – № 4 (85). – С. 158-161.

66. Алексеева, Т.А. Неолиберальное государство в контексте глобализации / Т.А. Алексеева // Сравнительная политология. – 2011. – № 2. – С. 44-46.

67. Ананьин, О., Хаиткулов, Р., Шестаков Д. Вашингтонский консенсус: пейзаж после битв / О. Ананьин, Р. Хаиткулов, Д. Шестаков // Мировая экономика и международные отношения. – 2010. – № 12. – С. 15-27.

68. Ахиезер, А. Российский либерализм перед лицом кризиса /А. Ахиезер // Общественные науки и современность. – 1993. – №1 – С. 12-21.

69. Белов Д.В. Изменения экономических функций государства: опыт латиноамериканских стран / Д.В. Белов // Мировая экономика и международные отношения. – 1996. – № 6. – С. 121-129.

70. Бузгалин, А.В. Альтерглобализм: в поисках позитивной альтернативы новой империи / А.В. Бузгалин // Век глобализации. – 2008. – № 1. – С. 120-127.
71. Василенко, И.А. Имиджевая стратегия России в контексте мирового опыта / И.А. Василенко // Власть. – 2013. – № 7. – С. 24-28.
72. Василенко, И.А., Абассы, М. Роль политических ценностей в процессе модернизации: опыт России и Польши / И.А. Василенко, М. Абассы // Власть. – 2013. – С. 38-43.
73. Гаджиев, К.С. Размышления о свободе / К.С. Гаджиев // Вопросы философии. – 1993. – № 2. – С. 33-48.
74. Гришин, О.Е., Анохин, М.Г., Гордеев, Л.И. Системные инновации для России / О.Е. Гришин, М.Г. Анохин, Л.И. Гордеев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2013. – № 3. – С.5-12.
75. Глушкова, С.И. Проблема правового идеала в русском либерализме : монография / С.И. Глушкова // Екатеринбург: Издательство Гуманитарного университета, 2001. – 66 с.
76. Давыдов, Ю.П. «Жесткая» и «мягкая» сила в международных отношениях / Ю.П. Давыдов // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2007. – № 1. – С. 3-24.
77. Дардо, П., Лаваль, К. Неолиберализм и капиталистическая субъективация / П. Дардо, К. Даваль // Логос. – 2011. – № 1 (80). – С. 103-117.
78. Дергунова Н.В. Доктрина западноевропейского классического либерализма: история формирования и развития (проблемно-политологический анализ) : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.01 / Дергунова Нина Владимировна. – М., 2001. – 350 с.
79. Донзело, Ж., Годон, К. Управление либеральными обществами – эффект Фуко в англоязычном мире / Ж. Донзело, К. Годон // Логос. – 2008. – № 2 (65). – С. 3-20.
80. Ефременко, Д.В. Вашингтонский консенсус против консенсуса Рио. О конкуренции политических дискурсов глобализации и устойчивого развития / Д.В. Ефременко // Свободная мысль. – 2007. – № 2 (1573). – С. 80-92.

81. Золотарев, С.П. Идеология либерализма как фактор трансформации российской государственности: теория и практика: автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 [Электронный ресурс] / Золотарев Сергей Петрович. – Краснодар. – 2012. – 42 с. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/ideologiya-liberalizma-kak-faktor-transformatsii-rossiyskoj-gosudarstvennosti-teoriya-i-praktika-1#ixzz407zXbz3y>.

82. Кальюни, Э.О. Экономическая стабильность и кризис неолиберализма в Латинской Америке: переосмысление реформ или поиск новой парадигмы развития? / Э.О. Кальюни // Латинская Америка. – 2007. – № 5. – С. 18-27.

83. Капустин, Б.Г., Клямкин, И.М. Либеральные ценности в сознании россиян / Б.Г. Капустин, И.М. Клямкин // Политические исследования. – 1994. – № 1, 2. – С. 68-92.

84. Каримов, А.В. Неолиберальная концепция свободы Ф.А. фон Хайека / А.В. Каримов // Социально-экономические явления и процессы. – Тамбов, 2012. – № 11 (045). – С. 378-382.

85. Каримов, А.В. Неолиберализм Милтона Фридмана как учение о свободе / А.В. Каримов // Социально-экономические явления и процессы. – Тамбов, 2013. – № 3(049). – С. 184-189.

86. Карнаух, В.К. Глобализация: критика неолиберального подхода / В.К. Карнаух // Глобализация в социально–философском измерении : сборник материалов конференции. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. – С. 47-51.

87. Комлева, Н.А. Арабская весна как технологический элемент структуры мирового господства / Н.А. Комлева // Пространство и время. – 2013. – № 1. – С. 18-23.

88. Масалова, Н.А. Концепция гражданской солидарности в идеологии кадетского либерализма: дис. ... канд-та полит. наук : 23.00.02 / Масалова Наталья Алексеевна. – Екатеринбург, 2005. – 129 с.

89. Медушевский, А.Н. Либерализм как проблема современной западной историографии / А.Н. Медушевский // Вопросы истории. – 1992. – № 8-9. – С. 167 - 178.

90. Месснер, Д. Архитектура мирового порядка /Д. Месснер // Международная политика. – 1998. – № 11. – С. 17-24.
91. Мосейкин, Ю.Н. Неолиберальный глобальный проект / Ю.Н. Мосейкин //Журнал экономической теории. – 2009. – № 2. – С. 200-205.
92. Най, Дж. «Мягкая» сила и американо-европейские отношения /Дж. Най //Свободная мысль - XXI. – 2004. – № 10. – С. 34-35.
93. Нарочницкая, Н.А. Американские «аналитические институты» - глаза, уши и совесть Америки / Н.А. Нарочницкая // Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека / Отв. ред. Н.А. Нарочницкая. – СПб.: Алетейя, 2008. – С. 11-22.
94. Никифоров, Л.В. Особенности России и стратегия её развития // Л.В. Никифоров // Концепции долгосрочного экономического и социального развития Польши и России : сборник / Отв. ред. д.э.н. Кузнецова Т.Е., к.э.н. Ширяева Р.И., с.н.с. Гусева М.Б. – М.: ИЭ РАН, 2002. – 365 с.
95. Погорельский, А. Социальный либерализм: перспективы в России / А. Погорельский // Логос. – 2004. – 6 (45). – С. 56-57.
96. Попова, А.В. Русская неолиберальная политико-правовая доктрина как интегральный тип правопонимания в конце XIX – начале XX вв. / А.В. Попова // Политика и Общество. – 2014. – № 2. – С. 167-175.
97. Попова, А.В. Теоретико-правовое исследование неолиберальной политико-правовой доктрины в России (конец XIX - начало XX вв.) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Попова Анна Владиславовна – М., 2014. - 48 с.
98. Римский, В.Л. Справедливость в современной России: мечты и использование в социальных практиках / В.Л. Римский // Общественные науки и современность. – 2013. – № 5. – С. 27-36.
99. Рубцов, А.В. Наказание свободой (смысл и перспективы либеральных традиций в современной России) /А.В. Рубцов // Политические исследования. –1995. – № 6. – С. 10-18.
100. Русакова, О.Ф., Бочаров, А.В., Грибовод, Е.Г. Концептуальные основания стратегии цветной революции: теории soft power, управляемого хаоса и медиати-

зации политики / О.Ф. Русаков, А.В. Бочаров, Е.Г. Грибоводов // Социум и власть. – 2014, – № 4 (48). – С. 42-47.

101. Русакова, О.Ф., Грибовод, Е.Г. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики / О.Ф. Русакова, Е.Г. Грибовод // Научный Ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2014. – № 4. – С. 65-76.

102. Русакова, О.Ф. Дискурс левого поворота / О.Ф. Русакова // Дискурс-Пи. – 2007. – №7. – С. 9-11.

103. Русакова, О.Ф. Кратологическая модель дискурса соблазна / О.Ф. Русакова // Известия Уральского государственного университета. – 2011. – № 4 (97). – С. 135-144.

104. Русакова, О.Ф., Максимов, Д.А. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса / О.Ф. Русакова, Д.А. Максимов // Полис. – 2006. – № 4. – С. 26-43.

105. Русакова, О.Ф. Современная политическая философия: предмет, концепты, дискурс. / О.Ф. Русакова. – Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2012. – С. 238-245.

106. Русакова, О.Ф., Русаков, В.М. Агональный дискурс политики памяти / О.Ф. Русакова, В.М. Русаков // Дискурс-Пи. – 2015. – № 1 (18). – С. 10-20.

107. Русакова, О.Ф., Хмелинин, А.А. Идеологическая мобильность современного неолиберализма: методологический анализ / О.Ф. Русакова, А.А. Хмелинин // Дискурс Пи. – 2013. – № 13. – С. 89-97.

108. Русакова, О.Ф., Хмелинин, А.А. Неолиберальный дискурс: стратегии и технологии конструирования новой субъектности / О.Ф. Русакова, А.А. Хмелинин // Научный Ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2012. – № 12. – С. 259-271.

109. Русакова, О.Ф. Soft power: теория, ресурсы, дискурс / О.Ф.Русакова. – Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2015. – С. 33-43.

110. Сиземская, И., Новикова, Л. Новый либерализм в России / И. Сиземская, Л. Новикова // Общественные науки и современность. – 1993. – № 5. – С. 132-140.

111. Столяров А.А. Коммуникационные стратегии в политическом PR : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Столяров Александр Андреевич. – М., 2015. – 164 с.
112. Третьякова, С.А. Альтерглобализм и неолиберальная глобализация в современном политическом процессе / С.А. Третьякова // Проблемы современной экономики. – 2010. – № 4. – С. 414-415.
113. Филиппов, А. Суверенитет / А. Филиппов // Апология. – 2005. – № 3. – С. 57-58.
114. Фишман, Л.Г. Либеральный консенсус: дрейф от неолиберализма к коммунитаризму? / Л.Г. Фишман // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 4. – С. 152-165.
115. Фуко, М. Дискурс и истина / М. Фуко // Логос. – 2008. – № 2 (65). – С. 159-262.
116. Хмелинин, А.А. Особенности и дискурс российского неолиберализма: становление «гибридной модели» / А.А. Хмелинин // Социум и власть. – 2013. – № 4 (42). – С. 59-64.
117. Шабельник В. В. Неолиберализм и неоконсерватизм в российском и зарубежном политическом дискурсе : дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Шабельник Виктор Владимирович. – Санкт-Петербург, 2006. – 184 с.
118. Шелохаев, В.В. Либеральная модель переустройства России / В.В. Шелохаев. – М.: РОССПЭН, 1996. – 280 с.
119. Шелохаев, В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии, 1907-1914 гг. / В.В. Шелохаев. – М.: Наука, 1991. – 231 с.
120. Шереметьев, И.К., Николаева, Л.Б. Латинская Америка в поисках адекватной модели развития / И.К. Шереметьев, Л.Б. Николаева // Латинская Америка. – 2013. – № 8. – С. 4-17.
121. Шмелев, Н.П. Россия и мировой кризис: назревшие перемены / Н.П. Шмелев // Современная Европа. – 2009. – № 3. – С. 5-15.

Официальные письма, выступления, интервью, комментарии, экспертные доклады, материалы конференций на русском языке

122. Батчиков, С., Кара-Мурза, С. Неолиберальная реформа в России как причина национальной катастрофы [Электронный ресурс] / С. Батчиков, С. Кара-Мурза. – Режим доступа: <http://www.contrtv.ru/common/1582>.

123. Батчиков, К., Кара-Мурза, С. 8-я Международная конференция "Глобализация и развитие" в Гаване (Куба) [Электронный ресурс] / К. Батчиков, С. Кара-Мурза – Режим доступа: <http://www.kara-murza.ru/referat/Neoliberal/neoliberalReform.html>.

124. Беседа с Александром Тарасовым со вступительной статьёй о нём. Смертельная опасность неолиберализма [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://newlit.ru/~lachin/5296-9.html>.

125. Выступление В.В. Путина на Валдае 20.09.2013 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://yablor.ru/blogs/vistuplenie-vv-putina-na-valdae/3038189>.

126. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://ntpp.biz/upload/iblock/f03/20_years_reform_vlfbsonfhkxvop.pdf.

127. Интервью Венди Браун о ее новой книге «Гибель демоса: неолиберальная революция-невидимка» (Undoing the Demos: Neoliberalism's Stealth Revolution) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/15006>.

128. Интервью с А.Р. Кохом о сборнике интервью, составленном П.О. Авеном и А.Р. Кохом и опубликованном под названием «Революция Гайдара. История

реформ 90-из первых рук» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://echo.msk.ru/programs/kazino/1084218-echo>.

129. Костенко, В. США начинают подготовку к «цветной революции» на Украине? [Электронный ресурс] / В. Костенко. – Режим доступа: <http://kramtp.info/news/12/full/id=24126>.

130. Манифест по результатам конференции 30 апреля 2013 г. в Московском государственном университете «Пост-глобализация. Конец неолиберализма и возрождение социального государства» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://1prime.ru/MACROECONOMICS/20130513/763322168-print.html>.

131. Овчинский, В.С., Сундиев, И.Ю. Организационное оружие: Функциональный генезис и система технологий XXI века (доклад Изборскому клубу) [Электронный ресурс] / В.С. Овчинский, И.Ю. Сундиев. – Режим доступа: <http://www.dynacon.ru/content/articles/1466/>

132. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации Президента России Владимира Путина [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://rg.ru/2005/04/26/prezident.html>.

133. Примаков, Е.В. Выступление президента "Меркурий-клуба", академика РАН [Электронный ресурс] / Е.В. Примаков. – Режим доступа: <http://www.nakanune.ru/articles/18521>.

134. Программный документ партии «Единая Россия»: «Россия: сохраним и приумножим!» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://edinros.ru/er/text.shtml?10/9535,110030>.

135. Против государственного протекционизма. Заявление Ю.В.Петухова по случаю вступления в должность Директора-распорядителя Фонда Фридриха фон Хайека [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://hayek.ru/zayav1.html>.

136. Стариков, Н. Первый доклад проекта «Антимайдан Аналитика» - «Технологии государственного переворота» [Электронный ресурс] / Н. Стариков. – Режим доступа: http://www.chelemendik.sk/_____368893203.html.

137. Статья В.В. Путина «Строительство справедливости. Социальная политика для России» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.putin->

itogi.ru/2012/02/13/statya-v-v-putina-stroitelstvo-spravedlivosti-socialnaya-politika-dlya-rossii/

Литература на иностранных языках

138. Arrighi G. The Long twentieth Century: Money, Power and the Origins of Our Times / G. Arrighi. – New York: Verso, 2010. – 432 p.

139. Audier S. Le Colloque Lippmann. Aux origines du néolibéralisme. Latresne: Éditions “Le bord de l’eau”, 2008. – 355 p.

140. Barder A. D. American Hegemony Comes Home: The Chilean Laboratory and the Neoliberalization of the United States [Электронный ресурс] /A.D. Barder. // Alternatives: Global, Local, Political. – 2013. – № 38. – Режим доступа: <http://alt.sagepub.com/content/early/2013/04/18/0304375413486331>.

141. Bobbitt Ph. The Shield of Achilles: War, Peace and the Course of History. L.: Penguin books. XXXVI. – 922 p.

142. Brown, W. Undoing the Demos: Neoliberalism`s Stealth Revolution /W. Brown. – New York: Zone Books, 2015. – 292 p.

143. Brown, W. Neoliberalism poisons everything: How free market mania threatens education and democracy [Электронный ресурс] / W. Brown. – Режим доступа: http://www.salon.com/2015/06/15/democracy_cannot_survive_why_the_neoliberal_revolution_has_freedom_on_the_ropes.

144. Campbell, J.L., Pedersen, O.K. The Rise of Neoliberalism and Institutional Analysis / J.L. Campbell, O.K. Pedersen. – Princeton: Princeton University Press, 2001. – 280 p.

145. Dumenil G., Levy D. Neoliberal Income Trends: Wealth, Class and Ownship in the USA / G. Dumenil, D. Levy // *New Left Review*. – 2004. – №30. – P.105-133.

146. Furcade-Gourinchas M., Babb S. The Rebirth of the Liberal Greed: Paths to Neoliberalism in Four Countries / M. Furcade-Gourinchas, S. Babb // *American Journal of Sociology*. – 2002. – № 108. – P.533-579.

147. Giroux, H.A. On Resisting the Neoliberal Revolution [Электронный ресурс] / H.A. Giroux. – Режим доступа: <http://billmoyers.com/2014/02/21/henry-giroux-on-resisting-the-neoliberal-revolution/>

148. Giroux, H.A. *Zombie Politics in the Age of Casino Capitalism* / H.A. Giroux. – New York: Peter Lang, 2011. – 168 p.

149. Giroux, H.A. *The Terror of Neoliberalism: Authoritarianism and the Eclipse of Democracy* /H.A. Giroux. – Boulder CO.: Paradigm Publishers, 2004. – 192 p.

150. Giroux, H.A. *Against the Terror of Neoliberalism: Politics Beyond the Age of Greed* / H.A. Giroux. – Boulder CO.: Paradigm Publishers, 2008. – 240 p.

151. Gray, J. *False Dawn: The Illusions of Global Capitalism* / J. Gray. – London: Granta Press, 1998. – 272 p.

152. Hedges, C. The End of Literacy and the Triumph of Spectacle [Электронный ресурс] / C. Hedges. – Режим доступа: <http://www.ladoga-park.ru/a100303192320.html>.

153. Hursh, D.W., Henderson, J.A. Contesting global neoliberalism and creating alternative futures / D.W. Hursh, J.A. Henderson // *Studies in the Cultural Politics of Education*. – 2011. – № 32(2). – P. 171-185.

154. Ikenberry G.J. *The Liberal Leviathan: The Origins, Crisis, and the Transformations of American World Order* /G.J. Ikenberry. – Princeton: Princeton University Press, 2011. – 392 p.

155. *Inventories of the Liberaal Archief – New Series* [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.liberaalarchief.be/MPS2005.pdf>.

156. Jameson, F. Notes on globalization as a philosophical issue. / F. Jameson. – London: *Globalization. Critical Concept in Sociology*. – Vol. I. – 2003. – P. 309-328.

157. Manent, P. An Intellectual History of Liberalism / P. Manent. – Princeton: Princeton University Press, 1996. – 142 p.

158. Messner, D. Architektur der Weltordnung: Strategien zur Lösung globaler Probleme / D. Messner // Internationale Politik. – 1998. – № 11. – Z. 17-24.

159. Mincer, J. Investment in human capital and personal income distribution / J. Mincer // Journal of Political Economy. – 1958. – Vol. 66. – P. 281-302.

160. Mirowski P., Plehwe D. The Road from Mont Pelerin. The Making of the Neoliberal Thought Collective [Электронный ресурс] / P. Mirowski, D. Plehwe // London: Harvard University Press, 2009. – Режим доступа: <http://www.thedivineconspiracy.org/Z5259S.pdf>.

161. Navarro, V. Neoliberalism, Globalization and Inequalities. Consequences for Health and Quality of Life / V. Navarro. – New York: Baywood Publishing Company, 2007. – 518 p.

162. Peck, J. Constructions of Neoliberal Reason / J. Peck. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – 324 p.

163. Peck, J., Tickell, A. Neoliberalizing Space / J. Peck, A. Tickell // Antipode. – 2002. – 34/2. – P. 380-404.

164. Prasad, M. The Politics of Free Markets: The Rise of Neoliberal Economic Politics in Britain, France, Germany and United States / M. Prasad. – Chicago: University of Chicago Press, 2006. – 280 p.

165. Ren, H. The Neoliberal State and Risk Society: The Chinese State and the Middle Class / H. Ren // Telos. – 2010. – Summer – P. 105-128.

166. Thorsen, D.E., Lie, A. What is Neoliberalism? [Электронный ресурс] / D.E. Thorsen, A. Lie. – Режим доступа: <http://folk.uio.no/daget/neoliberalism.pdf>.

167. Treanor, P. Neoliberalism: origins, theory, definition [Электронный ресурс] / P. Treanor. – Режим доступа: <http://web.inter.nl.net/users/Paul.Treanor/neoliberalism.html>.

168. Walpen, B. Die offenen Feinde und ihre Gesellschaft. Eine hegemonietheoretische Studie zur Mont Pelerin Society. / B. Walpen. – Hamburg: VSA-Verlag, 2004. – P. 68.

169. Bourdieu, P. What is neoliberalism? A programme for destroying collective structures which may impede the pure market logic [Электронный ресурс] / P. Bourdieu. – Режим доступа: <http://mondediplo.com/1998/12/08bourdieu>.

170. Williamson, J. The Washington Consensus Revisited [Электронный ресурс] / J. Williamson // Washington D.C., 1997. – Режим доступа: <https://inef.uni-due.de/PolitikOn/Williamson.pdf>.

Электронные ресурсы

171. Адамович, С.В. Трансформация государственного института под влиянием процессов глобализации и регионализации [Электронный ресурс] / С.В. Адамович // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2014. – № 4 (85). – Режим доступа: [http://repo.gsu.by/bitstream/123456789/1667/1/34%20Адамович%20%20%20\(158-161\).pdf](http://repo.gsu.by/bitstream/123456789/1667/1/34%20Адамович%20%20%20(158-161).pdf).

172. Алексеева, Т.Н. «Неолиберальное государство» в контексте глобализации [Электронный ресурс] / Т.Н. Алексеева – Режим доступа: http://www.mgimo.ru/files2/z03_2013/alekseeva.pdf.

173. Амин, С. Российско-украинский кризис: Евразийский проект в конфликте с политикой европейской Триады [Электронный ресурс] / С. Амин. – Режим доступа: <http://socialistic.ru/publications/translations/samir-amin-rossijsko-ukrainskijj-krizis/>

174. Бек, У. Конец неолиберализма. Глобальное нашествие террора похоже на Чернобыль мировой экономики [Электронный ресурс] / У. Бек. – Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/2001/11/14/1005765076.html>.

175. Бек, У. Призрак нового космополитизма. Семь тезисов [Электронный ресурс] / У. Бек. – Режим доступа: <http://democratia2.ru/group/96dfe36b-6db0-4605-a539-c1432a358772/content>.

176. Бек, У. Трансформация политики и государства в эпоху глобализации. [Электронный ресурс] / Перевод В.Л. Иноземцева // Свободная мысль-XXI. – 2004. – №7. – Режим доступа: <http://www.politizdat.ru/article/91/>

177. Бетто, Ф. Неолиберализм: новая фаза капитализма [Электронный ресурс] /Ф. Бетто. – Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_2298.html.

178. Богомолов, О.Т. Экономическая глобализация: критический анализ (к выводу книги лауреата Нобелевской премии, профессора Джозефа Стиглица – Joseph E.Stiglitz, *Globalization and its Discontents*, 2002) [Электронный ресурс] / О.Т. Богомолов. – Режим доступа: <http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=2003/4/02>.

179. Большая актуальная политическая энциклопедия под ред. А.Белякова и О. Матвейчева [Электронный ресурс] / А. Беляков, О. Матвейчев. – Режим доступа: <http://politike.ru/dictionary/839/word/neoliberalizm>.

180. Гайдаровский форум – 2016: выступление Германа Грефа [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://evocons.ru/social/gajdarovskij-forum-2016-vystuplenie-germana-grefa.html>.

181. Голдман, М.А. Что мешает становлению цивилизационного рынка в России [Электронный ресурс] / М.А. Голдман. – Режим доступа: http://vasilieva.narod.ru/4_1_00.htm.

182. Грук, Л. Страны Латинской Америки и преодоление неолиберализма. Южноамериканский бунт [Электронный ресурс] / Л. Грук. – Режим доступа: <http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/65171/>

183. Даллакян, К.С. Эрозия суверенитета нации-государства [Электронный ресурс] / К.С. Даллакян. – Режим доступа: http://www.ni-journal.ru/archive/2008/n1_2008/474e3999/2f18e442/index.htm.

184. Делягин, М.Г. Возвращение либерального фундаментализма [Электронный ресурс] / М.Г. Делягин. – Режим доступа: <http://www.ipnpou.ru/article.php?idarticle=009472>.

185. Делягин, М.Г. Почему элиты предают свои народы: особенности либерального сознания [Электронный ресурс] / М.Г. Делягин // Свободная мысль. – 2015. – № 6. – Режим доступа: <http://svom.info/entry/589-pochemu-elity-predayut-svoi-narody-osobennosti-lib/>

186. Боно, Д. «Рыночная демократия». Фридрих фон Хайек, крестный отец ультралиберализма [Электронный ресурс] / Д. Боно. – Режим доступа: <http://www.voltairenet.org/article133511.html>.

187. Досье: Фурсенко Андрей Александрович [Электронный ресурс] // «Аргументы и факты». – Режим доступа: <http://www.aif.ru/dossier/1399>.

188. Ещенко, П.С., Арсеенко, А.Г. «Пекинский консенсус» vs «Вашингтонский консенсус» [Электронный ресурс] / П.С. Ещенко, А.Г. Арсеенко. – Режим доступа: <http://russmir.info/eko/1357-pekinskij-konsensus-vs-vashingtonskij-konsensus.html>.

189. Жиру, А. Неолиберализм и закат демократии: возрождение надежды в Темное Время [Электронный ресурс] / А. Жиру. – Режим доступа: <http://dialogs.org.ua/ru/cross/page6158.html>.

190. Иванов, В. Государство и суверенитет. Спор о суверенитете [Электронный ресурс] / В. Иванов // Русский журнал. – 2009. – Режим доступа: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Gosudarstvo-i-suverenitet>.

191. Игнаткин, О.Б. Проблема либерального равенства в концепции Рональда Дворкина [Электронный ресурс] / О. Б. Игнаткин. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/problema-liberalnogo-ravenstva-v-kontseptsii-ronalda-dvorkina#ixzz40ik0S4rm>.

192. Иоффе, И. Неолиберальное иго (рецензия на выход русского издания книги Дэвида Харви «Краткая история неолиберализма») [Электронный ресурс] / И. Иоффе. – Режим доступа: <http://left.ru/2006/18/ioffe152.html>.

193. Кара-Мурза, С.Г. Неолиберальная реформа в России. [Электронный ресурс] / С.Г. Кара-Муза. – Режим доступа: http://bookz.ru/authors/sergei-karamurza/neoliber_052/1-neoliber_052.html.

194. Катасонов, В. Валютный либеральный фундаментализм - угроза рублю и России [Электронный ресурс] / В. Катасонов // Русский вестник. – 2007. – Режим доступа: <http://protivkart.org/main/6230-valyutnyu-liberalnyu-fundamentalizm-ugroza-rublyu-i-rossii-v-katasonov.html>.

195. Кизима, С.А. Экономические мифы глобализации [Электронный ресурс] / С.А. Кизима // Известия уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. – 2009. – № 1-2 (64). – Режим доступа: <http://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia3/article/view/264/256>.

196. Лэйн, Д. Евразийская региональная интеграция как ответ неолиберальному проекту глобализации [Электронный ресурс] / Д. Лэйн / Пер. с англ. Г.А. Ястребова // Мир России. – 2015. – № 2. – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/hse/2015/04/06/1096340086/mr16_2_1.pdf.

197. Макарычева, М.Г. «Неолиберальная стратегия перехода» в России и американская внешняя политика [Электронный ресурс] / М.Г. Макарычева. – Режим доступа: http://nationalization.ru/Library/neoliberal_strategy_in_russia.pdf.

198. Малинова, О.Ю. Политика памяти в постсоветской России [Электронный ресурс] / О.Ю. Малинова. – Режим доступа: <http://postnauka.ru/video/41333>.

199. Матвеева, С.Я. Консервативный либерализм в современной России. Радикал-либеральный проект в консервативной среде [Электронный ресурс] / С.Я. Матвеева. – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/943/927/1217/001ons2-93_-_0005-18.pdf.

200. Монойло, А.В. Проблемы демонтажа политических режимов в современном мире [Электронный ресурс] / А.В. Монойло – Режим доступа: <http://nic-pnb.ru/articles/problemy-demontazha-politicheskix-rezhimov-v-sovremennom-mire/>

201. Неолиберальная глобализация [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.socioguru.ru/sgurus-930-1.html>.

202. Неолиберальная идеология имеет географию, и пример тому – кризис экономики Запада: канадский эксперт [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.iarex.ru/news/36208.html>.

203. Пекинский консенсус vs. Вашингтонский консенсус [Электронный ресурс] // «Економіка і прогнозування». – 2011. – №1. – Режим доступа: <http://hvylya.net/analytics/economics/pekinskij-konsensus-vs-vashingtonskij-konsensus.html>.

204. Погорелый, Е.Д., Филиппов, К.В., Фесенко В.Ю. Политологический словарь-справочник [Электронный ресурс] / Е.Д. Погорелый, К.В. Филиппов, В.Ю. Фесенко. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 318 с. – Режим доступа: <http://politike.ru/dictionary/866/word/neoliberalizm>.

205. Пономарева, Е.Г. Секреты «цветных революций»: современные технологии смены политических режимов [Электронный ресурс] / Е.Г. Пономарева. – Режим доступа: <http://omiliya.org/article/sekrety-tsvetnykh-revoljucii-sovremennye-tehnologii-smeny-politicheskikh-rezhimov-elena-ponomareva>.

206. Початек, И. Ложное лицо неолиберализма [Электронный ресурс] / И. Початек. – Режим доступа: <http://rodnayaladoga.ru/index.php/mirovozzrenie/875-lozhnoe-litso-neoliberalizma>.

207. Примаков, Е.В. Почему неолиберализм непригоден для России. Российская газета. [Электронный ресурс] / Е.В. Примаков. – Режим доступа: <http://www.business-gazeta.ru/article/71965>.

208. Раундз, Д. Неолиберализм в странах Латинской Америки. Критика с позиций Карла Полаanyi [Электронный ресурс] / Д. Раундз – Режим доступа: <http://personnel.uapa.ru/courses/%C0%EC%E5%F0%E8%EA%E0.htm>.

209. Роль США в осуществлении «цветных революций» в зарубежных странах [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://newzz.in.ua/politic/1148836094-rol-ssha-v-osushhestvlenii-cvetnykh-revoljucijj-v.html>.

210. Сайт организации «Проблемы теории и практики управления»: аналитический обзор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ptpu.ru/Issues/1_00/pu1_19.htm.

211. Сайт Президента Украины [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.president.gov.ua/documents/19104.html>.

212. Самир Амин предложил путь развития для России [Электронный ресурс] / С. Амин. – Режим доступа: <http://pglobal.ru/news/557/>

213. Симонян, Р.Х. Реформы 1990-х годов: общественно-политические результаты [Электронный ресурс] / Р.Х. Симонян. – Режим доступа: http://www.rusproject.org/current/current_1/itogi_20_let_simonjan.

214. Смит, П. Неолиберализм – наш Франкенштейн: Греция и Украина как горячие точки в новой войне за мировое господство [Электронный ресурс] / П. Смит. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20150216/226298221.html>.

215. Стоядинович, М. Неолиберализм и неоимпериалистический концепт глобализации [Электронный ресурс] / М. Стоядинович / Пер. Р. Гойкович, П. Тихомиров. – Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2012/04/20neoliberalism_i_neoimperilisticheskij_koncept_globalizacii.

216. Сулакшин, С.С., Багдасарян, В.Э., Вилисов, М.В., Нетесова, М.С., Пономарева, Е.Г., Сазонова, Е.С., Спиридонова, В.И. Нравственное государство. От теории к проекту [Электронный ресурс] / Под общ. ред. С.С. Сулакшина. – М.: Наука и политика, 2015. – 424 с. – Режим доступа: http://rusrand.ru/files/14/12/04/141204062202_nravstvgos.pdf.

217. Тренор, П. Неолиберализм: происхождение, теория, определение [Электронный ресурс] / П. Тренор. – Режим доступа: <http://web.inter.nl.net/users/Paul.Treanor/neoliberalism.html>.

218. Хомски, Н. Неолиберализм и глобальный порядок [Электронный ресурс] / Н. Хомски. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/490>.

219. Уринсон, Я. Экономические реформы в России – 20 лет спустя. Стратегия развития/модели роста [Электронный ресурс] / Я. Уринсон. – Режим доступа: <http://ecpol.ru/index.php/2012-04-05-13-39-38/2012-04-05-13-39-53/381-ekonomicheskie-reformy-v-rossii-20-let-spustya>.

220. Юсупова-Фарзиева, Д.М. Информационно-коммуникативные технологии как основа «цветных революций» в современном мире: автореф. дис. ... канд. полит. наук. 23.00.02 [Электронный ресурс] / Юсупова-Фарзиева Диана Маликовна. – Пятигорск, 2012. – Режим доступа: <http://pandia.ru/text/77/415/89680.php>.